Русскій политическій сыскъ за границей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„LA POLICE SECRÈTE RUSSE A L'ETRANGER"

МИНУВШЕЕ

Историческая Библіотека Русскаго Освободительнаго Движенія

ВЫПУСКЪ I-й.

Русскій политическій сыскъ за границей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПАРИЖЪ
1914 г.

L. MENSTSCHIKOFF
38, CHEMIN DES MOULINS, 38
FONTENAY AUX ROSES (SEINE)
FRANCE

Imprimerie Française-Étrangère J. Nachimovitch
17, Rue des Feuillantines, Paris

ОБЪ ИЗДАНІИ

ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ РУССКАГО

ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

„МИНУВШЕЕ“.

ОБЪ ИЗДАНІИ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ РУССКАГО ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

„МИНУВШЕЕ“.

Русское освободительное движеніе въ значительной степени опредѣляетъ политическія судьбы современной Россіи. Оно займетъ, несомнѣнно, свое почетное мѣсто и въ общемъ поступательномъ ходѣ мірового прогресса. Но у этого движенія, не смотря на то, что оно пережило рядъ десятилѣтій, нѣтъ писанной исторіи. Немногія попытки обобщеній, которыя дѣлались въ этой области (работы Туна, Цилліакуса, Кульчицкаго, Сватикова*) въ на-

*) А. Тунъ: „*Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи*“ (нѣсколько изданій). Конни Цилліакусъ: „*Революціонная Россія*“ (Петербургъ, 1906 г.). Л. Кульчицкій: „*Исторія русскаго революціоннаго движенія*“ (Петербургъ, 1908 г., томъ I-й; II-й т., на нѣмецкомъ языкѣ — Гота, 1911 г.). С. Г. Сватиковъ: „*Общественное движеніе въ Россіи*“ (Ростовъ на Дону, 1905 г.)

Болѣе солидное изслѣдованіе — „*Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX-го вѣка*“ (изд. „Общественной Пользы“, нѣсколько томовъ) обнимаетъ лишь событія современной намъ эпохи.

Другія работы, какъ, напримѣръ: О. В. Аптекманъ — „*Земля и Воля*“ (изд. Суратъ, 1906 г.); В. Я. Богучарскій — „*Изъ исторіи политической борьбы — партія Народной Воли*“ (Москва, 1912 г.); И. П. Бѣлоконскій — „*Земское движеніе*“ (Москва 1914 г.), — хотя и являются весьма цѣнными монографіями, но касаются ограниченныхъ періодовъ и отдѣльныхъ теченій освободительнаго движенія.

стоящее время не могутъ быть признаны удовлетворительными, такъ какъ всѣ онѣ страдаютъ неполнотою и, во всякомъ случаѣ, не отвѣчаютъ серьезности задачи.

Иначе, впрочемъ, и не могло быть. Еще не приспѣло время для *настоящей* исторіи освободительной борьбы. Трудно вообще охватить движеніе, столь глубокое и длительное, во всемъ его многогранномъ цѣломъ. Еще труднѣе нарисовать картину событій съ соблюденіемъ исторической перспективы и должной объективности, когда страсти еще не утихли, раны болятъ, борьба не окончена. Эти затрудненія усиливаются еще тѣмъ, что запасъ матеріаловъ, необходимыхъ для строго-научнаго, исчерпывающаго изслѣдованія, слишкомъ ограниченъ.

Вспомогательные, такъ сказать лѣтописные, источники исторіи движенія весьма скудны. Совсѣмъ недалеко время, когда въ русской литературѣ нельзя было найти данныхъ для всесторонняго изученія даже такого всемірно-извѣстнаго событія, какъ бунтъ декабристовъ. Только въ памятные дни «свободъ» русская печать успѣла огласить серію документовъ, значительной исторической цѣнности; но дни эти были коротки, многія изъ появившихся въ то время изданій были вскорѣ изъяты изъ обращенія, а такіе журналы, какъ «Былое» и «Минувшіе Годы», много поработавшіе тогда въ дѣлѣ архивнаго собирательства, погибли преждевременно.

Наше время политическаго затишья является подходящимъ моментомъ для подведенія итоговъ пережитому, для спокойной и трезвой критики содѣяннаго. Именно теперь все-

го необходимѣе разобраться въ наслѣдіи прошлаго и, бросивъ на него ретроспективный взглядъ, извлечь полезные уроки для будущаго. Само собою разумѣется, чѣмъ богаче и разнообразнѣе запасъ фактовъ, которыми мы должны оперировать, чѣмъ всестороннѣе освѣщены эти факты — тѣмъ точнѣе, непогрѣшимѣе будутъ и выводы, на нихъ построенные.

Минувшее десятилѣтіе показало, что мысль о настоятельной необходимости изученія прошлаго нашей общественности замѣтно выросла въ сознаніи передовыхъ слоевъ русской интеллигенціи. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ фактъ, уже отмѣченный прессой, что большинство русскихъ періодическихъ изданій стало охотно предоставлять свои страницы произведеніямъ историческаго характера: личнымъ мемуарамъ, воспоминаніямъ о почившихъ дѣятеляхъ, ихъ перепискамъ и пр. Въ Россіи возникъ даже новый журналъ — «Голосъ Минувшаго», посвященный въ значительной своей части исторіи русской общественности.

Въ появившихся матеріалахъ удѣляется вниманіе и событіямъ освободительной борьбы. Къ сожалѣнію, прошлое этой борьбы, дѣйствительно *красной* нитью проходящей черезъ всю русскую жизнь послѣдняго полвѣка, не находитъ себѣ достаточно полнаго и достойнаго отраженія въ текущей литературѣ. Причинъ тому имѣется нѣсколько.

Русское освободительное движеніе протекало и протекаетъ, большей частью, въ условіяхъ нелегальности; это накладываетъ на его исторію особый отпечатокъ. Конспираціи, къ

которымъ вынуждены прибѣгать политическіе союзы, загнанные репрессіями правительства въ подполье — съ одной стороны и секреты, прикрывающіе темную дѣятельность охранной организаціи, направленной противъ движенія — съ другой, создаютъ атмосферу, полную тайнъ. Благодаря этому обстоятельству, непосредственное знакомство съ подлинной исторіей освободительнаго движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правильная оцѣнка его событій, становятся крайне затруднительными.

Однако, дѣло не въ однихъ, вышеуказанныхъ, внѣшнихъ условіяхъ общаго характера. Изученіе прошлаго освободительной борьбы не достигло надлежащей высоты отчасти и потому, что этой работѣ сами непосредственные участники движенія не удѣляли того вниманія, котораго она безусловно заслуживаетъ. Нужно ли это доказывать? Вотъ примѣры. Даже наиболѣе солидныя нелегальныя организаціи до сего времени не обзавелись приличными архивами (за исключеніемъ, можетъ быть, одного Бунда)*). Нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительной справочной книги по исторіи движенія.**) Не имѣется серьезнаго,

*) Попытка организаціи «Библіотеки и Архива россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», о чемъ возвѣщалъ десять лѣтъ тому назадъ «Бюллетень № 1-й», не имѣла успѣха.

**) Сборники этого типа: «*Календарь Народной Воли*» (Женева, 1883 г.); «*За сто лѣтъ*» (Лондонъ, 1897 г.); «*Соціалъ-демократическій календарь*» (Женева, 1902 г.); «*Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за 40 лѣтъ*» (Женева, 1903 г.) — очень устарѣли и слишкомъ бѣдны содержаніемъ, такъ какъ появились въ тѣ времена, когда матеріалы по исторіи движенія были ничтожны. Изъ позднѣйшихъ изданій: «*Рабочій ежегодникъ*» (Петербургъ, 1906 г.) — чрезчуръ мало удѣлилъ вниманія исторической части, а «*Историко-революціонный Альманахъ*» (Петербургъ, 1907 г.), конфискованный до выпуска въ свѣтъ — со-

основательно поставленнаго журнала, который, находясь въ условіяхъ полной свободы печати, былъ бы посвященъ исключительно минувшему освободительной борьбы во всей ея совокупности.*) Ветераны движенія, которымъ есть о чемъ разсказать и которые, казалось, уже могли бы это сдѣлать, не дѣлятся своими воспоминаніями.**) Партія, существующая полтора десятка лѣтъ, съ именемъ которой связаны яркія событія русской жизни, не дала еще полнаго обзора своей дѣятельности***)...

Но, если участники освободительной борьбы, часто за неимѣніемъ времени и средствъ, или изъ-за понятной осторожности, молчатъ даже тогда, когда хотѣлось бы говорить, то другая сторона — русское правительство предпочитаетъ оставаться нѣмымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этомъ нѣтъ никакой нужды.

ставляетъ библіографическую рѣдкость и, кромѣ того, въ силу своего календарнаго построенія, неудобенъ для пользованія.

*) Журналъ «*Былое*», издаваемый В. Бурцевымъ за границей является предпріятіемъ единоличнымъ; симпатичный по цѣли, онъ, помимо своей непериодичности, односторонснъ въ подборѣ матеріала и заставляетъ желать многаго въ смыслѣ редакціи.

**) Крупныя произведенія мемуарной литературы, касающіяся исторіи движенія за послѣднее пятидесятилѣтіе, немногочисленны: «*Записки революціонера*» — П. А. Крапоткина (нѣсколько изданій); «*Воспоминанія В. Дебагоріо-Мокріевича*» (Штутгартъ, 1903 г.); «*Изъ воспоминаній прошлаго*» — Л. Ф. Пантелѣева (Петербургъ, 1905 г.); «*16 лѣтъ въ Сибири*» — Л. Г. Дейча (Петербургъ, 1906 г.); «*Изъ недавняго прошлаго*» — Г. Гершуни (Парижъ, 1908 г.). Другія воспоминанія разсѣяны въ мелкихъ брошюрахъ и другихъ нелегальныхъ изданіяхъ, мало кому доступныхъ.

***) Единственная въ этомъ направленіи попытка: «*Очерки по исторіи партіи соціалистовъ-революціонеровъ*» — С. Нечетнаго, напечатанные въ сборникѣ «Соціалистъ-Революціонеръ», № 4. Очерки эти весьма бѣглы и остались нбзаконченными.

Правящая бюрократія боится простого упоминанія о фактахъ движенія. Долгое время легальной печати не разрѣшалось нызывать имена такихъ извѣстныхъ людей, какъ Герценъ, Чернышевскій и Лавровъ, не позволялось писать объ арестахъ и обыскахъ — этомъ «бытовомъ явленіи» русской жизни...

Казенные исторіографы вспоминали объ освободительномъ движеніи лишь въ особыхъ случаяхъ, занимались его исторіей только по спеціальнымъ заказамъ, вызывавшимся потребностями «внутренней политики» правительства. Не трудно перечесть оригинальные труды этой категоріи. Легкомысленная записка графа Палена (министра юстиціи): «*Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи*» (напечатана впервые, за границей, типографіей «Работникъ», въ 1875 году). «*Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи*», составленный, по распоряженію III-го Отдѣленія, извѣстнымъ Мальшинскимъ (1879 г.). «*Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи*», написанная жандармскимъ генераломъ Шебеко для ознакомленія «Европы» съ «кознями» русскихъ «нигилистовъ» (издана министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на французскомъ языкѣ, въ количествѣ ста экземпляровъ, въ 1890 году). Большая работа г. Татищева, которую предполагалось закончить въ 1905 году, но которая не увидѣла свѣта. Сюда же слѣдуетъ отнести «*Обзоры важнѣйшихъ дознаній*», производившихся жандармскими управленіями, которые печатались, начиная съ 1881 года, департаментомъ полиціи...

Перечисленные труды оффиціальныхъ лѣтописцевъ, понятно, проникнуты специфиче-

скимъ «направленіемъ»; назвать ихъ историческими можно только въ ковычкахъ. Кромѣ того, изданы они были «конфиденціально» и потому остались доступными самому ограниченному кругу читателей, преимущественно изъ тѣхъ, для которыхъ освободительное движеніе есть не болѣе, какъ «преступная» дѣятельность «неблагонадежныхъ» лицъ. Вообще же извѣстно, какъ ревниво оберегаетъ правительство свои тайники, сколь трудно, почти невозможно, добраться до архивныхъ хранилищъ пресловутой охраны. И нечего думать, разумѣется, что представители оффиціальнаго міра, страдающіе неизлечимой свѣтобоязнью, когда нибудь сами займутся обнаруженіемъ исторической истины.

Но «нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ». Какъ ни старается правительство укрыть слѣды своей потаенной работы, а правда о ней умудряется таки выбраться изъ-подъ могильной плиты цензурныхъ запретовъ. И многимъ изъ того, что русское общество знаетъ относительно наименѣе освѣщенныхъ эпизодовъ освободительной борьбы, оно обязано трудамъ частныхъ лицъ — такихъ неутомимыхъ изслѣдователей прошлаго, какими являются В. И. Семевскій, В. Я. Богучарскій, П. Е. Щеголевъ, Мих. Лемке и другіе. Примѣръ этихъ немногочисленныхъ, на этомъ поприщѣ, литературныхъ работниковъ доказываетъ, какъ много можно достигнуть въ данномъ направленіи при надлежащихъ энергіи и настойчивости, даже въ условіяхъ русской дѣйствительности.

Но если, какъ я уже упоминалъ, для строго научнаго описанія прошлыхъ судебъ русскаго

освободительнаго движенія благопріятный моментъ еще не наступилъ, то тѣмъ болѣе стараній необходимо приложить къ тому, чтобы собрать и подготовить матеріалы, изъ которыхъ въ будущемъ русскій Оларъ, или Сорель, сможетъ возвести построеніе, вполнѣ достойное славнаго прошлаго освободительной борьбы.

Поэтому, очередной задачей всѣхъ интересующихся изученіемъ русской революціонной старины, является, по моему мнѣнію, слѣдующее: 1) *извлеченіе изъ оффиціальныхъ тайниковъ и бережное сохраненіе всего, что относится къ исторіи освободительнаго движенія;* 2) *тщательная провѣрка, поясненіе и дополненіе добытыхъ данныхъ;* 3) *популяризація, съ соотвѣтствующими комментаріями, собранныхъ матеріаловъ, посредствомъ опубликованія ихъ во всеобщее свѣдѣніе и путемъ организаціи надежныхъ, доступныхъ широкой публикѣ, архивныхъ хранилищъ.*

Приблизительно такія цѣли ставилъ я себѣ, приступая къ собиранію документовъ и свѣдѣній по исторіи русскаго освободительнаго движенія. Исключительно благопріятныя условія, въ которыхъ я находился, позволили мнѣ скопить большой запасъ матеріаловъ, главнымъ образомъ оффиціальнаго происхожденія и конфиденціальнаго характера, обнимающихъ событія движенія за послѣдніе 50 лѣтъ.

Въ составъ помянутыхъ матеріаловъ, болѣе или менѣе уже классифицированныхъ, входятъ: 1) данныя, почерпнутыя изъ архива III-го Отдѣленія, касающіяся движеній 40-60-хъ годовъ (польское возстаніе, студенческія волненія, Герценъ, эмиграція и т. д.); 2) нѣсколько

записокъ по исторіи революціоннаго движенія эпохи 70-80-хъ годовъ; 3) рядъ очерковъ о возникновеніи и паденіи нелегальныхъ организацій за 20-лѣтіе 1886-1906 гг. (по секретнымъ документамъ); 4) подробнѣйшая хроника событій освободительнаго движенія за 1902-1905 годы (такъ называемая «газета департамента полиціи»; 5) собраніе литературныхъ памятниковъ, программъ, уставовъ и отчетовъ тайныхъ политическихъ организацій, дѣйствовавшихъ за послѣдніе 50 лѣтъ и коллекція рѣдчайшихъ произведеній свободнаго слова; 6) обзоры, доклады, записки и донесенія, касающіеся нѣкоторыхъ періодовъ, или отдѣльныхъ сторонъ и эпизодовъ, освободительнаго движенія, а такъ же секретные циркуляры и прочіе документы, имѣющіе отношеніе къ политическимъ розыскамъ, надзору и репрессивной дѣятельности русскаго правительства.

«Всякій историческій матеріалъ пріобрѣтаетъ всю полноту своей цѣнности только тогда, когда онъ перестаетъ быть собственностью частныхъ хранилищъ и становится общественнымъ достояніемъ. Сдѣлать общедоступными и богатства моего архива и мою исключительную освѣдомленность, — цѣль, къ которой я стремлюсь...»

Такъ писалъ я въ послѣсловіи моего «Открытаго письма» къ П. А. Столыпину. Однако, достигнуть вышеозначенной цѣли, оказывается, не такъ легко. Для опубликованія всѣхъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ нужны значительныя (относительно) средства. Большая часть документовъ, которыми я располагаю, принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые могутъ появиться лишь за пре-

дѣлами досягаемости господъ инспекторовъ по дѣламъ печати. Условія же заграничнаго издательства русскихъ книгъ хорошо извѣстны.

Но работа архивнаго собирательства, которой я удѣлилъ столько силъ и времени, ждетъ своего завершенія. Это скромное дѣло имѣетъ свою общественную цѣнность. Оно, по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, не терпитъ отлагательства.

Поэтому я рѣшаю приступить теперь-же къ изданію исторической библіотеки русскаго освободительнаго движенія, подъ общимъ заглавіемъ: «*Минувшее*».

Въ серію книгъ названной библіотеки войдутъ матеріалы, которымъ не суждено появиться въ Россіи и которые не могутъ быть введены въ основныя мои работы («Тайны русской охраны», «Двадцать лѣтъ во вражьемъ станѣ», «Черная книга» и «Хроника» освободительнаго движенія).

Разумѣется, я приложу всѣ старанія къ тому, чтобы предпринимаемое дѣло двигалось возможно быстрѣе, но долженъ сознаться, что вполнѣ регулярное и желательно — серьезное выполненіе намѣченнаго плана въ значительной степени будетъ зависѣть отъ сочувствія и поддержки со стороны тѣхъ, кто раздѣляетъ мою точку зрѣнія на значеніе опубликованія историческихъ матеріаловъ. Смѣю надѣяться, что такіе люди найдутся.

Я не считаю задачу предстоящей работы слишкомъ академичной, или узко-спеціальной, лишенной связи съ жизненными требованіями переживаемаго момента. По этому поводу необходимо сдѣлать нѣкоторыя поясненія. Я не вѣрю, что въ Россіи есть «парламентъ»,

«конституція». Въ Государственной Думѣ я вижу прежде всего ширму, подъ прикрытіемъ которой производится спѣшная реставрація изжившаго себя абсолютизма, о чемъ русская жизнь говоритъ убѣдительнымъ языкомъ неопровержимыхъ фактовъ. «Легальныя возможности», о которыхъ твердятъ нѣкоторые оптимисты, я считаю призрачными, а успѣхи героическихъ попытокъ использованія этихъ возможностей — сомнительными. Линія поведенія правительства, реакціонныя симпатіи котораго вполнѣ очевидны, не оставляетъ, мнѣ кажется, сомнѣній въ томъ, что дни «легальныхъ возможностей», (такихъ, по крайней мѣрѣ, о которыхъ стоило-бы говорить) сочтены. Новый законъ о печати г-на Маклакова, или старое беззаконіе его сподручныхъ — это все равно, — докончитъ избіеніе литературныхъ первенцевъ. Надлежащимъ образомъ будутъ зафиксированы и свободы «*отъ* собраній и союзовъ». Однимъ словомъ, близокъ моментъ, когда самые наивные люди увидятъ передъ собою ветхое «разбитое корыто», а господа легализаторы — тѣ изъ нихъ, которые не намѣрены ползти по пути приспособленій до потери собственнаго лика, принуждены будутъ, въ концѣ концовъ, спуститься въ неуютное подполье, отъ котораго они такъ брезгливо отвернулись. И, волей-неволей, придется всѣмъ взяться за старое, заржавленное, но хорошо испытанное оружіе...

Конечно, въ подпольи — тѣсно и темно. Въ нелегальной работѣ ждутъ провалы и предательства. Но не слѣдуетъ нервничать. Необходимо взглянуть на дѣло спокойнѣе.

Грѣхъ вѣроломства старъ, какъ міръ. Едва Христосъ навербовалъ дюжину учениковъ, какъ среди нихъ оказался измѣнникъ. Но Іуда повѣсился, а христіанство покорило народы. Предатели были, есть и будутъ. Разъ господствуетъ реакція — неизбѣжна нелегальная дѣятельность. Если будетъ конспирація — заведутся и шпіоны. Съ этой мыслью надо примириться. Но это не даетъ права опускать руки, или успокаиваться на мысли, что: «естественный ходъ вещей самъ свое возьметъ». Нѣтъ, со шпіонажемъ надо энергично бороться. И если думать о совершенномъ искорененіи этого зла нельзя, то заботиться о сведеніи до крайняго минимума вреда, причиняемаго провокаціей — должно. Лишь та работа разумна, которая совершается при условіяхъ наименьшаго сопротивленія и наибольшей экономіи силъ.

Борьба съ политическимъ шпіонажемъ, какъ «внутреннимъ», такъ и «наружнымъ», вполнѣ возможна. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ вопросѣ. Можно лишь сказать вообще, что, кромѣ чисто практическихъ мѣръ (обнаруженіе и обезвреженіе предателей, парализованіе слѣжки, противодѣйствіе перлюстраціи и т. д.), нужно примѣненіе и профилактическихъ средствъ, какъ общихъ (повышеніе этическихъ требованій и пр.) такъ и частныхъ. Въ ряду послѣднихъ основательное изученіе исторіи освободительнаго движенія стоитъ на первомъ планѣ.

Безпристрастное изслѣдованіе ближайшихъ причинъ гибели тайныхъ организацій и точное констатированіе промаховъ и недочетовъ въ ихъ дѣятельности (съ технической стороны)

— могутъ принести существенную пользу освободительной работѣ идущаго на смѣну поколѣнія. Правдивая повѣсть о былыхъ ошибкахъ и печальныхъ неудачахъ, лучше всякихъ сентенцій можетъ научить тому, чего слѣдуетъ избѣгать и остерегаться. Фактическое и документальное выясненіе обстановки, въ которой дѣло дѣлалось, должно указать, какъ его не слѣдуетъ дѣлать. Въ области такихъ историческихъ изысканій лежатъ задачія, несомнѣнно отвѣчающія запросамъ текущаго момента. Съ этой стороны мертвая архивная работа пріобрѣтаетъ животрепещущій интересъ и практическій смыслъ.

Дать обильный и разнообразный матеріалъ для извлеченія надлежащихъ уроковъ изъ исторіи освободительной борьбы, въ цѣляхъ содѣйствія болѣе успѣшному теченію послѣдней въ будущемъ — и составляетъ ближайшую конкретную задачу библіотеки «Минувшее».

Было бы планомѣрнѣе, пожалуй, начать опубликованіе матеріаловъ съ той части ихъ, которая касается болѣе ранняго времени. Но утилитарныя соображенія заставляютъ меня отказаться отъ хронологическаго распредѣленія и побуждаютъ выбрать то, что имѣетъ болѣе злободневный характеръ. Поэтому содержаніе первыхъ двухъ выпусковъ «Минувшаго» составятъ документы и другія данныя, относящіеся къ постановкѣ русскаго политическаго сыска за границей. Появленіе свѣдѣній объ этой охранной организаціи, я думаю, своевременно. Русская политическая эмиграція всегда, а въ годы репрессивныхъ вакханалій правительства — въ особенности, играла важную роль въ освободительномъ движеніи

за границей находили себѣ пріютъ центры революціонныхъ организацій; сюда же, естественно, направляла своихъ лучшихъ развѣдчиковъ охрана. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ недалекомъ будущемъ, когда обновленное самодержавіе окончательно сброситъ съ себя маску, эмиграція опять пріобрѣтетъ свое значеніе, ей снова придется принять близкое, живое, быть можетъ руководящее участіе въ движеніи. Въ виду этого, ознакомленіе съ пріемами и системой дѣйствія русской охранной полиціи за границей можетъ оказаться весьма полезнымъ, какъ для самихъ эмигрантовъ, такъ и для тѣхъ, кому суждено, быть можетъ, придти на ихъ смѣну.

Приступая къ опубликованію донесеній Рачковскаго, Ратаева и Гартинга, завѣдывавшихъ заграничной агентурой департамента полиціи, и другихъ документовъ того же характера, я долженъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Оффиціальные документы имѣютъ свое достоинство: они отличаются положительностью и содержатъ цѣнный фактическій матеріалъ. Но если даже свидѣтельства революціонныхъ источниковъ не лишены иногда субъективной окраски и побочныхъ вліяній, то казенныя писанія въ этомъ отношеніи грѣшатъ несравнено больше. Тѣмъ не менѣе, они заслуживаютъ вниманія даже и тогда, когда лгутъ, если, разумѣется, эта ложь не вводитъ никого въ заблужденіе.

Впрочемъ, въ оффиціальныхъ перепискахъ, не преслѣдующихъ спеціальныхъ цѣлей — главнымъ образомъ въ тѣхъ, которыя служатъ потребностямъ взаимной информаціи охранниковъ и циркулируютъ лишь въ ихъ

интимномъ кругу, злоумышленное искаженіе истины встрѣчается рѣдко. За то въ документахъ этого рода легко натолкнуться на ложь иного типа — я имѣю въ виду случаи, когда докладчики, желая щегольнуть передъ начальствомъ освѣдомленностью, выдаютъ собственныя догадки и вымыслы своихъ агентовъ за сущую дѣйствительность. Бываетъ и такъ, что «секретные сотрудники» даютъ, по личнымъ побужденіямъ, своимъ руководителямъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія. Все это, разумѣется, надо имѣть въ виду при чтеніи всякихъ секретныхъ донесеній.

Есть, конечно, документы и «документы». Цѣнность оффиціальныхъ свидѣтельствъ различна; но всѣ они одинаково нуждаются въ комментаріяхъ. Самымъ идеальнымъ было бы опубликованіе такихъ матеріаловъ послѣ тщательной провѣрки и со всѣми необходимыми разъясненіями. Къ сожалѣнію, такой порядокъ работы немыслимъ по чисто техническимъ причинамъ. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, пришлось бы опросить десятки лицъ, упоминаемыхъ въ докладахъ, при чемъ многіе пожелали бы, вѣроятно, сдѣлать свои поясненія, что, въ свою очередь, могло бы составить цѣлую книгу. Такая справочная процедура не по силамъ одному лицу и отняла бы много времени, задержавши появленіе въ свѣтъ матеріаловъ.

Нѣкоторыя, наиболѣе существенныя, комментаріи я дѣлаю, отчасти на основаніи отзыва компетентныхъ лицъ, въ отдѣлѣ «*Примѣчанія*». Если въ послѣдующемъ заинтересованныя лица найдутъ нужнымъ указать мнѣ на замѣченныя ими погрѣшности — я поста-

раюсь дать мѣсто этимъ поправкамъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ «Минувшаго».

Во всякомъ случаѣ, всѣ критическія замѣчанія будутъ приняты во вниманіе. Изъ скрещивающихся разномнѣній вырастаетъ истина. Прежде всего нужна правда — подлинная. Необходимо безпристрастіе — искреннее. Настоящая исторія не требуетъ бенгальскихъ огней — ни синихъ, ни красныхъ. Ей нуженъ только бѣлый, дневной свѣтъ объективной истины.

Л. Меньщиковъ.

5-го февраля 1914.

Парижъ.

СЕКРЕТНЫЯ ДОНЕСЕНІЯ

ДЕПАРТАМЕНТУ ПОЛИЦІИ

Рачковскаго, Ратаева и Гартинга

Завѣдывавшихъ Розыскной Агентурой.

СЕКРЕТНЫЯ ДОНЕСЕНІЯ

Департаменту Полиціи

Рачковскаго, Ратаева и Гартинга,

завѣдывавшихъ розыскной агентурой за границей.

I.

СПРАВКА.

„ Въ дополненіе къ предыдущимъ докладамъ обязываюсь добавить, что о дѣятельности и возникновеніи группы, присвоившей себѣ наименованіе „Соціалистовъ-Революціонеровъ“ имѣются слѣдующія свѣдѣнія заграничной агентуры (донесенія чиновника особыхъ порученій Рачковскаго (примѣч. 1) отъ 25 іюня и 9 іюля 1898 г., за №№ 29 и 36). Представителями этой группы за границей слѣдуетъ признать Хаима Житловскаго (въ Бернѣ), Хонона Раппопорта, Меера-Давида Сосниса и Антона Гнатовскаго (въ Парижѣ), Егора Лазарева (примѣч. 2) и Сруля Левентиса (въ Bougy sur Clarens). Въ качествѣ уполномоченныхъ отъ дѣйствующихъ въ Россіи единомышленниковъ, названные эмигранты образуютъ изъ себя „Комитетъ“, который и вѣдаетъ дѣлами группы за границей. Выразителемъ мнѣній этой партіи должно считать органъ „Русскій Рабочій“, фактическими редакторами коего состоятъ вышеназванные эмигранты. Въ интересахъ конспираціи, послѣдніе указали адресъ Алексѣя Теплова въ Лондонѣ (16, St. Paul's Place, Connysbury), который, принадлежа къ народовольческой партіи, никакого отношенія къ соціально-революціонной фракціи не имѣетъ. До декабря 1897 года „Комитетъ“ располагалъ самыми незначительными средствами, при чемъ „Русскій Рабочій“ печатался исключительно на деньги жены Раппопорта,

рожденной Ратнеръ, нынѣ умершей. Только въ январѣ текущаго года Житловскому удалось установить правильную перевозку подпольной литературы въ Россію, благодаря чему онъ смогъ завязать, наконецъ, опредѣленныя сношенія внутри Имперіи. Судя по этимъ даннымъ, можно вывести заключеніе, что дѣйствующіе на родинѣ соціалисты-революціонеры быстро обогатились средствами и связями. Въ разговорѣ по этому поводу (примѣч. 3) Житловскій сказалъ: „Наши пріятели дадутъ намъ средства: мы будемъ издавать журналъ и печатать принципіальныя брошюры. Наша группа не особенно велика, но она существуетъ и дѣйствуетъ, имѣя своими представителями людей, преданныхъ дѣлу, — людей со средствами и связями. Недавно (въ февралѣ мѣсяцѣ) наши русскіе друзья устроили частный съѣздъ, съ участіемъ представителей другихъ политическихъ партій. Хотя путемъ этого съѣзда наши товарищи и не достигли существенныхъ результатовъ, но на немъ рѣшено было основать солидарную группу, въ противовѣсъ соціалъ-демократической партіи и устраивать дальнѣйшіе съѣзды для обсужденія программы дѣйствій. Пока было также рѣшено предложить дѣйствующимъ въ Россіи народовольцамъ объединиться подъ однимъ знаменемъ соціалистовъ-революціонеровъ и начать дружную работу. Коль скоро мы достигнемъ этого—мы достигнемъ многаго, ибо въ нашей разъединенности, изолированности и разногласіяхъ заключаются наши безсиліе и неудачи. Только въ этомъ случаѣ мы въ состояніи будемъ преодолѣть разлагающее вліяніе соціалъ-демократизма. Разъ мы получимъ благопріятныя свѣдѣнія о результатахъ перваго съѣзда, мы тотчасъ же выработаемъ коллективную программу, которую и пошлемъ нашимъ товарищамъ, для пополненій и разработки. По вопросу объ отношеніяхъ къ народовольцамъ, если бы эти послѣдніе пожелали дѣйствовать самостоятельно, — мы останемся товарищами и друзьями “.

Въ концѣ марта 1898 г. къ Житловскому пріѣзжалъ делегатъ изъ Россіи, который и привезъ ему выработанную на первомъ съѣздѣ программу, впослѣдствіи нѣсколько дополненную Житловскимъ и Раппопортомъ. Личность делегата осталась невыясненной *). Но онъ объявилъ Житловскому, что его русскіе товарищи признаютъ его за границей оффиціальнымъ представителемъ своей фракціи, обезпечивая ему изъ „Литературнаго фонда“ необходимыя денежныя средства на изданіе „Соціалиста-Революціонера“, боевого органа съ опредѣленной физіономіей, который, во избѣжаніе провала, группа, пока, предпочитаетъ печатать за границей (прим. 4). Упомянутый органъ партіи „Соціалистъ-Революціонеръ“ предназначается спеціально для интеллигенціи и будетъ выходить въ свѣтъ каждые три мѣсяца, при чемъ корреспонденціи и отдѣльныя статьи будутъ присылаться Житловскому изъ Россіи. Что же касается „Русскаго Рабочаго“, то таковой предназначается исключительно для рабочихъ и будетъ издаваться на понятномъ для нихъ языкѣ; оба изданія будутъ редактироваться заграничными представителями народившейся группы въ Россіи. Къ осени предполагаютъ устроить новый съѣздъ на Югѣ Россіи, на которомъ, главнымъ образомъ, имѣется въ виду окончательно выработать планъ дѣйствій центральнаго кружка и постараться присоединить къ новой организаціи „южно-русскую соціалистическую группу“, дѣйствовавшую до послѣдняго времени самостоятельно и недавно присоединившуюся къ „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“. За Житловскимъ и Раппопортомъ, предполагающими принять

*) Можно полагать, что делегатомъ былъ бывшій студентъ Московскаго университета Александръ Чепикъ, выбывшій за границу съ паспортомъ Одескаго градоначальника отъ 21 апрѣля 1898 года, за No. 4701. По свѣдѣніямъ сотрудника Аз., Чепчикъ жилъ въ Берлинѣ вмѣстѣ съ Розенбаумомъ и Житловскимъ и принадлежалъ къ ихъ группѣ; вернулся Чепикъ въ Россію 12 Августа, заявивъ, что ѣдетъ въ Саратовъ, но туда не прибывалъ и теперь розыскивается (живетъ въ Москвѣ). (Прим. 5)

участіе въ этомъ съѣздѣ, учреждено спеціальное наблюденіе и, въ случаѣ ихъ выбытія въ Россію, будутъ приняты надлежащія мѣры для ихъ прослѣдки и выясненія сношеній въ Имперіи.

Выразителемъ мнѣній соціально-революціонной партіи до нѣкоторой степени является брошюра Григоровича (Житловскаго): „Соціализмъ и борьба за политическую свободу“.... (примѣч. 6).

Главная и конечная цѣль группы соціалистовъ-революціонеровъ заключается въ уничтоженіи существующаго государственнаго строя и замѣнѣ такового конституціоннымъ правленіемъ. Оказывая помощь всѣмъ революціоннымъ элементамъ въ Россіи, стремящимся къ созданію новыхъ формъ русской политической жизни, соціалисты-революціонеры, помимо обычныхъ революціонныхъ пріемовъ, признаютъ, какъ можно видѣть изъ брошюры Григоровича (Житловскаго), рабочій терроръ однимъ изъ главныхъ орудій борьбы. Группа эта рѣшила сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы соединиться съ русскими соціалъ-демократами на почвѣ взаимныхъ уступокъ. Означенное объединеніе, какъ полагаютъ вожаки этого движенія, должно значительно усилить общереволюціонное дѣло въ Россіи. По ихъ мнѣнію, послѣдніе годы русской политической жизни ясно показали, что революціонные элементы всевозможныхъ направленій значительно поднялись духомъ, и теперь дѣло, какъ они полагаютъ, только за умѣлой организаціей и ея руководствомъ.

Въ интересахъ наиболѣе успѣшнаго достиженія намѣченной цѣли, рѣшено завязать тѣсныя сношенія съ русскими выходцами съ цѣлью привлеченія къ дѣлу наиболѣе энергичныхъ эмигрантовъ, организаціи транспортовъ и выпуска цѣлаго ряда принципіальныхъ брошюръ, для каковой цѣли уже образовалась такъ называемая „Соціально-революціонная библіотека“.

Не смотря, однако, на столь желательное вожакамъ

соціалистовъ-революціонеровъ объединеніе, къ успѣху онаго встрѣчались значительныя затрудненія со стороны соціалъ-демократовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было судить по нижеслѣдующему письму Хонона Раппопорта къ Житловскому (примѣч. 7).

„ Я не согласенъ съ вами, пишетъ Раппопортъ, на счетъ соціалъ-демократіи, но былъ бы болѣе радъ, если бы организовалась болѣе передовая партія. Очень возможно, что русскіе соціалъ-демократы, приличные на видъ, въ личныхъ отношеніяхъ, окажутся болѣе отсталыми, чѣмъ Плехановъ и другіе. Они ничего не говорятъ о пріемахъ борьбы и, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ противъ всякой инціативы активной борьбы. Я еще до выхода нашей программы дѣлалъ различіе между русскими и заграничными соціалъ-демократами. Въ этомъ смыслѣ мы всѣ высказались въ брошрѣ „ Соціализмъ и борьба за политическую свободу “. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ окончательно отмѣтить, опредѣлить свои отношенія къ возникшей организаціи „ Петербургскій союзъ за освобожденіе рабочаго класса “, Плехановъ воспользуется представительствомъ его группы за границей и будетъ вести себя хуже прежняго. Намъ надо работать,—работать надъ собой, выяснить себѣ положеніе и связанные съ нимъ вопросы, работать надъ пропагандой своихъ взглядовъ и требовать болѣе правильнаго и болѣе цѣлесообразнаго отношенія между нами, но не дробить своихъ силъ на группы, существующія только въ воображеніи двухъ-трехъ приверженцевъ. Въ Россіи, какъ повсюду въ Европѣ, мыслимы теперь только два основныя направленія въ соціализмѣ и политикѣ: соціалъ-демократическое и соціально-революціонное. Первое — конспиративно, по своимъ теоретическимъ основамъ, какъ всякая доктрина, основанная на догматахъ. Другими словами, соціалъ-демократическое направленіе на практикѣ оппортунистическое. Я лично не только не вѣрю въ революціонность, но и не вѣрю въ

ея соціализмъ, который, какъ у Бернштейновъ и Миллерановъ, политиканствующихъ соціалъ-демократовъ, отодвигается въ безконечную даль. Соціализмъ останется живымъ элементомъ только въ лѣвомъ соціалъ-демократическомъ крылѣ и рано или поздно перейдетъ въ соціально-революціонный лагерь. Соціалъ-демократія, энергичная на словахъ, слишкомъ дорожитъ достигнутымъ успѣхомъ (чисто формальнаго характера), своей организаціей, чтобы когда бы то ни было рисковать ими, или рѣшиться на революціонную инціативу. Этого не случится ни въ Россіи, ни на Западѣ. Мы, соціалисты-революціонеры, дорожимъ прежде всего дѣйствительнымъ, а не формальнымъ осуществленіемъ своего идеала и, требуя приложенія максимума энергіи для его достиженія, должны строго оберегать чистоту своего знамени отъ всякихъ подозрительныхъ компромиссовъ. Чѣмъ болѣе я обдумываю положеніе дѣлъ на Западѣ и въ Россіи, тѣмъ болѣе я проникаюсь огромной важностью нашей задачи, — ея исторической и этической важностью. Допустимъ даже, что ближайшая побѣда принадлежитъ радикалъ-соціалистамъ или соціалъ-демократамъ, представляющимъ болѣе крайнюю ступень по отношенію къ соціалистамъ-радикаламъ, необходимо всякому мыслящему соціалисту-политику, видящему далѣе своего носа, разъ навсегда сказать себѣ, что побѣда этихъ группъ не будетъ еще побѣдой соціализма. Онѣ — эти группы — только подготовятъ или очистятъ путь къ соціализму; чистому революціонному соціализму предстоитъ окончательное осуществленіе нашего идеала, для котораго почва далеко еще не подготовлена, но которую мы должны подготовлять всѣми силами, безпрерывно. Свобода отъ догматовъ открываетъ намъ широкое поле для всевозможныхъ формъ вліянія, какъ на общество, такъ и на массы. Поэтому мы не должны унизить наши разногласія съ марксистами до „ стараго спора славянъ между собой “, до спора между народовольцами и соціалъ-демократами. Наши раз-

ногласія гораздо глубже, шире и обнимаютъ гораздо большую площадь, чѣмъ Россія. Наша революціонность по отношенію къ Россіи, какъ и наше болѣе широкое пониманіе и болѣе вѣрная оцѣнка сравнительнаго значенія ея общественныхъ и народныхъ силъ, есть только частный выводъ болѣе широкаго міросозерцанія, основанный на изученіи всѣхъ элементовъ исторіи. Одно изъ условій успѣшной нашей дѣятельности — это взаимная и безусловная преданность дѣлу и неутомимая самокритика".

Но если такая точка (зрѣнія) существуетъ по отношенію къ соціалъ-демократамъ, то объединеніе соціалистовъ-революціонеровъ съ народовольцами, наоборотъ, представляется весьма возможнымъ, въ виду нѣкотораго сходства программъ обѣихъ группъ и отсутствія къ данному времени у народовольцевъ руководящаго центра.

Судя по добытымъ свѣдѣніямъ, можно вывести заключеніе, что Житловскій имѣетъ революціонныя связи съ Одессой, Кіевомъ, Харьковомъ, гдѣ, повидимому, и группируются его единомышленники. Мѣсяца три тому назадъ онъ получилъ изъ Харькова сочиненіе Каутскаго „Экономическое ученіе Маркса", предназначенное для напечатанія въ количествѣ 1500 экземпляровъ (прим. 8).

Помимо сторганизовавшейся въ Россіи соціалъ-демократической партіи, съ центральнымъ комитетомъ во главѣ, имѣющей цѣлью достиженіе политической свободы, въ борьбѣ за которую онъ будетъ руководствоваться „славными традиціями Народной Воли", а также соціально-революціонной группы, предполагающей, въ свою очередь, скоро выступить на сцену, — является еще одна фракція — „С.-Петербургская группа рабочихъ-революціонеровъ", которая, не придя къ соглашенію съ соціалистами-революціонерами, рѣшила дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ названныхъ теченій.

Въ письмѣ къ Житловскому одинъ изъ представителей упомянутой фракціи пишетъ (прим. 9): „Наши

отдѣльныя группы Петербурга, Москвы, Кіева и другихъ городовъ, издавшія недавно свою брошюру „Шіонъ“, вслѣдъ за образованіемъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, рѣшили также объединиться и въ результатѣ состоявшагося съѣзда постановили образовать одну общую „Русскую соціалъ-демократическую рабочую партію“, выразителемъ мнѣній которой будетъ имѣющая издаваться газета „Рабочее Знамя“, первый номеръ коей уже набирается въ Россіи въ нашей типографіи. Помимо нашей общереволюціонной работы, мы вступимъ въ борьбу съ „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіей“ и постараемся убѣдить ее въ колоссальной ошибкѣ, заключающейся въ томъ, что она признаетъ Плеханова и его группу своими оффиціальными заграничными представителями. Не будь этого, мы не преминули бы присоединиться къ этой несомнѣнно могущественной партіи и не очутились бы въ оппозиціи къ ней. Мы скоро устроимъ въ Москвѣ или Кіевѣ еще одинъ съѣздъ, который, однако, не состоится ранѣе выхода въ свѣтъ нашей газеты „Рабочее Знамя“.

Программа означенной фракціи сходится въ общемъ съ программой соціалистовъ-революціонеровъ, поставившихъ себѣ задачей достигнуть политической свободы при посредствѣ рабочихъ. Русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ необходимо, доказываютъ они, объединить рабочіе элементы и направить свою дѣятельность къ тому, чтобы этотъ классъ промышленныхъ рабочихъ на самомъ дѣлѣ сдѣлался носителемъ и исполнителемъ всей соціально-революціонной программы. Соглашаясь вполнѣ съ такими воззрѣніями своихъ товарищей, соціально-революціонная группа, въ свою очередь, утверждаетъ, что они, дѣйствительно, должны стремиться къ тому, чтобы сдѣлать городской рабочій классъ авангардомъ всѣхъ трудящихся слоевъ Россіи, объединить всѣ выдающіеся элементы этихъ слоевъ подъ своимъ знаменемъ и своею

неослабною дѣятельностью доставить торжество соціальной революціи.

Руководствуясь вышеприведенными принципами, названная группа постановила:

1) устраивать ежегодно одинъ съѣздъ за границей и два внутри Имперіи;

2) выступить на родинѣ, какъ противовѣсъ противъ „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи", при посредствѣ активной пропаганды во всѣхъ слояхъ русскаго общества;

3) не ограничиваясь обыкновенными пріемами пропаганды и агитаціи, внушать рабочему классу необходимость прежде всего политической свободы;

4) признать политическій терроръ однимъ изъ лучшихъ способовъ борьбы за политическую свободу;

5) направить всѣ усилія партіи къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя и къ подготовленію покушеній первостепенной важности;

6) считать необходимымъ ежегодно празднованіе перваго Мая;

7) признать за стачками и манифестаціями большое политическое значеніе;

8) приступить немедленно къ печатанію за границей рабочей революціонной литературы, въ защиту соціально-революціонныхъ принциповъ своей партіи;

9) организовать внутри Россіи собственную тайную типографію для печатанія въ ней прокламацій, вызываемыхъ обстоятельствами времени и мѣста;

10) устанавливать въ важныхъ случаяхъ взаимное соглашеніе между русскими и заграничными соціалистами-революціонерами при посредствѣ спеціальныхъ лицъ, для этой цѣли предназначенныхъ;

11) уполномочить Житловскаго и Раппопорта вести въ качествѣ редакторовъ журналъ „Русскій Рабочій" и издавать по третямъ года „Вѣстникъ соціалистовъ-революціонеровъ", предназначаемый исключительно для

разработки принципіальныхъ вопросовъ по соціализму;

12) въ виду конспиративныхъ соображеній не опубликовывать пока о состоявшемся съѣздѣ, его организаціи, планахъ и постановленіяхъ;

13) вести дальнѣйшіе переговоры съ партіей „Петербургская группа рабочихъ-революціонеровъ“ на предметъ привлеченія ея къ своей организаціи.

Есть полное основаніе думать, что центральная группа этой послѣдней находится въ Кіевѣ, откуда и развѣтвляются ея сношенія, главнымъ образомъ съ Одессой и Харьковомъ.

Независимо отъ вышеупомянутыхъ группъ, польская соціально-революціонная партія устроила недавно свой четвертый съѣздъ въ Варшавѣ, въ результатѣ коего и состоялось, между прочимъ, постановленіе объ изданіи трехмѣсячнаго научно-соціалистическаго журнала „Swiatlo“ („Свѣтъ“), пятьсотъ экземпляровъ коего на дняхъ уже послано въ Германію для переправы таковыхъ въ Россію.

Изъ послѣднихъ, исходящихъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, свѣдѣній усматривается, что дѣйствующія въ Имперіи три фракціи стремятся къ объединенію съ поляками, разсчитывая общими силами и совмѣстною дѣятельностью оживить съ настоящей зимы революціонное движеніе путемъ террора, составляющаго, по идеѣ революціонеровъ всѣхъ группъ, единственное средство для достиженія политической свободы.

Чиновникъ особыхъ порученій Ратаевъ. (Прим. 10). 30 января 1899 года.“

II.

Донесенія Рачковскаго о М. В. Лурія.

а) *Докладъ отъ 31 октября 1899 г.*

„Владиміръ Бурцевъ, по освобожденіи изъ тюрьмы, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе по приговору Лондонскаго суда, намѣренъ продолжать издавать свой журналъ „Народоволецъ“, при чемъ расчитываетъ на поддержку эмигрантовъ Мовши Лурія, Кусіеля Терешковича, Евгенія Степанова, Ивана Кашинцева и Петра Алисова. Названный Лурія, польскій соціалистъ-революціонеръ, до выѣзда за границу, будто-бы, убилъ какого-то рабочаго, заподозривъ его въ шпіонствѣ. По прибытіи въ Лондонъ, Лурія поступилъ въ типографію Черткова въ Пюрлеѣ съ цѣлью заработка и завязалъ сношенія съ польскими и русскими соціалистами-революціонерами. Въ концѣ Марта 1899 г. Лондонскій „Фондъ Вольной Русской Прессы“ предполагалъ отправить Лурія въ Россію съ значительнымъ транспортомъ революціонныхъ изданій.

По этому поводу эмигрантъ Василій Масловъ-Стокозъ писалъ (прим. 11) слѣдующее: „Лурье, нашъ наборщикъ, ѣдетъ въ Россію и везетъ транспортъ Чертковскихъ изданій. Онъ просилъ, нельзя ли достать нѣкоторыя народовольческія изданія, которыя онъ могъ бы провезти (Парижскіе матеріалы и Вѣстникъ Народной Воли)“.

По дальнѣйшему выясненію личности Лурье оказалось, что ему удалось уже благополучно провезти въ Россію транспортъ революціонныхъ изданій, въ которомъ заключались брошюры Черткова и довольно большое количество революціонныхъ изданій для „Группы рабочихъ-революціонеровъ“, которые, не смотря на арестъ типографіи „Рабочаго Знамени“ (прим. 12) и нѣсколькихъ организаторовъ, остались на свободѣ въ гораздо боль-

шемъ количествѣ, чѣмъ можно предполагать. Лурье по этому поводу сказалъ (прим. 13): „Группа рабочихъ-революціонеровъ“ будетъ теперь называться „Группа Рабочаго Знамени“. Послѣднее заявленіе (іюль 1899 г.) „Россійской соціалъ-демократической партіи“ о присоединеніи къ ней группы, издававшей „Рабочее Знамя“, не точно, такъ какъ въ дѣйствительности къ ней присоединилось лишь нѣсколько ея членовъ. Группа „Рабочее Знамя“ существуетъ отдѣльно и мы стараемся возстановить новую типографію и выпустить второй номеръ „Рабочаго Знамени“. Арестъ типографіи и моего брата (Михель Лурія привлекался къ дѣлу Бѣлостокской типографіи), продолжалъ Лурія, нанесъ намъ страшный ударъ, но не убилъ насъ окончательно. Убійство шпіона должно было бы убѣдить правительство, что мы можемъ бороться и активно. За послѣднее время мы сильно окрѣпли и я вернулся изъ Россіи полнымъ надежды и силъ. Я намѣренъ скоро вернуться въ Россію и везу новый транспортъ въ три тысячи экземпляровъ брошюръ „Шпіонъ“. Эта брошюра произвела въ Россіи большой эффектъ, при чемъ первое изданіе ея, въ томъ-же количествѣ экземпляровъ, разошлось великолѣпно. Центръ нашей дѣятельности ранѣе былъ Бѣлостокъ, а теперь мы выбрали другой, болѣе удобный пунктъ.“

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ (прим. 14) можно заключить, что Лурье отправится въ Россію черезъ Голландію и Берлинъ, откуда онъ предполагаетъ отправиться къ какому-то нѣмцу-земледѣльцу, владѣющему участкомъ земли, прилегающимъ къ русской территоріи. Въ первую свою поѣздку онъ посѣтилъ въ Вильнѣ бывшаго студента Демидовскаго Лицея Іосифа Соломонова Минора, у котораго скрывался нѣсколько дней, прежде, чѣмъ совершить поѣздку по Россіи.

Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній явствуетъ, что Лурье сильно хлопочетъ о привлеченіи Русанова, какъ литературной силы, къ сотрудничеству въ изданіяхъ партіи „Рабочее

Знамя", которая въ октябрѣ текущаго года выдвинула вопросъ объ активной борьбѣ, подчеркивая терроръ, какъ необходимое средство для самообороны. Въ виду предстоящаго отъѣзда Лурье въ Россію, Чертковъ вызвалъ Гнатовскаго въ (Шюрлей?) для завѣдыванія типографіей. Въ первыхъ числахъ октября 1899 г. въ прилагаемомъ письмѣ Лурье извѣщаетъ, что онъ поѣдетъ въ Россію только мѣсяца черезъ три, если, однако, позволятъ обстоятельства, т. к. „Рабочее Знамя" не можетъ прислать ему денегъ на дорогу. Чтобы не сидѣть въ Лондонѣ безъ дѣла, онъ въ эти три мѣсяца займется наборомъ романа Кравчинскаго „Штундистъ Руденко", который будетъ изданъ на средства англичанъ женой Кравчинскаго. Въ этотъ промежутокъ времени Лурье надѣется, что его единомышленники въ Россіи съумѣютъ добыть необходимыя денежныя средства для его поѣздки съ транспортомъ и для устройства типографіи.

Къ настоящему донесенію прилагаются четыре подлинныя письма Моисея Лурія, неизвѣстно кому адресованныя (прим. 15), слѣдующаго содержанія:

I. „Дорогой товарищъ. Срокъ, назначенный типографомъ вполнѣ удовлетворительный, но цѣна слишкомъ высокая. Въ Лондонѣ обошлось бы 3000 экземпляр. не больше шести фунтовъ. На обложкѣ, на обратной сторонѣ, слѣдуетъ напечатать списокъ изданій:

Изданія „Рабочаго Знамени":

1) „Рабочее Знамя", органъ Русской соціалъ-демократической рабочей партіи, 1800 экземпляровъ. 2) „Боевой кличъ рабочаго класса" (отдѣльный оттискъ изъ „Рабочаго Знамени", № 1), 1000 экз. 3) „Краткая исторія французской революціи", 2000 экземпляр. 4) „Біографія П. Л. Лаврова" (съ портретомъ), 2000 экз. 5) „Шпіонъ". Картинка изъ жизни. 2-е изданіе, 3000 экземпляровъ.

Изданія „Группы рабочихъ-революціонеровъ“:

I. „Секретный цйркуляръ“. Три изданія, 8000 экз. 2) „Задачи русской революціонной партіи“, 1800 экз. 3) „Шпіонъ“. 1-е изданіе, 3000 экз. Перепечатать съ обложки „Шпіонъ“. Желательно, чтобы типографской фирмы не было выставлено. Крѣпко жму вашу руку. Лурій. Приблизительно 13-го сентября я выѣду отсюда. Пишите, гдѣ вы будете тогда. Поклонъ отъ Жукова. “

II. „Пурлей, 7 сентября. Дорогой товарищъ. Очень вамъ благодаренъ за ваши хлопоты. Обязательно 3000 экземпл. Форма и образецъ обложки я прилагаю при письмѣ, а также списокъ нашихъ изданій съ указаніемъ числа экземпляровъ. (Прошу печатать также, какъ здѣсь). Надѣюсь къ 20 сентября быть въ Парижѣ. И поэтому самое лучшее отъ васъ же получили. Я вамъ тогда привезу 105 фран. Въ случаѣ, если васъ не будетъ въ Парижѣ, то оставляйте у Р. Анск., или у Лавр., а деньги я вамъ пришлю туда, гдѣ вы будете. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣться съ вами передъ отъѣздомъ. Какъ только напечатаю біографію Л. я вамъ пришлю нѣсколько экземпляровъ. Крѣпко жму вашу руку. М. В. Лурія “.

III. „Пурлей, 19 сентября. Дорогой товарищъ. Я долженъ отложить на нѣсколько дней мою поѣздку, такъ какъ у меня нѣтъ еще денегъ, которыя обѣщаны мнѣ изъ Россіи. Какъ пріѣду, привезу съ собой слѣдуемые за брошюрку деньги. Извѣщу вамъ день моего пріѣзда. Крѣпко жму вашу руку. М. В. Лурія “.

IV. „Лондонъ, 9 октября. Дорогой товарищъ. Пурлей я оставилъ уже нѣсколько дней изъ за желанія Черткова уменьшить заработной платы. Въ Р. я пока не могу поѣхать и только черезъ три мѣсяца (если позволятъ обстоятельства). Денегъ у меня нѣтъ, мнѣ даже не хватаетъ для напечатанія портрета П. Л. Изо-дня въ день ожидаю обѣщанныя товарищами деньги. Надѣюсь, что

вы простите за неаккуратность. Пока я живу у-Кагана въ ожиданіи шрифта, который я выписалъ для Ф. Степнякъ, съ тѣмъ, чтобы набирать здѣсь романъ Степняка „Штундистъ Руденко“. Работы хватитъ на 11 недѣль, а потомъ не знаю, чѣмъ придется жить. Надѣюсь на будущей недѣлѣ выслать Вамъ свой долгъ. Крѣпко жму Вашу руку. М. В. Лурій. Прекеръ передалъ, что вы не вполнѣ здоровы. Сообщите, какъ вы чувствуете себя теперь, а также, получили ли Вы экз. Біогр. Л. На случай, если заѣдете надолго, то передайте на храненіе П. Л. для меня. Бурцевъ спрашиваетъ, почему нѣтъ писемъ и газетъ“.

б) *Телеграмма Рачковскаго отъ 28 мая (10 Іюня) 1900 г.*

„Лурія продолжаетъ работать въ Пюрлеѣ вмѣстѣ съ эмигрантомъ Сергѣемъ Андроповымъ, но собирается ѣхать въ Россію, для чего пріобрѣлъ два паспорта: русскій, на имя виленскаго мѣщанина Абрама Фишкеса отъ 26 іюля 1899 года, за № 1394 и голландскій на имя Боомгарда“ (прим. 16).

в) *Донесеніе Рачковскаго отъ 8/21 Декабря 1900 г.*

При донесеніи было представлено добытое совершенно секретнымъ путемъ письмо Лурія къ Янкелю-Якову Лейзеру-Лазареву Юдилевскому, изъ коего между прочимъ усматривается, что въ Парижѣ образовался народовольческій кружокъ, подобно тому, который организованъ въ Берлинѣ безвозвратно высланнымъ изъ Россіи Адольфомъ-Хаимомъ-Ефимомъ Левитомъ, онъ же Левиди; кромѣ того въ письмѣ сообщалось, что отправившійся въ Россію съ революціонными порученіями, подъ именемъ Штейна, эмигрантъ Вульфъ Мордковъ Менкесъ задержанъ въ Гродненской губерніи“ (прим. 17).

г) *Телеграмма Рачковскаго изъ Берлина отъ 14 марта 1901 г.*

„Лурія пишетъ за границу своимъ пріятелямъ слѣдующее: „Какъ видите, все благополучно, я въ Петербургѣ, работаемъ во всю. Соединенный Комитетъ рабочихъ организацій „Соціалистъ“ и „Рабочее Знамя“ (прим. 18).

III.

Докладъ Рачковскаго отъ 28 Мая (10 Іюня) 1900 г., за No. 11.

Соціалъ-Демократы.

Въ концѣ 1894 года группа „Освобожденіе Труда“ во главѣ съ Плехановымъ и Аксельродомъ основала „Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ“. Новый „Союзъ“ заявилъ, что онъ стоитъ на почвѣ народнаго соціализма и вполнѣ раздѣляетъ основные взгляды группы Освобожденія Труда, какъ на капиталистическое развитіе современной Россіи, такъ и на вытекающія изъ этого факта ближайшія задачи русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Главною цѣлью Союза было оказаніе помощи соціалистическому движенію въ Россіи путемъ печатанія переводныхъ соціалъ-демократическихъ произведеній на русскомъ языкѣ.

Къ концу минувшаго 1899 года, благодаря успѣшной соціалъ-демократической пропагандѣ въ Россіи, составъ Союза значительно увеличился, при чемъ къ нему примкнули такіе революціонеры, какъ Михаилъ Сущинскій, Иваншинъ, Кричевскій, а впослѣдствіи Николай Бауманъ, Нахамкисъ, Махновецъ и другіе, которые, воспитавшись въ Россіи „на утопическомъ государственно-профессорскомъ соціализмѣ“ и проникнутые, по мнѣнію Плеханова,

ошибочными взглядами на практическія задачи и тенденціи русскаго рабочаго движенія, внесли окончательный расколъ и, какъ естественное слѣдствіе раскола, анархію, сдѣлавшую невозможнымъ нормальное отправленіе функцій „Союза“.

По мнѣнію упомянутыхъ выше „молодыхъ“ соціалъ-демократовъ, вступившихъ въ открытую борьбу съ представителями группы „Освобожденіе Труда“, не признающей идеалистическихъ и мелко-буржуазныхъ предразсудковъ, вытравляющихъ будто-бы изъ соціалъ-демократическаго движенія исторически пріобрѣтенный и упроченный за нимъ революціонный смыслъ,—вся дѣятельность соціалъ-демократической партіи должна быть исключительно направлена къ экономической борьбѣ пролетаріата и участію его въ либерально-оппозиціонной дѣятельности.

Свои взгляды „молодые“ соціалъ-демократы высказали въ опубликованномъ ими такъ называемомъ „Credo“ (прим. 19), сущность котораго сводится къ слѣдующему.

По мнѣнію молодыхъ соціалъ-демократовъ рабочій на Западѣ не завоевывалъ, а лишь пользовался отвоеванными мелкой буржуазіей и ремесленниками демократическими учрежденіями и, во время революціи, представлялъ изъ себя дикую массу, способную лишь къ бунтамъ, но отнюдь не къ выставленію какихъ либо политическихъ требованій. Ядро соціалъ-демократическихъ организацій составляли всегда „мануфактурно обученные“ рабочіе (типографщики, часовыхъ дѣлъ мастера и т. д.) но, никакъ не фабричный пролетаріатъ, плохо поддающійся организаціямъ. Рабочее движеніе шло во всѣхъ странахъ „по линіи наименьшаго сопротивленія“ и если на Западѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ этой линіей и оказывалось направленіе политическое, то въ Россіи линія наименьшаго сопротивленія, благодаря существующему строю, никоимъ образомъ не можетъ быть направлена въ сторону политической дѣятельности, такъ что всякіе разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи въ

Россіи суть ничто иное, какъ переносъ чужихъ задачъ на русскую почву. Такимъ образомъ, полагаютъ „молодые соціалъ-демократы“, русскія силы должны быть направлены на помощь исключительно экономической борьбѣ нашего пролетаріата. Рабочимъ извѣстны только двѣ вещи: 1) ихъ собственный, ясно сознанный конкретный интересъ и 2) ихъ положеніе среди другихъ классовъ, а потому пропагандировать имъ сверженіе самодержавія, значитъ призывать ихъ къ революціи, которая, въ результатѣ, можетъ повлечь за собою лишь „серпуховскія побоища“.

Тѣ же самыя мысли неоднократно высказывались и въ письмахъ къ Аксельроду, въ которыхъ одинъ изъ его корреспондентовъ (прим. 20.) приводитъ мнѣніе, „выдающагося по своему оригинальному мышленію“ „молодого“ товарища, близко знакомаго съ положеніемъ бельгійскихъ рабочихъ. По его словамъ, въ Бельгіи, не смотря на полную свободу слова и собраній, тамошніе рабочіе мало интересуются политикой и всѣ старанія интеллигенціи направить ихъ на политическую борьбу разбиваются въ конецъ, вслѣдствіе чего „толковать рабочей массѣ въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о соціализмѣ и, наконецъ, объ уничтоженіи самодержавія, вообще нелѣпо и непроизводительная трата силъ“.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ авторовъ „Credo“, по словамъ которыхъ пролетарій игралъ на Западѣ лишь пассивную роль въ завоеваніи политической свободы, „старые“ соціалъ-демократы, съ Аксельродомъ и Плехановымъ во главѣ, утверждаютъ, что отсутствіе политической свободы или стѣсненіе политическихъ правъ пролетаріата всегда ведетъ къ необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый планъ, что осуществленіе программы авторовъ „Credo“, клонящейся къ тому, чтобы рабочій классъ, идя „по линіи наименьшаго сопротивленія“, ограничивался экономической борьбой, было бы равносильно политическому самоубійству русской

соціалъ-демократіи и, наконецъ, выражаютъ увѣренность что „на своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій рабочій долженъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы".

Не предрѣшая вопроса о болѣе или менѣе непосредственномъ участіи, которое русскій пролетаріатъ призванъ играть въ будущемъ завоеваніи политической свободы, молодые соціалъ-демократы отвѣчаютъ на возраженіе своихъ старыхъ товарищей, что рабочему классу, изъ котораго послѣ пораженія „Народной Воли" революціонная интеллигенція намѣревалась черпать силы для борьбы съ самодержавіемъ, не были указаны пути къ этой борьбѣ и что основы, которыми руководствуется въ настоящее время русское рабочее движеніе, даже прямо противоположны принципамъ группы „Освобожденіе Труда", въ виду чего они, молодые соціалъ-демократы, никоимъ образомъ не могутъ согласиться на принятіе выработанной этой группой въ 1885 году программы, такъ мало соотвѣтствующей дѣйствительнымъ нуждамъ русскаго пролетаріата.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ недоразумѣній, постепенно осложнявшихся за послѣднее время, Плехановъ, Аксельродъ, Засуличъ и Гинзбургъ (Кольцовъ) выступили изъ „Союза русскихъ соціалъ-демократовъ", отказавшись отъ редактированія союзныхъ изданій.

Въ ноябрѣ 1899 года Плехановъ предполагалъ основать новую группу и приступить къ изданію спеціальнаго органа. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ въ Мюнхенъ для переговоровъ съ тамошними соціалъ-демократами, сгруппировавшимися около Блюменфельда, но впослѣдствіи онъ отказался отъ этой мысли и заявилъ Михаилу Сущинскому, что онъ со своими единомышленниками намѣревается снова вступить въ „Союзъ", чтобы, объединившись, облегчить задачу предстоящаго съѣзда соціалъ-демократовъ въ Женевѣ для разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній.

Попытка Плеханова къ сближенію съ Сущинскимъ и К° была вызвана, очевидно, нежеланіемъ петербургской „Центральной Россійской соціалъ-демократической организаціи", чтобы группа „Освобожденіе Труда" дѣйствовала самостоятельно и независимо отъ заграничнаго „Союза". Вѣроятно по тѣмъ же соображеніямъ, „Центральная группа Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи" отложила также до апрѣля мѣсяца и съѣздъ, который долженъ былъ состояться въ Женевѣ въ концѣ минувшаго года, — въ надеждѣ, что возникшія партійныя разногласія между „молодыми" и „старыми" соціалъ-демократами къ тому времени улягутся.

Въ Петербургѣ одно время думали, что группа „Освобожденіе Труда" можетъ войти въ заграничный „Союзъ" на федеративныхъ началахъ. При этомъ имѣлось въ виду, что „Рабочее Дѣло" будетъ общимъ органомъ партіи и что каждой изъ двухъ группъ въ немъ будетъ отведено извѣстное количество страницъ. Предполагалось также, что при ежегодныхъ выборахъ въ администрацію, въ члены ея войдутъ представители обѣихъ группъ. Такимъ образомъ, Петербургскій центръ надѣялся, что „Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ" и ихъ органъ „Рабочее Дѣло" будетъ оффиціальнымъ представителемъ его за границей. Въ этомъ смыслѣ и разрѣшенъ былъ бы вопросъ, если бы не происки Плеханова, который не только стремился захватить въ свои руки дѣла „Союза", но и хотѣлъ подчинить своему вліянію „Россійскую соціалъ-демократическую рабочую партію" въ Петербургѣ.

Объ интригахъ Плеханова Михаилъ Сущинскій довелъ до свѣдѣнія петербургскаго центра, изъ котораго ему было отвѣчено, въ январѣ, что Плеханову даны инструкціи въ смыслѣ необходимости полнаго соглашенія между имъ и „Союзомъ", въ видахъ солидарности образа дѣйствій. Подчиняясь обстоятельствамъ, Плехановъ сдѣлалъ видъ, что онъ вполнѣ одобряетъ подобную постановку

вопроса и выработалъ сообща съ членами „Союза“ слѣдующее соглашеніе:

а) Обѣ группы составляютъ, какъ и прежде, часть Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи;

б) заграничнымъ оффиціальнымъ органомъ остается по прежнему „Рабочее Дѣло“, издающееся въ Женевѣ;

в) редакція „Рабочаго Дѣла“ остается въ прежнемъ составѣ;

г) за группой „Освобожденіе Труда“ признается право выпускать ежемѣсячно два печатныхъ листа подъ собственной редакціей этой группы;

д) одинъ изъ членовъ группы „Освобожденіе Труда“ входитъ въ администрацію группы „Союза русскихъ соціалъ-демократовъ“;

е) „Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ“ выдаетъ ежегодно 2000 франковъ группѣ „Освобожденіе Труда“ на ея кружковые расходы, и

ж) вышеприведенное соглашеніе можетъ быть дополнено и измѣнено на предстоящемъ частномъ съѣздѣ большинствомъ голосовъ.

На общемъ собраніи было рѣшено пополнить соціально-революціонную литературу беллетристикой, которой до послѣдняго времени не отводилось мѣста въ брошюрахъ и спеціальныхъ органахъ соціально-демократической партіи и на которую предъявляется большой спросъ въ Россіи.

Независимо отъ вышеизложеннаго, рѣшено было также издать рядъ брошюръ для пропаганды среди фабричныхъ рабочихъ и крестьянъ, приходящихъ на заработки изъ деревень въ промышленные центры Россіи, на понятномъ для нихъ языкѣ.

Наличный составъ заграничнаго „Союза“ опредѣляется къ 1-му января текущаго года изъ слѣдующихъ революціонеровъ:

Михаилъ Сущинскій, Павелъ Тепловъ („Сибирякъ“), представитель „Союза“ въ Бернѣ Владиміръ Иваншинъ,

Нахамкисъ, Махновецъ, Плехановъ, Аксельродъ, Гинсбургъ (Кольцовъ), Гришинъ и Лидія Сущинская; представитель „Союза“ въ Лондонѣ Бердинъ; дѣвица Ефронъ и Николай Бауманъ, представители „Союза“ въ Цюрихѣ; Гуревичъ и Борисъ Кричевскій, представители „Союза“ въ Парижѣ.

Къ послѣднему, въ виду его другихъ сношеній съ нѣкоторыми эмигрантами, приставленъ докторъ Петръ Сущинскій. На Михаила Сущинскаго возложено было завѣдываніе типографіею и революціонныя сношенія съ Россіей и за границей.

Редакція „Рабочаго Дѣла“ состояла изъ Кричевскаго, Иваншина, Павла Теплова и Плеханова.

Въ декабрѣ минувшаго года типографіей Союза было приступлено къ печатанію двойного номера „Рабочаго Дѣла“ и къ набору драмы Мирбо (переводъ съ французскаго) „Дурные пастухи“. Къ этому же приблизительно времени вышла брошюра подъ названіемъ „Протестъ россійскихъ соціалъ-демократовъ“ съ послѣсловіемъ редакціи „Рабочаго Дѣла“. Кромѣ того приступлено было къ составленію и печатанію спеціальной прокламаціи (помѣченной январемъ 1900 года) „Товарищи рабочіе“, въ количествѣ 10000 экземпляровъ, предназначенной для распространенія въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ и Варшавѣ. Затѣмъ была выпущена прокламація по случаю стачки въ Двинскѣ, устроенной членами „Россійской соціалъ-демократической партіи“ на спичечной фабрикѣ Закса. Въ моментъ печатанія означенной прокламаціи Сущинскимъ было получено извѣстіе изъ Кіева объ арестѣ типографіи газеты „Впередъ“, органа Кіевской и Екатеринославской группъ „Рос. соц. дем. рабочей партіи“, при перевозкѣ этой типографіи изъ одного мѣста въ другое (прим. 21).

По предварительному соглашенію съ Петербургскимъ центромъ, заграничный „Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ“ приступилъ въ концѣ февраля къ набору слѣ-

дующихъ прокламацій и брошюръ: 1) „1-е мая 1900 г.“, „Майскій листокъ“ „Рабочаго Дѣла“, изд. „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“; 2) Картина Густава Доре „Марсельеза“; 3) „Всемірный праздникъ рабочихъ 1-го мая“; 4) Письмо въ редакцію „Рабочаго Дѣла“, Аксельрода, изд. „Группы Освобожденія Труда“ и 5) „Что такое государственный преступникъ, революціонеръ и соціалистъ?“ Михаила Сущинскаго.

Помимо этого въ первыхъ числахъ апрѣля отпечатанъ „Манифестъ коммунистической партіи“ и приступлено къ набору шестого номера „Рабочаго Дѣла“.

Всѣхъ изданій было отпечатано въ количествѣ 20000 экземпляровъ, которые и были отправлены въ Берлинъ въ первыхъ числахъ апрѣля съ такимъ разсчетомъ, чтобы названныя революціонныя изданія были получены и распространены въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Казани, Кіевѣ и Лодзи, откуда, въ свою очередь, „вѣрные“ люди могли бы направить всю эту литературу въ остальные пункты. Водвореніе въ Имперію всѣхъ этихъ революціонныхъ изданій должно было быть произведено черезъ извѣстные нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ пограничные пункты.

По извѣстіямъ изъ Россіи тамошніе соціалъ-демократы предполагали устроить 1-го мая громадную манифестацію исключительнаго характера. „Эта манифестація, сказалъ Сущинскій (прил. 22), манифестація новаго вѣка; ею мы похоронимъ девятнадцатый вѣкъ“.

Сравнительно добрыя отношенія между Плехановымъ и „молодыми“ соціалъ-демократами продолжались недолго: мѣсяцъ спустя послѣ состоявшагося примиренія, Плехановъ выпустилъ брошюру подъ названіемъ: „Vademecum“, въ которой онъ выступаетъ не только противъ „молодой“ партіи соціалъ-демократовъ, но и относится критически къ образу дѣйствій „Петер-

бургскаго Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса", выразителемъ мнѣній котораго является органъ „Рабочая Мысль". Такъ, говоря о нападкахъ „молодыхъ" на сторонниковъ политической агитаціи, Плехановъ видитъ сущность этихъ нападокъ въ томъ обстоятельствѣ, что „молодые" соціалъ-демократы, по его мнѣнію, спутали понятіе о политической борьбѣ съ „заговорщицкой и террористической дѣятельностью". Плехановъ высказываетъ убѣжденіе, что „революціонная бацилла" обязана развивать самосознаніе рабочаго класса, каковое развитіе характеризуется тѣмъ, что рабочій классъ все яснѣе, все шире и глубже понимаетъ свои интересы; не только можно, но непремѣнно „должно" толковать рабочимъ объ ихъ интересахъ, которые еще не осознаны ими. „Русское революціонное движеніе восторжествуетъ какъ движеніе рабочихъ, или совсѣмъ не восторжествуетъ", повторяетъ Плехановъ слова, сказанныя имъ на Парижскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ 1899 г., а потому, какъ бы его „экономическіе товарищи" ни хлопотали объ агитаціи, заботливо очищенной отъ всякой „политической примѣси", какъ бы его ни упрекали „политическіе кастраты", онъ по прежнему гордится этими словами.

Не менѣе критически относится Плехановъ къ „Союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса", въ органѣ котораго „Рабочая Мысль", экономическое направленіе „расцвѣло во всей своей красѣ и славѣ". „И все это— товарищи! И все это — соціалъ-демократы! Это ли не хаосъ? Это ли не позоръ?" съ негодованіемъ восклицаетъ Плехановъ.

Появленіе упомянутой брошюры вызвало сенсацію не только въ рядахъ „молодыхъ" соціалъ-демократовъ, но и среди революціонеровъ другихъ толковъ, а равно и среди учащейся молодежи въ Парижѣ и Швейцаріи, сочувствующей соціалъ-демократическому движенію.

При такихъ обстоятельствахъ состоялся наконецъ 5/18

апрѣля съѣздъ соціалъ-демократовъ въ Женевѣ. Въ немъ принимали участіе слѣдующія лица: Михаилъ Сущинскій, Нахамкисъ, Николай Бауманъ, Борисъ Кричевскій, Цескинъ (изъ Ліона), Павелъ Тепловъ, Гуревичъ и Ефронъ (изъ Парижа), Вѣтринскій и Якубова (изъ Лондона), докторъ Анатолій Казаринъ и Гольдендахъ (депутаты изъ Россіи), Поляковичъ (редакторъ и завѣдывающій типографіей еврейскаго Bund'а въ Женевѣ), Василевскій, Капельзонъ (представитель всеобщаго еврейскаго союза въ Польшѣ и Россіи), Плехановъ, Аксельродъ, Гинцбургъ (Кольцовъ) изъ Цюриха, Владиміръ Иваншинъ и Махновецъ.

Участники съѣзда предполагали, что къ нимъ прибудутъ депутаты изъ Александровскаго Брянскаго завода и изъ Екатеринослава. Имѣются свѣдѣнія, что помимо упомянутыхъ соціалъ-демократовъ въ съѣздѣ приняли участіе два лица, прибывшія изъ Россіи, установить которыя, за краткостью времени (съѣздъ продолжался всего два дня), къ сожалѣнію, не представилось возможности.

Прежде, чѣмъ означенный съѣздъ состоялся, „молодые“ соціалъ-демократы, во главѣ съ Сущинскимъ, Махновцемъ и Нахамкисомъ — съ одной стороны и редакторами „Рабочей Мысли“ Вѣтринскимъ, Якубовой и Алексѣевымъ — съ другой, согласились между собой дѣйствовать солидарно противъ группы „Освобожденіе Труда“, во главѣ съ Плехановымъ, при чемъ, позабывши свои партійныя разногласія, рѣшили признать политическую борьбу однимъ изъ преобладающихъ принциповъ успѣха рабочаго движенія.

Въ этомъ же духѣ высказался и Центральный Комитетъ, потребовавшій, чтобы на съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о переходѣ къ болѣе энергичнымъ революціоннымъ мѣрамъ. Докладчиками отъ Центральнаго Комитета были Сущинскій, Нахамкисъ, Плехановъ и Павелъ Теп-

ловъ, которые поддерживали мнѣніе Петербургскаго Комитета.

Предполагая, что Плехановъ можетъ взять перевѣсъ на съѣздѣ и отобрать типографію „Рабочаго Дѣла“, Михаилъ Сущинскій рѣшилъ основать спеціальный боевой органъ, долженствовавшій привлечь на его сторону колеблющихся революціонеровъ не только за границей, но и въ Россіи. Помимо этого имѣлось въ виду приступить въ самой Россіи, а именно въ Екатеринославѣ, къ изданію спеціальной публикаціи подъ названіемъ „Екатеринославскій рабочій листокъ“. Что же касается Плехановской брошюры „Vademecum“, то таковая, какъ полагалъ Сущинскій, будетъ уничтожена по рѣшенію съѣзда.

Участвовавшіе въ съѣздѣ раздѣлились на три группы.

1) Группу за „Освобожденіе Труда“;

2) „Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ“ съ редакціей „Рабочаго Дѣла“ и

3) „Петербургскій Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“.

Прежде всего былъ поднятъ вопросъ о выработкѣ общей программы, предполагавшей объединеніе названныхъ революціонныхъ фракцій въ одну общую партію, съ учрежденіемъ представительнаго Комитета за границей.

Всѣ вышеупомянутые вопросы вызвали шумныя прѣнія. Двѣ трети присутствовавшихъ на съѣздѣ представителей признали брошюру Плеханова неосторожной и деморализующей выходкой. Въ качествѣ главныхъ обвинителей Плеханова выступили Михаилъ Сущинскій, Вѣтринскій и Иваншинъ. Въ результатѣ весьма ожесточенныхъ споровъ, заключившихся дракой, вопросъ объ общей программѣ дѣятельности былъ признанъ преждевременнымъ.

Точно также остался открытымъ и вопросъ о соединеніи названныхъ трехъ группъ въ одну общую партію, такъ какъ двѣ трети съѣзда отказались отъ совмѣстной дѣятельности съ Плехановымъ и К°.

По вышеупомянутымъ обстоятельствамъ вопросъ о представительномъ Комитетѣ за границей также остался не вырѣшеннымъ. Благодаря, однако, необычайной энергіи Сущинскаго, Нахамкиса и Гольдендаха, участники съѣзда добились измѣненія программы „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ и вынудили этотъ послѣдній признать политическую борьбу за руководящее начало революціонной дѣятельности, взамѣнъ экономической. Въ результатѣ этого рѣшенія Вѣтринскій и бѣжавшій изъ Сибири Алексѣевъ отказались отъ редактированія „Рабочей Мысли“ и заявили, что они остаются въ партіи лишь въ качествѣ типографщиковъ этой газеты, при чемъ номера названной публикаціи будутъ составляться въ С.-Петербургѣ, о чемъ и заявили уже въ № 8 „Рабочей Мысли“.

Что же касается группы „Освобожденіе Труда“, то по настоянію большинства участниковъ съѣзда, таковая вышла изъ Союза русскихъ соціалъ-демократовъ за границей. Обстоятельство это не имѣетъ серьезнаго значенія, въ виду того, что дальнѣйшая постановка вопроса о соціалъ-демократической дѣятельности находится въ полной зависимости отъ вновь образовавшагося въ Петербургѣ Центральнаго Комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, авторитету котораго всѣ представители вышеприведенныхъ фракцій рѣшили подчиниться безпрекословно. Вмѣстѣ съ симъ, большинствомъ голосовъ, на съѣздѣ было принято рѣшеніе объ исключеніи Плеханова изъ заграничнаго Союза. Выходя изъ послѣдняго собранія, Плехановъ, со свойственной ему ироніей, замѣтилъ: „Вотъ пріѣдетъ баринъ (Петербургскій Центральный Комитетъ) — баринъ насъ разсудитъ“.

Такимъ образомъ къ настоящему времени положеніе дѣлъ среди соціалъ-демократовъ обстоитъ такъ:

1) „Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ“ продолжаетъ существовать и будетъ издавать „Рабочее Дѣло“,

которое является по прежнему выразителемъ мнѣнія этой партіи.

2) Группа „Освобожденіе Труда“ выдѣляется въ особую фракцію и займется, по порученію Петербургскаго Центральнаго Комитета, спеціальными изданіями для революціонной интеллигенціи.

3) Дѣйствующая въ Россіи „Русская соціалъ-демократическая рабочая партія“ присоединяется къ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи на условіи полнаго подчиненія Центральному Комитету.

Этотъ послѣдній предполагаетъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всю революціонную дѣятельность соціалъ-демократовъ и подчинить своему непосредственному вліянію фракціи и лицъ, сочувствующихъ упомянутому движенію.

Заграничный Союзъ русскихъ с.-д-въ распался на части изъ которыхъ большинство составляютъ „молодые“ соціалъ-демократы, а меньшинство—Плехановъ, Аксельродъ и Гинцбургъ, при чемъ каждая изъ фракцій предъявляетъ требованіе на типографію и складъ революціонныхъ изданій. Вслѣдствіе этого Сущинскій предложилъ обѣимъ сторонамъ войти между собою въ соглашеніе по вопросу о типографіи, но противная сторона не приняла предложенія Сущинскаго, потребовавъ для разрѣшенія этого вопроса третейскаго суда. Группа „Освобожденіе Труда“ доказывала, что типографія и складъ составляютъ ея собственность и стала распускать слухи, что типографія присвоена себѣ Сущинскимъ. Обвиненіе это еще болѣе обострило отношенія между спорящими сторонами и сторонники Плеханова начали утверждать, что Сущинскій, не выдавая ему союзной типографіи, опирался лишь на нежеланіе свое нарушить право большинства, большинство же Союза не соглашалось, яко-бы, на ея выдачу въ томъ разсчетѣ, что Группа Освобожденія Труда, желая выручить свое имущество, будетъ дѣйствовать на меньшинство, въ смыслѣ большей уступчивости. Въ свою очередь Плехановъ заявилъ, что

до рѣшенія третейскаго суда „Рабочее Дѣло“ не можетъ считаться органомъ Союза русскихъ соціалъ-демократовъ.

Вслѣдъ за симъ, желая подѣйствовать на Центральный Комитетъ Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи въ смыслѣ оставленія за нимъ представительства за границей и тѣмъ самымъ уничтожить перевѣсъ, который имѣло надъ нимъ большинство Союза, онъ, опережая событія, предложилъ Комитету издавать и редактировать органъ, спеціально назначенный для русской интеллигенціи. Не ограничиваясь этимъ, онъ образовалъ новую организацію, подъ названіемъ „Революціонная организація соціалъ-демократовъ“, которая ставитъ себѣ задачей въ „критикѣ критиковъ“ доказать нелѣпость и реакціонность критиковъ Маркса и Энгельса, а равно вывести русское соціалъ-демократическое движеніе на старую дорогу политической борьбы и революціонной дѣятельности. Реорганизованная при означенныхъ условіяхъ соціалъ-демократическая партія дала знать о своемъ существованіи Центральному Комитету, при чемъ Плехановъ выписалъ для типографскихъ работъ изъ Мюнхена извѣстнаго департаменту Блюменфельда, который и пріѣхалъ въ Женеву, поселившись 18, rue Violette, и выпустилъ спеціальное воззваніе, въ которомъ предлагаетъ всѣмъ соціалъ-демократамъ, имѣющимъ мужество рѣшительно отвернуться „отъ ложныхъ друзей демократіи“, затемняющихъ положеніе дѣлъ въ нынѣшнемъ соціалъ-демократическомъ движеніи, присоединиться къ созданной имъ организаціи.

Впредь до рѣшенія этого вопроса Центральнымъ Комитетомъ Плехановъ будетъ печатать свои публикаціи у Бохановскаго въ Женевѣ: 4, rue de la..... На первое время готовятся къ печати: 1) „Красное Знамя“, исторія русскаго революціоннаго движенія. 2) Переизданіе Манифеста Коммунистической партіи Мар-

кса. 3) „Критика нашихъ критиковъ“ Плеханова, и 4) „Бернштейнъ въ борьбѣ съ діалектическими методами“.

Въ виду вышеизложеннаго поведенія Плеханова, Михаилъ Сущинскій, сдавъ всѣ свои дѣла Владиміру Иваншину, вышелъ изъ Союза. Въ письмѣ по этому поводу (прим. 23), Сущинскій пишетъ:

„Я заявилъ Союзу, что при теперешнемъ ненормальномъ положеніи дѣлъ, я считаю для себя невозможнымъ оставаться его членомъ и долженъ на время выступить изъ него... Переманивая на свою сторону неустойчивыхъ товарищей, онъ, Плехановъ, вноситъ страшную деморализацію въ нашу среду. Ко мнѣ присоединяются Нахамкисъ, Бауманъ, Махновецъ. Всѣ мы держимся теперь политики выжиданія, другими словами, мы ждемъ указаній Центральнаго Комитета.“

Еще рельефнѣе охарактеризовано отношеніе Плеханова къ остальнымъ соціалъ-демократамъ въ письмѣ (прим. 24) эмигранта Плохоцкаго къ Гуревичу:

„Въ Женевѣ въ соціалъ-демократическомъ лагерѣ ожидаются большія перемѣны: всѣ противъ всѣхъ конспирируютъ и держатъ все въ секретѣ. Предполагаютъ, что Плехановъ возьметъ бразды правленія или откроетъ свою лавочку. Блюменфельдъ пріѣхалъ не зря“.

Поддерживаемый Нахамкисомъ и Бауманомъ, Сущинскій заперъ складъ и типографію Рабочаго Дѣла. Временно заступившій Сущинскаго Иваншинъ напечаталъ по поводу этого событія заявленіе, въ которомъ отъ имени редакціи и администраціи Союза русскихъ соціалъ-демократовъ доводитъ до свѣдѣнія заинтересованныхъ лицъ, что шестой номеръ „Рабочаго Дѣла“ давно уже готовъ и могъ бы быть вполнѣ законченъ въ нѣсколько часовъ, если бы этому не мѣшало одно „глубоко печальное обстоятельство“, мѣшающее также редакціи исполнять и срочные заказы.

Въ виду всего вышеизложеннаго, дѣятельность загра-

ничнаго Союза пока пріостановлена и для напечатанія № 7 „Рабочаго Дѣла“ Иваншинъ прибѣгнулъ къ типографіи Еврейскаго Союза, который съ Поляковичемъ (NN) во главѣ составляетъ часть Союза русскихъ соціалъ-демократовъ. Въ этой же типографіи (Женева, Chemin des Pervenches, maison Hengel) напечатана брошюра подъ названіемъ „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія“ съ предисловіемъ редакціи „Рабочаго Дѣла“ и слѣдующія три брошюры, имѣющія выйти въ непродолжительномъ времени: 1) „Какъ держатъ себя на допросахъ“, 2) „Рабочее движеніе въ Екатеринославѣ“. 3) „Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ“.

Въ дополненіе къ обзору соціалъ-демократическаго движенія за границей считаю долгомъ упомянуть объ оппозиціонной колоніи, сосредоточившейся вокругъ Аксельрода, профессора, доктора Эрисмана, Засуличъ и Грозовскаго въ Цюрихѣ и состоящей изъ слѣдующихъ лицъ:

Быстрицкій, Тихвинскій, Алексѣй Тарасевичъ (изъ Одессы), Керчикеръ (изъ Твери), Марія Веревкина, Стефановичъ, Исаакъ Берлинъ (изъ Ростова на Дону), Софія Дикштейнъ (изъ Кіева), Раиса Ефронъ (изъ Могилева), Лидія Тарловская (изъ Харькова), Іосифъ Фридландъ, Глѣбъ Кошанскій (изъ Курска), Могилева (изъ Кіева), Елизавета Бѣлова (изъ Москвы), Фишеръ (изъ Саратова), Маркусъ Короневскій (изъ Гомеля), Людмила Лукина (изъ Курска), Игнатовская (изъ Томска), Хворостанская и Ратынская (изъ Варшавы), Евгенія Елисѣева (изъ Самары), дѣвица Фуксъ, мать которой убѣжденная толстовка въ Пюрлей.

„Рабочая Мысль“.

„Рабочая Мысль“, редактируемая въ Лондонѣ и печатающаяся, по нѣкоторымъ даннымъ, въ Антверпенѣ, имѣетъ своими представителями Махновца, Алексѣева и

Аладина. Матеріальныя условія редакціи „Рабочей Мысли“ къ 1-му января текущаго года были весьма ничтожны. Шестой и седьмой номера „Рабочей Мысли“ арестованы на Русско-Финляндской границѣ и обстоятельство это нанесло Лондонскому отдѣлу С.-Петербургскаго „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ большой ущербъ. Систематическій провалъ транспортовъ вызвалъ подозрѣніе, что въ типографіи находится русскій агентъ, который, не выдавая сношеній типографіи, доноситъ правительству о времени и пунктахъ водворенія названной газеты въ предѣлы Имперіи.

29-го января въ Парижъ прибылъ изъ Лондона эмигрантъ Махновецъ, извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ „Мара“, который въ то время еще, когда главныя редакціонныя силы „Рабочей Мысли“ сосредотачивались въ Брюсселѣ, руководилъ изданіемъ названнаго органа. Изъ разговоровъ его съ парижскими эмигрантами выяснилось, что у него произошла серьезная размолвка съ Вѣтринскимъ и Алексѣевымъ по вопросу о направленіи означеннаго органа и нежеланія послѣднихъ отступить отъ экономической программы и перейти на почву политической борьбы. Выступивъ, вслѣдствіе этой размолвки, изъ редакціи „Рабочей Мысли“, Махновецъ, по предварительному соглашенію съ Михаиломъ Сущинскимъ, Кричевскимъ, Павломъ Тепловымъ и Иваншинымъ, заявилъ своимъ товарищамъ въ Россіи и за границей, что Петербургскій „Союзъ за освобожденіе рабочаго класса“ сдѣлалъ громадную ошибку, увлекаясь исключительно улучшеніемъ экономическаго быта рабочихъ. Въ спеціальной запискѣ, составленной имъ по этому поводу, Махновецъ доказываетъ, что при существующемъ русскомъ государственномъ строѣ экономическая борьба безусловно немыслима и что соціально-экономическое улучшеніе рабочаго класса находится въ полной зависимости отъ достиженія политической свободы въ Россіи, вслѣдствіе чего наличныя силы соціалъ-демократовъ должны быть

направлены исключительно на революціонную борьбу съ русскимъ правительствомъ.

Изъ Парижа Махновецъ поѣхалъ въ Брюссель, оттуда въ Лѣжъ, затѣмъ въ Лондонъ, гдѣ видѣлся съ Андроповымъ, Алексѣемъ Тепловымъ, Гольденбергомъ, дѣвицею Розенбергъ, Ротштейномъ и Лурье. Наконецъ снова вернулся въ Парижъ, остановившись у своего пріятеля Загранскаго, 30, Boulevard St-Marcel. Здѣсь онъ видѣлся съ Александрой Лебедевой, Коваленко, Мальцевой, Пальчинской и Паули, своими знакомыми изъ Россіи.

Вслѣдъ за симъ Махновецъ отправился въ Бернъ для свиданія съ Житловскимъ и Павломъ Тепловымъ, а оттуда въ Женеву, гдѣ онъ поселился у Сущинскаго: 7, Chemin de la Cluse.

Примѣру Махновца послѣдовала и участвовавшая въ редакціи „Рабочей Мысли“ Якубова, но, по настоянію Петербургскаго центра, избравшаго ее своимъ оффиціальнымъ представителемъ за границей, она рѣшила временно остаться въ организаціи до Женевскаго съѣзда.

Такимъ образомъ, редакція этой газеты къ апрѣлю мѣсяцу состояла изъ Вѣтринскаго, Алексѣева и Якубовой, завѣдывавшей сношеніями съ Россіей и за границей. Типографія находится, повидимому, въ Шарлеруа (Бельгія) и завѣдуетъ ею, какъ можно думать, Аладинъ. Перевозкой „Рабочей Мысли“ занимался „Всеобщій еврейскій союзъ въ Россіи и Польшѣ“, при чемъ восьмой номеръ ея оказался неотправленнымъ изъ Женевы, такъ какъ еврейскій союзъ отказался отъ дальнѣйшаго водворенія этой газеты, вслѣдствіе того, что въ этомъ номерѣ была помѣщена статья противъ еврейскихъ организацій.

Бывшій студентъ С.-Петербургской Военно-Медицинской Академіи Вѣтринскій былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ Якубовой и Алексѣевымъ. Этотъ послѣдній извѣстенъ въ русскихъ революю

ціонныхъ организаціяхъ подъ псевдонимомъ „Алеши“ и „Союзника“.

Помимо названныхъ лицъ, необходимо отмѣтить бывшаго рабочаго въ Россіи, нѣкоего Коха, извѣстнаго въ организаціи „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ подъ псевдонимомъ „Пантелѣя“. Въ настоящее время Кохъ работаетъ вмѣстѣ съ Вѣтринскимъ и является посредникомъ между проживающими въ Лондонѣ представителями „Рабочей Мысли“ и ихъ единомышленниками въ Россіи.

Въ виду состоявшагося на Женевскомъ съѣздѣ рѣшенія перейти на почву политической борьбы, Вѣтринскій, Алексѣевъ и Якубова выступили изъ редакціи и остались въ организаціи лишь въ качествѣ типографщиковъ „Рабочей Мысли“, при чемъ статьи, предназначаемыя для этого органа, будутъ получаться непосредственно изъ Петербурга. И дѣйствительно, въ послѣднемъ номерѣ названнаго органа напечатано объявленіе, изъ котораго видно, что всѣ брошюры, номера 3, 4, 5, 6, 7 и четыре первыя страницы восьмого номера редактировались Петровымъ (псевдонимъ Вѣтринскаго), а съ 50-й страницы газета составлена новой редакціей.

„Рабочее Знамя“.

Въ октябрѣ минувшаго года эмигрантъ Лурія, завѣдывавшій редакціей и печатаніемъ „Рабочаго Знамени“, ѣздилъ, какъ оказывается, нелегально въ Россію, для переговоровъ со своими единомышленниками по вопросу о дальнѣйшемъ направленіи и обезпеченіи матерьяльныхъ средствъ для означеннаго органа. Поѣздку свою въ Россію онъ обставилъ очень конспиративно, заявивши своимъ близкимъ товарищамъ, что уѣзжаетъ лишь въ Берлинъ для устройства перевозки „Рабочаго Знамени“ при посредствѣ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ.

Долгое отсутствіе Лурія вызвало нѣкоторое опасеніе за его участь въ Россіи, но онъ вернулся благополучно

4/16 января и заявилъ (прим. 25), между прочимъ, слѣдующее:

Кіевская и Екатеринославская соціалъ-демократическія группы, издававшія газету „Впередъ“, типографія которыхъ была арестована (прим. 26), какъ сказано выше, при перевозкѣ изъ одного мѣста въ другое, а также и нѣкоторыя отдѣльныя организаціи Южно-Русскаго Союза присоединились оффиціально къ группѣ „Рабочаго Знамени“. Вслѣдствіе этого означенная группа присвоила себѣ названіе „Русской соціалъ-демократической рабочей партіи“, при чемъ газета „Рабочее Знамя“ будетъ выразительницей мнѣнія названныхъ соединенныхъ организацій. Второй номеръ „Рабочаго Знамени“ былъ составленъ, набранъ и отпечатанъ въ Лондонѣ, въ первыхъ числахъ февраля. Въ этомъ номерѣ было заявлено, что въ виду нѣкоторыхъ фактическихъ условій, таковой не могъ быть выпущенъ въ типографіи партіи въ Россіи, а потому былъ отпечатанъ за границей. Слѣдующіе же номера „Рабочаго Знамени“ будутъ печататься въ собственной типографіи въ Россіи.

По словамъ Лурія, партія его будетъ имѣть двѣ типографіи: одну за границей для печатанія брошюръ, книгъ, а другую въ Россіи — для печатанія „Рабочаго Знамени“ и текущихъ прокламацій. Представителемъ партіи за границей, завѣдывающимъ типографіей и перевозкой транспортовъ будетъ стоять онъ, Лурія, при чемъ типографія, въ интересахъ конспираціи, будетъ помѣщаться въ Пюрлей. Къ настоящему времени партіей „Рабочаго Знамени“ выпущены двѣ брошюры: 1) „Боевой кличъ рабочаго класса“ и 2) „Запретные Листки“.

Въ бытность свою въ Россіи Лурія объѣхалъ, будтобы, массу городовъ: былъ, между прочимъ, въ Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Полтавѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Лодзи, Варшавѣ, Витебскѣ и Вильнѣ. Судя по его словамъ (прим. 27), онъ былъ главнымъ посредникомъ въ дѣлѣ объединенія южно-русскихъ группъ съ „Раб. Знаменемъ“.

Въ Петербургѣ Лурія скрывался у бывшаго ссыльнаго Богораза, а въ Вильнѣ — у Минора. Въ Берлинѣ онъ былъ у нѣкоего Брейтфуса, который служитъ въ чайномъ магазинѣ Попова и помогъ ему матеріально для совершенія поѣздки въ Россію. Въ Брюсселѣ Лурія знакомъ съ Пешекеровымъ; въ Лондонѣ онъ близко стоитъ къ польскимъ соціалистамъ-революціонерамъ и особенно хорошъ съ Плохоцкимъ, Ендржеевскимъ и Войдѣховскимъ, которые крайне интересуются организаціей „Рабочаго Знамени“ и не отказываютъ Лурія въ разныхъ товарищескихъ услугахъ, до водворенія печатаемыхъ въ интересахъ партіи „Рабочаго Знамени“ брошюръ включительно. Такими же симпатіями „Рабочее Знамя“ пользуется и со стороны „молодыхъ“ соціалъ-демократовъ и нѣкоторыхъ народовольцевъ, въ родѣ Паули, Русанова, Маслова-Стокоза, Теплова и Евгенія Степанова.

Помимо вышеупомянутыхъ брошюръ, Лурія около мѣсяца тому назадъ выпустилъ „Листокъ 1 мая 1900 г.“, помѣченный 18-мъ апрѣля и изданный, будто-бы, въ Петербургѣ партіей „Рабочаго Знамени“, каковую прокламацію онъ переслалъ въ Россію при помощи сочувствующихъ ему лондонскихъ поляковъ.

Въ настоящее время, по порученію изъ Россіи, Лурія занятъ изобрѣтеніемъ такого шрифта, который, не уступая въ твердости и прочности существующимъ, былъ бы гораздо легче. Лурія утверждаетъ, что онъ открылъ новый составъ, долженствующій, по его мнѣнію, распространить подпольные печатни въ Россіи и который, при легкости шрифта, удобно будетъ устраивать въ разной мебели.

Въ концѣ марта по новому стилю были получены агентурныя свѣдѣнія, что вслѣдъ за выходомъ второго номера „Рабочаго Знамени“, среди дѣйствующихъ въ Петербургѣ представителей „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“ возникли разногласія по вопросу о Лурія, какъ о человѣкѣ, не вполнѣ

подходящемъ для представительства за границей. Въ результатѣ упомянутыхъ разногласій Лурія былъ замѣщенъ Андроповымъ, который и бѣжалъ за границу, съ тѣмъ, чтобы взять въ свои руки завѣдываніе редакціей и типографіей „Рабочаго Знамени“. Такой неожиданный для Лурія оборотъ дѣла повергъ его въ большое горе и, съ этого момента, между Лурія и Андроповымъ установились самыя непріязненныя отношенія.

Вскорѣ за симъ были получены агентурныя свѣдѣнія, что для урегулированія отношеній между Лурія и Андроповымъ долженъ прибыть въ Лондонъ нѣкій Ульяновъ (прим. 28), который, возвратившись изъ ссылки, присоединился къ партіи „Рабочаго Знамени“.

Въ письмѣ отъ 17 марта (прим. 29) Андроповъ характеризуетъ Шишко свои отношенія къ Лурія слѣдующимъ образомъ:

„Ваше письмо еще болѣе усилило мое страшное негодованіе противъ Л. (Лурія). Отъ него, очевидно, отвѣта не получу, хотя я писалъ ему отъ имени организаціи. Вчера я послалъ ему рѣзкій, безпощадный вызовъ: говорю ему, что представитель я и требую полнаго отчета во всемъ: печатается ли „Рабочее Знамя“ и гдѣ печатается? Я говорю, что отнынѣ всѣ статьи, всѣ деньги (это для него самое главное) будутъ присылаться мнѣ. Если онъ не отвѣтитъ, то, вѣроятно, я напишу еще разъ и постараюсь втолковать его глупой башкѣ, что если онъ дѣйствовалъ отъ имени партіи до сихъ поръ, то теперь партія требуетъ, чтобы онъ все передалъ другому, что партія имѣетъ право требовать. Если же онъ не хочетъ подчиниться этому, то является присвоителемъ чужихъ денегъ (900 р.), ну а тутъ или общественный судъ, или что другое. Такіе .....*) какъ онъ для насъ болѣе опасные враги, чѣмъ всякіе шефы жандармовъ, такъ они страшно дискредитируютъ

*) Опущено бранное выраженіе. Л. М.

наше дѣло. Страшно досадно, что почти неизбѣженъ скандалъ. Чтобы оправдать въ вашихъ глазахъ нашу организацію, долженъ сказать вамъ, что этого ..... *) никто изъ партіи не знаетъ: довѣрено дѣло было его товарищу, который, какъ я много разъ убѣждался въ этомъ, пользуется хорошимъ именемъ въ польской П. П. С. Онъ устроилъ мнѣ побѣгъ, давши мнѣ адресъ очень важныхъ поляковъ изъ партіи ..... Я получилъ хорошія вѣсти изъ Петербурга, но объ этомъ въ другой разъ. Все говоритъ, что зрѣетъ почва для широкой революціонной дѣятельности въ Россіи. Этотъ годъ, на вечеринкѣ восьмого февраля, всѣ ораторы говорили о необходимости перемѣны фронта въ сторону политической борьбы. Мнѣ говорили также, что Р. М. („Рабочая Мысль“) была очень удивлена этимъ единодушнымъ кликомъ“.

Въ отвѣтъ на письмо Андропова къ Лурія послѣдній возразилъ нежеланіемъ подчиниться требованіямъ неизвѣстныхъ ему лицъ партіи и отказался признать его, Андропова, представителемъ партіи за границей.

Тѣмъ не менѣе за послѣднее время, по требованію изъ Петербурга, гдѣ, какъ оказывается, немногочисленные товарищи Лурія должны были подчиниться большинству вновь поступившихъ въ организацію лицъ, хорошо знающихъ Андропова, и довѣряющихъ ему, Лурія, въ концѣ концовъ долженъ былъ признать Андропова представителемъ „Рабочаго Знамени“ за границей; между ними установились болѣе миролюбивыя отношенія, при чемъ Лурія ограничился завѣдываніемъ типографіей, въ то время, какъ Андроповъ состоитъ оффиціальнымъ редакторомъ „Рабочаго Знамени“ и ведетъ дѣловыя сношенія съ Россіей и за границей. Что же касается упоминаемаго въ письмѣ Андропова нѣкоего Каменскаго, редактирующаго статьи для помѣщенія таковыхъ въ „Ра-

*) Опущено бранное выраженіе. Л. М.

бочемъ Знамени“ то, по наведеннымъ справкамъ, упомянутыя свѣдѣнія относятся, вѣроятно, къ нѣкоему Егорову, который подписывалъ свои статьи въ газетѣ „Начало“ этимъ именемъ и предполагалъ въ концѣ марта уѣхать изъ Россіи и поселиться за границей, съ цѣлью составленія брошюръ „Русской соціалъ-демократической рабочей партіи“. Агентурѣ пока не извѣстно, гдѣ это лицо проживаетъ за границей.

IV.

Докладъ Рачковскаго отъ 30 мая/12 іюня 1900 г.

Народовольцы.

Прекратившійся печатаніемъ на третьемъ номерѣ, вслѣдствіе ареста Бурцева, издававшійся имъ журналъ „Народоволецъ“, будетъ съ текущаго года продолжать выходить въ свѣтъ по прежней программѣ.

Приступая къ возобновленію своего революціоннаго изданія, Бурцевъ обратился къ своимъ единомышленникамъ съ воззваніемъ, въ которомъ, считая безполезнымъ подробно развивать свою программу передъ читателями, давно прекрасно знающими „кто его другъ, кто врагъ и какой отвѣтъ онъ дастъ на вопросъ, что дѣлать?“, онъ ограничивается заявленіемъ, что въ прежде вышедшихъ трехъ номерахъ нѣтъ ни одной фразы, отъ которой ему нужно было бы теперь отказаться.

Разсчитывая на содѣйствіе сочувствующихъ ему революціонеровъ, для наивозможно широкаго распространенія своей публикаціи въ Россіи, Бурцевъ приглашаетъ ихъ присылать ему въ Лондонъ (70, Grafton street), не только простые отзывы о его „проектѣ заявленія“, но и проектъ того, что они нашли бы нужнымъ измѣнить въ немъ, или добавить.

Изданіемъ „Народовольца“ Бурцевъ, какъ видно, да-

леко не намѣренъ ограничить своей публицистической дѣятельности. Такъ, имъ задумано печатаніе „Приложенія“ къ вышедшему въ 1897 г. сборнику „За сто лѣтъ“. Признавая неполноту и неточность свѣдѣній, сообщенныхъ въ этомъ сборникѣ, надъ которымъ работали эмигранты, не имѣвшіе подъ рукой существующихъ въ Россіи цѣнныхъ литературныхъ источниковъ, и убѣжденный, что „исторія раскрываетъ народовольцамъ причины успѣховъ и неудачъ и учитъ ихъ, какъ лучше бороться съ царящей реакціей, что бы поскорѣе избавить отъ нея нашу родину“, Бурцевъ приглашаетъ своихъ единомышленниковъ присылать ему печатавшіяся въ Россіи и за границей революціонныя изданія и неопубликованныя рукописи.

Желая придать своему „Приложенію“ возможную полноту и точность, Бурцевъ проситъ своихъ читателей просмотрѣть сборникъ „За сто лѣтъ“ съ „карандашомъ въ рукѣ“, и внести въ него всевозможныя поправки и дополненія. Особенную цѣнность Бурцевъ придаетъ личнымъ воспоминаніямъ, которыми онъ и приглашаетъ подѣлиться съ нимъ всѣхъ принимавшихъ болѣе или менѣе близкое участіе въ революціонномъ движеніи.

Въ концѣ декабря минувшаго года, Бурцевъ, желая обезпечить за проектированными имъ изданіями надлежащій успѣхъ, былъ въ Парижѣ, гдѣ видѣлся съ Бекомъ, Шейницисъ, Хонономъ Раппопортомъ, Паули, Шульмейстёромъ, Петромъ Сущинскимъ, Александрой Лебедевой (изъ Мурома), Коваленко, Пальчинской и Абрамовской, пріѣзжавшей изъ Льежа спеціально для свиданія съ нимъ. Всѣ означенныя лица отнеслись сочувственно къ предпріятію Бурцева и обѣщали ему нравственную и матеріальную поддержку.

Въ разговорѣ (прим. 30) по существу означеннаго предпріятія Бурцевъ заявилъ, что тайная его цѣль при изданіи журнала „Былое“ — это, съ исторической, якобы, точки зрѣнія разобрать террористическое движеніе

конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, чѣмъ онъ достигаетъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, безнаказанно пропагандируетъ терроръ въ названномъ журналѣ, а во-вторыхъ избавляется отъ преслѣдованія англійскихъ законовъ. „Журналъ, говоритъ Бурцевъ, будетъ научно-историческій; отдѣльныя статьи будутъ редактироваться такъ, что на этотъ разъ едвали удастся англійскимъ судьямъ снова законопатить меня въ тюрьму“.

Изъ прилагаемыхъ въ отдѣльномъ конвертѣ корректуръ (прим. 31) народовольческихъ публикацій *), а въ особенности нѣсколькихъ статей Бурцева, которыя войдутъ въ „Былое“, не трудно будетъ убѣдиться, что онъ превзошелъ самого себя и, въ качествѣ ярого фанатика террора, даетъ достаточный матеріалъ для привлеченія его къ отвѣтственности за восхваленіе такихъ террористическихъ дѣятелей, какъ Перовская, Гриневицкій и Кибальчичъ, если, впрочемъ, англійское правительство еще разъ пожелаетъ оказать намъ дружескую услугу.

Къ данному времени Бурцеву не удалось еще пока основать правильно организованный народовольческій кружокъ за границей, но вокругъ него сгруппировались слѣдующія лица: Евгеній Степановъ (14, Siddons road, Forest Hill, London E. C.); Гнатовскій, въ Парижѣ; Масловъ-Стокозъ (New-Maldon Essex, Англія); Лурія (7, Cromvell Hill Maldon Essex); Хаимъ Кунцъ, или Куцый (40, Great Coram street, Russel); А. Аганжанъ

*) Три письма Исполнительнаго Комитета Народной Воли. Щедринъ объ убійствѣ Судейкина. Завѣщаніе. Стихотворенія Пушкина о русскомъ царизмѣ. Отрывки изъ завѣщанія Гриневицкаго. Памяти Гриневицкаго. Письмо Феликса Пія къ Гарибальди и Гарибальди къ Феликсу Пія. Какъ русскіе люди встрѣчаютъ извѣстіе о смерти царя. По поводу возобновленія изданія журнала «Народоволецъ», съ образцомъ почерка Маслова-Стокоза. Объ изданіи приложенія къ сборнику «За сто лѣтъ» и историческаго журнала «Былое». Заглавный листъ сборника «Былое».

(47, Woldtoon Oaxbridgate (?) road, London); Л. Плохоцкій (редакторъ „Przedswita“), который будетъ завѣдывать польскимъ отдѣломъ; Кашинцевъ*) въ Софіи у Ивана Калины, ул. Св. Стефана и Московская (если ему не удастся пріискать себѣ мѣста въ Болгаріи, то разсчитываетъ пріѣхать въ Лондонъ для совмѣстной работы съ Бурцевымъ и Степановымъ); Алисовъ (92, Villa Petras'a, Florence, Italia); докторъ медицины Софія Шейницъ (42, rue de l'Echiquier); Абрамъ Бахъ (21, Chemin Mirmann, Женева); Христофоровъ Алексѣй (Bougy sur Clarens, Canton de Vasa, Швейцарія); Игнатовская, разведенная жена Гранковскаго (Schönbuclestrasse 8, въ Цюрихѣ); Цихоцкій (37, Ulmanstrasse, Цюрихъ)—будучи по прежнему представителемъ польской соціально-революціонной партіи въ Цюрихѣ, онъ, по примѣру Плохоцкаго, поддерживаетъ товарищескія сношенія съ Бурцевымъ и будетъ посылать ему корреспонденціи изъ Галиціи; Николай Паули (15, rue Gassendi, Парижъ), вошелъ въ редакцію Народовольца (прим. 33); Тверской (Деменсъ, Jaamosa son Bernardini, Америка), будетъ присылать корреспонденціи и денежную помощь; Черкезовъ (Лондонъ, Gralendol road, Camden Towa); Терешковичъ (59, rue Rolerton, Liege); Александра Лебедева; Евгеній Коваленко; Елена Пальчинская (15, rue Claud& Bernard, Парижъ).

Независимо отъ Бурцева, въ Парижѣ, по иниціативѣ Паули, образовалась мѣстная группа народовольцевъ, задавшаяся цѣлью пропагандировать народовольческія идеи среди учащейся молодежи обоего пола. Въ составъ этой группы вошли: Шишко, Аркадакскій, Русановъ и Антовъ (прим. 34).

Названные эмигранты, озабочиваясь увеличеніемъ средствъ для означеннаго предпріятія, пригласили Макси-

*) Послѣднее письмо Кашинцева, кажется, содержитъ въ себѣ намеки на непріязненныя отношенія его къ Бурцеву. (прим. 32).

ма Ковалевскаго, Де-Роберти, Исаева и другихъ ученыхъ, составляющихъ центръ оппозиціи въ Россіи и предполагающихъ принять участіе въ соціалистическомъ конгрессѣ во время всемірной выставки въ Парижѣ, прочесть нѣсколько лекцій въ пользу вышеприведеннаго кружка.

Въ концѣ января въ Парижъ пріѣзжалъ пріятель Лурія, литераторъ Богоразъ, который подписываетъ свои научныя статьи и стихотворенія псевдонимомъ Н. Танъ. Подъ этимъ же псевдонимомъ онъ прочиталъ 11/24 января лекціи въ домѣ № 106, rue Denfert Rochereau, на тему: „Максимъ Горькій и отраженіе дѣйствительности въ его произведеніяхъ“ и нѣсколько своихъ недозволенныхъ цензурою произведеній. Изъ нихъ стихотворенія, посвященныя памяти Чернышевскаго и молодому поколѣнію, вызвали большой энтузіазмъ среди учащейся молодежи обоего пола, присутствовавшей на лекціи. Распорядителемъ литературнаго вечера былъ Николай Паули. Изъ Парижа Богоразъ поѣхалъ въ Лондонъ для свиданія съ выдающимися революціонерами.

Не желая отставать отъ народовольцевъ, Гуревичъ и Кричевскій, въ свою очередь, рѣшили организовать въ Парижѣ кружокъ для пропаганды соціалъ-демократическихъ идей среди той-же учащейся молодежи.

По имѣющимся достовѣрнымъ свѣдѣніямъ въ Берлинѣ также образовался небольшой народовольческій кружокъ, подъ руководствомъ стараго народовольца Левита, женившагося на одной изъ воспитывавшихся въ Бернѣ сестеръ Левіашъ, пользующейся репутаціей убѣжденной народоволки. Въ составъ этого кружка входятъ нѣкій Гринцеръ и дѣвица Селюкъ. Первому придается значеніе извѣстнаго Фрейлиха (прим. 35), а вторая считается народоволкой „какихъ мало“.

Въ настоящее время эта послѣдняя находится въ Петербургѣ, а Гринцеръ ѣздилъ въ концѣ декабря въ Россію для свиданія со своими единомышленниками. Упо-

мянутый кружокъ находится въ сношеніяхъ съ Николаемъ Паули и Шишко. Судя по словамъ этихъ эмигрантовъ (прим. 36), можно предполагать, что Берлинскій кружокъ хорошо организованъ и впослѣдствіи можетъ сыграть „крупную роль“ въ исторіи народовольческаго движенія.

При выясненіи названной организаціи обратилъ на себя вниманіе агентуры (прим. 37) Николай Николаевъ Замятинъ, представитель петербургской народовольческой организаціи, который, находясь въ сношеніяхъ съ Гринцеромъ, Селюкъ и Левитомъ, оказался въ первыхъ числахъ апрѣля въ Цюрихѣ, откуда вошелъ въ сношенія со всѣми выдающимися революціонерами въ Швейцаріи, Парижѣ и Лондонѣ. Въ настоящее время Замятинъ заказалъ большой транспортъ революціонныхъ изданій для Харькова и намѣренъ въ ближайшемъ будущемъ завести народовольческую типографію въ Россіи, куда собирается вскорѣ уѣхать. По имѣющимся даннымъ, отецъ его служитъ въ Воронежѣ, въ правленіи желѣзной дороги. Осторожное наблюденіе за Замятинымъ въ предѣлахъ Имперіи установитъ, несомнѣнно, народовольческій кружокъ въ Петербургѣ, равно какъ и сторонниковъ народовольческаго движенія въ Харьковѣ и другихъ пунктахъ Россіи. Судя по словамъ Замятина (прим. 38), можно вывести заключеніе, что среди дѣйствующихъ въ предѣлахъ Имперіи народовольцевъ совершенно уже назрѣлъ вопросъ о необходимости совершенія террористическихъ актовъ, которые при общемъ оживленіи революціоннаго движенія, охватившаго за послѣднее время всѣ оппозиціонные элементы, послужатъ первымъ сигналомъ для систематической революціонной дѣятельности.

Изъ дальнѣйшаго наблюденія выяснилось, что названная въ этомъ докладѣ Селюкъ, прежде чѣмъ отправиться въ Петербургъ, пріѣзжала въ Парижъ, остановившись

у дѣвицъ Лебедевой, Коваленко и Пальчинской, для свиданія съ Бурцевымъ, Паули, Шишко и Антовымъ.

Женевскій народовольческій кружокъ Ивана Добровольскаго и Дашкевича (11, route Caroline) послѣ отъѣзда въ Россію арестованной тамъ Маріи Лебедевой, пополнился слѣдующими лицами: Попова, пріятельница Лебедевой; дѣвица Баршъ; нѣкая Суровцева; Абрамъ Бахъ; Марія Николаевна Рулева (изъ Петербурга); бывшая учительница, культурка Серебрянская; Чернецкая (19, B-d de la Cluse); Кутанина (26, Roserie) и Васильева (56, route de Cologne).

Воспользовавшись содѣйствіемъ лондонскихъ поляковъ, Бурцевъ, въ интересахъ конспираціи, разослалъ, при посредствѣ третьихъ рукъ, изъ Россіи своимъ знакомымъ, которыхъ онъ не желалъ компрометировать, объявленія объ изданіи „Народовольца“ и „Былого“ при слѣдующемъ письмѣ:

„Извините, что, не получивъ предварительнаго отъ васъ разрѣшенія посылать наши изданія по вашему адресу, я высылаю вамъ сегодня заявленіе о „Быломъ“. Надѣюсь, что вы тѣмъ или другимъ путемъ увѣдомите меня о полученіи настоящаго письма“.

Проживающая въ Петербургѣ Селюкъ предполагала сообщить петербургскому народовольческому кружку, что вопросъ о болѣе усовершенствованномъ способѣ выдѣлки разрывныхъ снарядовъ будетъ разрѣшенъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ Абрама Баха и при непосредственномъ участіи Александры Лебедевой, Паули и Пальчинской. Къ выдѣлкѣ разрывныхъ бомбъ рѣшено приступить осенью нынѣшняго года, съ тѣмъ, чтобы по испытаніи ихъ на мѣстѣ, отправиться въ Россію для совершенія покушенія первостепенной важности (прим. 39).

Въ виду вышеизложеннаго я полагалъ бы цѣлесообразнымъ не препятствовать Селюкъ вернуться въ Берлинъ, дать ей возможность организовать группу людей, съ которыми она разсчитывала отправиться въ Россію

въ первыхъ числахъ января, и такимъ образомъ выяснить не только единомышленниковъ Селюкъ въ Берлинѣ, но и всѣхъ вообще лицъ, которыя приняли бы участіе въ этомъ замыслѣ.

Соціалисты-революціонеры.

Уставъ „Крестьянскаго Братства для Защиты Народныхъ Правъ“ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ революціонныхъ группъ въ Россіи, которыя не замедлили предложить представителямъ названнаго движенія свои товарищескія услуги. Упомянутая организація тѣсно связана съ соціально-революціоннымъ движеніемъ, дѣйствуетъ самостоятельно и ревниво охраняетъ свою фракцію отъ вмѣшательства въ ея дѣятельность другихъ организацій. Какъ я уже имѣлъ честь докладывать, выдающаяся организація соціалистовъ-революціонеровъ сосредоточена въ Кіевѣ, Харьковѣ и Черниговѣ, болѣе слабая — въ Москвѣ, Петербургѣ и Саратовѣ.

Въ концѣ декабря минувшаго года Житловскому (35, Ziegelstrasse) прислали изъ Россіи рукопись, заключающую въ себѣ нѣсколько статей для новыхъ изданій „Крестьянскаго Братства“ (прим. 40). Одна изъ означенныхъ рукописей критикуетъ выкупную операцію, другая рисуетъ бѣдственное экономическое положеніе нашихъ крестьянъ, а третья трактуетъ о несостоятельности государственнаго устройства и произволѣ бюрократіи, являющейся, будто-бы, фактическимъ самодержавнымъ управленіемъ въ Россіи. Житловскій предполагалъ издать означенныя рукописи въ видѣ сборника для русскихъ крестьянъ, который возобновлялся бы въ печати по мѣрѣ накопленія матеріала. Кромѣ того Житловскій рѣшилъ приспособить свой журналъ „Русскій Рабочій“ къ дѣятельности „Крестьянскаго Братства“, придавши ему характеръ спеціальнаго органа для пролетаріата-лапотниковъ, т. е. для крестьянскаго пролетаріата. Въ концѣ того же декабря Житловскій отдалъ Боханов-

скому для отпечатанія свою программную брошюру подъ названіемъ „Наши Задачи“.

Не смотря однако на казавшуюся успѣшность дѣйствій приведенной организаціи, матеріальныя средства Житловскаго къ описываемому моменту были весьма ничтожны, а въ настоящее время таковыя совсѣмъ плохи. Помимо матеріальныхъ лишеній и нравственный престижъ заграничныхъ представителей соціально-революціоннаго движенія находился въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи. „Если мы толкуемъ о нашемъ представительствѣ, сказалъ Житловскій (прим. 41), и говоримъ о нашемъ вліяніи на русскихъ товарищей, то это только для того, чтобы поддержать нашу организацію въ глазахъ другихъ революціонеровъ“. Изъ объясненій недавно вернувшагося Дижура видно, что въ Россіи произошелъ окончательный разрывъ между вожаками южныхъ соціалистовъ-революціонеровъ и сѣверныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Сѣверянъ“. Разрывъ произошелъ на принципіальной почвѣ по вопросу о терроръ. Сѣверяне отводятъ террору первое мѣсто въ своей революціонной дѣятельности, а южане придаютъ террору второстепенное значеніе, въ смыслѣ самообороны. Когда возникли эти разногласія и сѣверяне отдѣлились отъ южно-русскихъ революціонеровъ, то ихъ общіе представители за границей (Житловскій и К°), застигнутые врасплохъ, не могли сразу рѣшить, къ какой изъ этихъ партій имъ выгоднѣе было бы примкнуть, и за кого подать свой голосъ. Такая преувеличенная предосторожность, вызванная, очевидно, соображеніями выгоды, произвела до того удручающее впечатлѣніе на сѣверянъ и южанъ, что они, не заявляя объ этомъ оффиціально, лишили Житловскаго и К° ихъ полномочій на представительство за границей, такъ что въ настоящее время „Союзъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ“ фактически не существуетъ. Что же касается бывшихъ членовъ его: Житловскаго, Левентиса, Алексѣя Тепло-

ва, Елены Полубояриновой, Арона Глазберга (изъ Староконстантинова) и Бесчастновой, то они остаются въ организаціи лишь въ качествѣ товарищей организаціи, принадлежа по своимъ взглядамъ на терроръ скорѣе къ сѣвернымъ организаціямъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, (если такъ можно назвать небольшія, почти дезорганизованныя группы), немногочисленные члены которыхъ ютятся въ Петербургѣ, Москвѣ и „трехъ городахъ поволжья“.

Въ результатѣ всего вышеизложеннаго оказывается, что всѣ затѣи Житловскаго о созданіи органа за границей осуществиться не могутъ.

Не желая имѣть пока дѣло съ заграничными эмигрантами, Сѣверяне сами ставятъ свою типографію въ Россіи, гдѣ и будутъ печатать свой партійный органъ.

Въ какихъ условіяхъ находится дѣло на югѣ, здѣсь не имѣется свѣдѣній.

Такое неопредѣленное положеніе разрѣшится на предстоящемъ съѣздѣ соціалистовъ-революціонеровъ въ Парижѣ. Заграничные соціалисты-революціонеры предполагаютъ пріурочить предполагаемый съѣздъ къ имѣющему быть въ Парижѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ международному соціалистическому конгрессу, въ которомъ примутъ участіе наши заграничные, а можетъ быть и русскіе соціалъ-демократы. На означенный конгрессъ теперь уже записались: Волховскій, Серебряковъ, Андроповъ, Терешковичъ, Лѣвитъ, Житловскій, Плехановъ, Аксельродъ, Сущинскій, Иваншинъ, Полякевичъ и Клячко (изъ Вѣны). Изъ Россіи ожидается девять депутатовъ.

Говоря о необходимости разрѣшить на предстоящемъ съѣздѣ вопросъ о несогласіяхъ, возникшихъ между соціалъ-демократами, Аксельродъ сказалъ (прим. 42): „Существующіе раздоры привели соціалъ-демократическую партію къ большому упадку и наши милые товарищи занимаются болѣе междуусобицами, чѣмъ борьбой

съ русскимъ Правительствомъ. Вотъ мы и хотимъ прійти къ общему соглашенію".

Лига аграрнаго соціализма.

Возникла за границей въ февралѣ по иниціативѣ Паули и Житловскаго, являя собою продолженіе дѣятельности соціалистовъ-революціонеровъ и организовавшагося въ Россіи „Крестьянскаго Братства для защиты народныхъ правъ". Членами этой организаціи, помимо названныхъ двухъ революціонеровъ, состоятъ слѣдующія лица: Терешковичъ (въ Бельгіи), Рубановичъ, Леонидъ Шишко, Егоръ Лазаревъ, Волховской, Гольденбергъ, Чайковскій, Русановъ, Аркадакскій, Андроповъ и Михаилъ Сущинскій, какъ представители русскаго соціалъ-демократическаго движенія, Черновъ (20, rue Montbrun, въ Парижѣ) и Левитъ (въ Берлинѣ).

Оффиціальнымъ органомъ соединенныхъ силъ русской соціально-революціонной партіи будетъ по прежнему „Русскій Рабочій", который приметъ названіе „Русскій Работникъ", изданіе соціалистовъ-революціонеровъ и „Лиги аграрнаго соціализма".

До окончательнаго разрѣшенія вопроса о заграничномъ представительствѣ „Союза соціалистовъ-революціонеровъ" на вышеупомянутомъ съѣздѣ, въ типографіи Бохановскаго набирается пока брошюра „Крестьянскій сборникъ", предназначаемый для цѣлей „братства". Лазаревъ и Черновъ заняты были составленіемъ популярныхъ брошюръ для распространенія таковыхъ среди крестьянъ. Къ послѣднему времени въ той же типографіи Бохановскаго оканчивается наборомъ для пропаганды въ крестьянскихъ сферахъ брошюра: „Венгрія и Венгерцы", составленная въ Россіи и присланная для отпечатанія Волховскому.

V.

Докладъ Рачковскаго отъ 14/27 сентября 1900 г., № 19.

Наблюдая по заграничнымъ источникамъ за настроеніемъ оппозиціонныхъ элементовъ въ Россіи, непосредственно проявляющимся въ здѣшнихъ эмигрантскихъ кружкахъ, я не могу не признать, что въ послѣднее время дѣло идетъ не о соціализмѣ демократическомъ, а, принимая болѣе острыя формы, оставаясь на почвѣ экономической эволюціи, переходитъ на степень политической борьбы, къ которой примыкаютъ народовольцы, крупные либералы и даже „постепеновцы".

Зачатки этого движенія проявились еще въ 1894-95 гг., вслѣдъ за проваломъ народовольцевъ, программа которыхъ предрасположила къ себѣ враговъ существующаго государственнаго строя. На смѣну народовольцевъ явились соціалъ-демократы, успѣшная дѣятельность которыхъ не встрѣчала сочувствія въ либеральныхъ русскихъ кружкахъ. Наступательныя дѣйствія политической полиціи, приведшія къ деморализаціи соціалъ-демократической организаціи, вынудили вожаковъ ея отдать предпочтеніе политической борьбѣ передъ экономической. Съ этого момента дѣйствующіе въ Россіи либералы примкнули къ соціалъ-демократамъ, образуя большую партію, дѣятельность которой выражается въ такъ наз. „культурной работѣ", или вѣрнѣе „революціонной школѣ", воспитывающей среди интеллигенціи рядъ оппозиціонныхъ правительству дѣятелей. Подобная агитація, ведомая при крайне искусной обстановкѣ, распространилась по всей Россіи, находя откликъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, чѣмъ, до извѣстной степени, объясняется, что аресты типографій, разгромы отдѣльныхъ кружковъ, не ослабляютъ общей дѣятельности соціалъ-демократовъ безъ различія оттѣнковъ. Въ пе-

ріодъ бдительнаго надзора за соціалъ-демократами, число которыхъ прогрессивно увеличивается, возникло народовольческое движеніе, которое до сихъ поръ, въ виду успѣха соціалъ-демократизма и неустойчивости въ программахъ „русской“ и „россійской“ соціалъ-демократическихъ партій, носило выжидательный характеръ. Общее броженіе, замѣчающееся въ русскихъ интеллигентныхъ сферахъ, измѣненіе программы соціалъ-демократовъ, задавшихся цѣлью политической борьбы, придало народовольческимъ кружкамъ, находившимся до сихъ поръ въ бездѣйствіи, особую энергію, и они объединились въ отдѣльную партію, усвоивъ себѣ программу бывшаго „Исполнительнаго Комитета“.

Судя по имѣющимся у меня даннымъ, упомянутая партія состоитъ изъ тридцати семи человѣкъ и она настолько уже окрѣпла въ качественномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, что признала возможнымъ поставить свою типографію въ предѣлахъ Россіи и приступить къ подготовительнымъ работамъ для изданія партійнаго органа. Въ предположеніи расширить сферу своей дѣятельности, народовольцы обратились къ своимъ единомышленникамъ за границей, прося ихъ примкнуть къ нимъ и издавать особый журналъ по образцу бывшаго „Вѣстника Народной Воли“, а также заняться усовершенствованіемъ въ выдѣлкѣ разрывныхъ снарядовъ. Посредникомъ въ сношеніяхъ между русскими и заграничными народовольцами явился Левитъ *), проживающій въ Берлинѣ, поддерживающій, очевидно, безпрерывныя сношенія со своими единомышленниками въ Россіи.

На ряду съ возникновеніемъ террористическаго движенія, въ Лембергѣ образована новая польская партія, подъ названіемъ „Пролетаріатъ“, усвоившая себѣ программу бывшей партіи этого же имени. Изъ подробныхъ

*) Левитъ, онъ же Левинъ Адольфъ-Ханмъ, воспрещенъ въѣздъ въ предѣлы Россіи.

свѣдѣній, изложенныхъ въ запискѣ по поводу этой партіи, поставившей себѣ задачей объединиться для террористической дѣятельности съ русскими народовольцами и предполагающей совершить нѣсколько покушеній въ губерніяхъ Привислинскаго края, а затѣмъ, при благопріятныхъ условіяхъ, расширить свою дѣятельность, можно вывести заключеніе, что партія эта предполагаетъ впослѣдствіи примѣнить свои активныя силы въ предѣлахъ Россіи вообще, не ограничиваясь однимъ Привислинскимъ Краемъ.

Такимъ образомъ, помимо „русскаго“ и „россійскаго“ соціалъ-демократическихъ движеній, польской группѣ революціонеровъ приходится въ данное время особенно считаться съ вновь возникшими группами народовольцевъ и „Пролетаріата“. Съ этою цѣлью, согласно полученнымъ мною указаніямъ Вашего Превосходительства, необходимо, не теряя времени, приступить къ организаціи спеціальной агентуры въ Берлинѣ (прим. 43). Въ виду переговоровъ, которые Ваше Превосходительство изволили имѣть съ Президентомъ Берлинской полиціи, я позволяю себѣ покорнѣйше просить сообщить мнѣ о результатахъ, а также соблаговолите увѣдомить меня о средствахъ, которые Вамъ угодно будетъ ассигновать на веденіе розыскной дѣятельности въ Берлинѣ.

Что же касается Лемберга, то въ виду испытанной подозрительности австрійскаго правительства, не довѣряющаго нашей дѣятельности, я бы полагалъ, если Ваше Превосходительство къ тому не встрѣчаете затрудненій, отправиться въ Вѣну для переговоровъ съ центральными полицейскими властями на предметъ устройства правильнаго наблюденія за обнаруженными агентурой двумя выдающимися пролетаріатцами — Лангомъ и Кульчицкимъ *), проживающими въ Лембергѣ.

*) Кульчицкій Людвигъ-Станиславъ Станиславовъ, цирк. объ арестѣ отъ 30 окт. 99 г. N 34.

По вопросу о народовольцахъ, дѣйствующихъ въ Парижѣ и Лондонѣ, я считаю долгомъ донести, что мною въ данное время приняты соотвѣтствующія мѣры, обезпечивающія насъ отъ всякихъ неожиданностей (прим. 44).

Соціалъ-демократы.

Возникшія въ началѣ минувшаго года въ заграничномъ соціалъ-демократическомъ лагерѣ разногласія продолжаются и по настоящее время. Въ половинѣ минувшаго іюня въ Цюрихъ пріѣзжалъ Махновецъ *) съ цѣлью прочитать рефератъ противъ Плеханова **). Референтъ обвинялъ Плеханова „во лжи, доносахъ Петербургскому центру“ и присвоеніи чужой собственности, каковыми дѣйствіями Плехановъ, по мнѣнію Махновца, сыгралъ въ руку русскому правительству, умѣло, будто-бы, воспользовавшемуся Vademecum'омъ въ смыслѣ воздѣйствія на революціонные элементы въ Россіи и деморализаціи соціалистическихъ организацій въ предѣлахъ Имперіи.

Не довольствуясь этимъ заявленіемъ, Махновецъ выпустилъ 2-го іюля прилагаемую при семъ прокламацію слѣдующаго содержанія:

„Принимая во вниманіе, что полемика личнаго характера, которая ведется группой „Освобожденія Труда“ и „Союзомъ русскихъ соціалъ-демократовъ“ не въ состояніи разъяснить, кто правъ, кто виноватъ и вредно отражается на неокрѣпшемъ рабочемъ движеніи въ Россіи, внося распри въ его ряды, вызывая недовѣріе его къ своимъ руководителямъ, дискредитируя россійскую соціалъ-демократію въ глазахъ сочувствующей интеллигенціи и также враговъ партіи, мы, собравшіеся въ гор. Х. 30 іюня нов. ст., энергично протестуемъ про-

*) Махновецъ, Владиміръ Петровъ, цирк. объ арестѣ 11-го сент., 1898 г., N 1506.
**) Плехановъ Георгій, роз. спис. N 425.

тивъ подобной безплодной траты силъ и средствъ партіи и убѣдительно просимъ „Союзъ“ стоять на высотѣ своего призванія и впредь не отвѣчать на полемику, которая ничего общаго не имѣетъ съ вопросами принципіальнаго и тактическаго характера.

P. S. 2 іюля къ этой резолюціи присоединились еще 21 человѣкъ.

Просимъ всѣхъ сочувствующихъ изъ другихъ заграничныхъ колоній присоединиться къ нашему протесту, въ какой формѣ они найдутъ для себя удобнымъ“.

Разоблаченія Махновца произвели необычайную сенсацію, при чемъ возбужденіе присутствующихъ противъ Плеханова было до такой степени сильно, что находившійся въ собраніи Аксельродъ (Борухъ-Пинхусъ, роз. сп., № 3) не рѣшился выступить въ защиту своего пріятеля и сдѣлать это рѣшился только одинъ Гинзбургъ, (Берко-Борисъ, роз. спис. № 125) который былъ освистанъ присутствующей публикой, не давшей ему произнести ни одного слова. По общему признанію эмигрантовъ, такого сплошного скандала, въ сферахъ нашихъ выходцевъ, революціонныя лѣтописи еще не запомнятъ.

По предварительному соглашенію между спорящими сторонами, складъ, архивъ и типографія, принадлежавшіе раньше „Союзу соціалъ-демократовъ“, раздѣлены были на двѣ части, при чемъ Плехановъ захватилъ себѣ львиную долю революціоннаго имущества, что еще болѣе вызвало раздоръ и дрязги.

Въ концѣ іюня текущаго года дѣла „Союза русскихъ соціалъ-демократовъ“ находились въ такомъ положеніи: Плехановъ и К° вышли изъ „Союза русскихъ соціалъ-демократовъ“ и образовали группу подъ названіемъ „Русская революціонная организація Соціалъ-Демократъ“, перевозка революціонныхъ изданій которой возложена на сожительницу Блюменфельда, дѣвицу Членову, проживавшую въ Женевѣ: 9, chemin de Violette.

Иваншинъ (Владиміръ Павловъ), Кричевскій, Тепловъ (онъ же Марковъ, арестованъ въ Россіи лѣтомъ), Махновецъ и Мануилъ Гуревичъ (Эммануилъ-Мендель), Полякевичъ (онъ же Деневичъ) и Пескинъ — члены еврейскаго „Бунда", остались въ „Союзѣ" и, объявивъ себя преемниками „Союза русскихъ соціалъ-демократовъ", оставили за собой эту кличку. Въ качествѣ союзниковъ они приняли на себя редактированіе и издательство журнала „Рабочее Дѣло", шестой номеръ котораго они выпустили подъ своей редакціей, отпечатавъ въ то-же время также брошюру „Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ". Сущинскій же (Михаилъ Гавриловъ), Нахамкисъ и ихъ незначительная компанія не вступили пока ни въ одну изъ названныхъ организацій, въ ожиданіи рѣшенія возникшихъ споровъ изъ Петербурга. Въ настоящее же время Нахамкисъ, вмѣстѣ съ Гольдендахомъ, основали свой собственный кружокъ, который пока не принялъ еще наименованія, но будетъ представлять собою нѣчто среднее между „Соціалъ-Демократомъ" и „Союзомъ русскихъ соціалъ-демократовъ".

Реорганизованный при такихъ обстоятельствахъ заграничный „Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ" назначилъ свою администрацію изъ слѣдующихъ лицъ: Иваншина — редакторомъ, завѣдующимъ складомъ и типографіей; Кричевскаго и Теплова — соредакторами; Полякевича — секретаремъ; помощникомъ его — Махновца, а Исаакова — завѣдующимъ границей и перевозкой подпольныхъ изданій. Оффиціальнымъ органомъ этого „Союза" является по прежнему „Рабочее Дѣло", но для того, чтобы утвердить за собою права стараго „Союза", они выпустили отдѣльнымъ изданіемъ программу названной публикаціи, корректурные листки которой при семъ представляются (прим. 45).

Желая пополнить свою типографію, „Союзъ" пріобрѣлъ у Грозовскаго, проживающаго въ Цюрихѣ, 37, Pestalozzistrasse, имѣвшійся у него въ большомъ

количествѣ шрифтъ и книжный складъ. Что же касается сообщества „Соціалъ-Демократъ“, то таковое устроило новую типографію, которой завѣдуетъ Блюмменфельдъ.

Къ послѣднему времени Плехановская группа закончила печатаніемъ новое изданіе „Манифеста коммунистической партіи“ Маркса, съ пространнымъ предисловіемъ Плеханова и „Красное Знамя“ (очеркъ исторіи русскаго рабочаго движенія), первый листокъ котораго при семъ представляется, а Иваншинъ выпустилъ брошюру, въ количествѣ 3.000 экземпляровъ: „Въ защиту Союза“, конспектъ которой представляется въ спеціальной запискѣ.

Дѣйствующія на изложенныхъ основаніяхъ двѣ соціалъ-демократическія группы не признаютъ другъ друга, хотя обѣ эти организаціи признаны легальными „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіей“, гдѣ каждая изъ названныхъ фракцій имѣетъ своихъ приверженцевъ.

Въ концѣ текущаго года Иваншинымъ отпечатано два листа дополнительныхъ свѣдѣній, которыя войдутъ въ номеръ 7-й „Рабочаго Дѣла“. Послѣдняя публикація сообщаетъ данныя объ арестѣ въ Екатеринославѣ типографіи и нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣстному Комитету Россійской соціалъ-демократической партіи въ Екатеринославѣ. Судя по частнымъ свѣдѣніямъ изъ этого города, можно вывести заключеніе, что вожаки этой организаціи, въ количествѣ четырехъ человѣкъ, избѣжали ареста и заняты въ настоящее время организаціей новаго центра, при чемъ типографія ихъ будетъ устроена въ Харьковѣ. Изъ тѣхъ же источниковъ усматривается, что отдѣльные Комитеты „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“ находятся въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Самарѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Варшавѣ, Лодзи и Вильнѣ.

Представители каждаго изъ упомянутыхъ Комитетовъ

образуютъ такъ наз. центральную организацію „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи". Послѣдняя лишь недавно признала легальнымъ Кіевскій Комитетъ, члены котораго входили раньше въ составъ Екатеринославскаго или Харьковскаго Комитета.

Въ своихъ интимныхъ разговорахъ Плехановъ и Сущинскій (прим. 46) относились къ центру крайне скептически, утверждая, что этотъ послѣдній существуетъ только на бумагѣ, не имѣя ни времени, ни мѣста для опредѣленныхъ сборищъ. По имѣющимся у нихъ положительнымъ свѣдѣніямъ, центральная организація есть ничто иное, какъ съѣздъ представителей комитетовъ, при чемъ и эти съѣзды чисто случайны и весьма нерегулярны. Обстоятельство это будто-бы объясняется конспиративными условіями и боязнью революціонеровъ обнаружить себя передъ полиціей.

Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что свѣдѣнія эти сообщены Плеханову и Иваншину въ письмѣ (прим. 47) одного изъ вожаковъ соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи, который, между прочимъ, преподаетъ совѣтъ имъ прекратить раздоры до предстоящаго въ Парижѣ соціалъ-демократическаго съѣзда, въ которомъ примутъ участіе представители всѣхъ революціонныхъ фракцій въ Россіи. Изъ эмигрантовъ на этомъ съѣздѣ примутъ участіе слѣдующія лица: Бахъ Абрамъ, Клячко, супруги Бохановскіе—Иванъ и Галина, Житловскій Хаимъ, Левинтисъ Сруль, Бурцевъ, Волховской Феликсъ, Лазаревъ Егоръ, Аитовъ Давидъ, Русановъ Николай, Паули Николай, Плехановъ, Сущинскій и многіе другіе. Авторъ этого письма сообщаетъ также, что періодъ продолжительныхъ увлеченій экономической борьбой, коопераціями, взаимопомощью и т. д. прошелъ безвозвратно и что всѣ оппозиціонные элементы въ Россіи требуютъ постановки на первое мѣсто политической борьбы.

Получивши извѣстную сумму для печатанія спеціаль-

наго органа, Плехановъ приступилъ къ выпуску перваго номера газеты, названіе которой сохраняется имъ въ большой тайнѣ.

Въ концѣ минувшаго августа Иваншинъ, исполняя заказъ „Кіевскаго Комитета Русскихъ соціалъ-демократовъ“ отпечаталъ восьмой и девятый номера газеты „Впередъ“ и въ разговорѣ по этому поводу (прим. 48) заявилъ, что дальнѣйшее печатаніе упомянутаго органа будетъ продолжаться за границей до тѣхъ поръ, пока Кіевскій Комитетъ не подготовитъ своей типографіи въ Россіи.

Въ заключеніе о соціалъ-демократахъ небезполезнымъ считаю присовокупить, что русскими студентами въ Цюрихѣ руководятъ, помимо Аксельрода, Эрисмана и Гинсбурга, — дѣвица Величкина, Качаловскій, Глѣбъ-Кошанская, Эдельманъ (изъ Риги), дѣвица Фридландъ и Пикаръ.

Народовольцы.

Въ докладѣ отъ 31-го мая/13-го іюня текущаго года, между прочимъ, донесено объ оживленной дѣятельности заграничныхъ народовольцевъ, находившейся, очевидно, въ связи съ такою-же дѣятельностью ихъ единомышленниковъ въ Россіи. Помимо народовольцевъ, дѣйствующихъ въ раіонахъ, ввѣренныхъ моему наблюденію, вниманіе агентуры было обращено на происки проживающаго въ Берлинѣ (Bismarkstrasse, № 72, Charlotenburg) нѣкоего Левита, *)успѣвшаго организовать тамъ народовольческій кружокъ и поставившаго себѣ задачей подготовить въ Россіи террористическій актъ первостепенной важности.

Въ половинѣ истекшаго іюля было получено уже бо-

*) Съ Левитомъ на дняхъ имѣлъ бесѣду сотрудникъ (прим. 49). Сейчасъ Левитъ занятъ только организаціей печатнаго органа, оставляя вопросъ террора до «благопріятнаго времени».

лѣе положительное указаніе, что Левитъ и его кружокъ дѣйствительно находятся въ сношеніяхъ съ ихъ единомышленниками въ Россіи. Говоря по этому поводу, Русановъ, въ бесѣдѣ съ Паули и съ другими (прим. 50), заявилъ, что Россіяне предполагаютъ издавать въ Парижѣ партійный органъ, при чемъ пояснилъ это обстоятельство слѣдующими подробностями.

„Въ Россіи, сказалъ онъ, образовалось семь народовольческихъ организацій, которыя послѣ весьма продолжительныхъ переговоровъ пришли, наконецъ, къ соглашенію и съорганизовались въ народовольческую партію. Когда же возбудился вопросъ объ изданіи спеціальнаго органа, то большинствомъ голосовъ было рѣшено, что постановка въ предѣлахъ Имперіи народовольческой типографіи представляется дѣломъ рискованнымъ, по конспиративнымъ условіямъ и недостатку матеріальныхъ средствъ. Вслѣдствіе этого дѣйствующіе въ Россіи народовольцы обратились къ нему, Русанову и Паули съ предложеніемъ печатать названный органъ за границей, и отвѣтственнымъ редакторомъ былъ приглашенъ онъ, Русановъ, въ распоряженіе котораго русскіе народовольцы обязались поставлять необходимыя денежныя средства и литературный матеріалъ. Для переговоровъ по этому дѣлу пріѣзжалъ уполномоченный делегатъ изъ Россіи. Не отклоняя предложенія, Русановъ заявилъ, однако, что онъ охотно возьмется за редактированіе народовольческаго органа, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы русскіе товарищи обезпечили его существованіе за границей на случай, еслибы французское правительство выслало его изъ Парижа, гдѣ онъ устроился и зарабатываетъ себѣ на пропитаніе. Делегатъ уклонился отъ категорическаго отвѣта, пообѣщавши Русанову списаться съ товарищами и сообщить ихъ рѣшеніе“.

Въ разговорѣ по тому же предмету, Паули, въ свою очередь, разсказалъ нижеслѣдующее: (прим. 51).

„Въ провинціальныхъ городахъ Россіи дѣйствительно образовалось семь народническихъ группъ, въ составъ коихъ вошло нѣсколько его старыхъ пріятелей. Потерпѣвъ неудачу въ переговорахъ съ петербургскими товарищами, названныя группы, объединившись между собою, съорганизовались въ одну партію, безъ участія петербургскихъ народовольцевъ, и рѣшили издавать свой органъ. Не желая, однако, рисковать своими силами въ Россіи для печатанія этого органа, — силами, которыя могутъ понадобиться на болѣе серьезныя дѣла, они обратились къ Левиту въ Берлинѣ, къ которому послали своего человѣка. Переговоривши съ Левитомъ, делегатъ вернулся обратно въ Россію, поручивъ ему организовать редакцію журнала за границей и снабдивши его для этой надобности извѣстной суммой денегъ".

Послѣ перваго свиданія съ Левитомъ, Русановъ, по словамъ Паули, пришелъ въ неописуемый восторгъ отъ программы, легшей въ основаніе партіи и обѣщалъ не только присоединиться къ народившейся въ Россіи новой организаціи, но и принять на себя представительство таковой за границей. Когда же Левитъ предложилъ ему принять на себя также и обязанности редактора, то Русановъ оторопѣлъ отъ ужаса, прося Левита позволить ему обдумать все дѣло, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ. „Левитъ прожилъ у меня, продолжалъ Паули, трое сутокъ и такъ и уѣхалъ, не получивши опредѣленнаго отвѣта отъ Русанова" (прим. 52).

Выразивъ негодованіе по поводу трусости Русанова, Паули призналъ, что среди народовольцевъ, дѣйствующихъ за границей, нѣтъ человѣка, на котораго можно было бы возложить представительство и руководство журналомъ. Далѣе Паули началъ распространяться по поводу предстоящей дѣятельности вновь съорганизовавшейся народовольческой партіи, много говорилъ объ единодушіи, энергіи и предпріимчивости людей, вошедшихъ въ эту организацію и весьма возможномъ пере-

ходѣ таковой къ дѣйствіямъ, въ особенности же, если осуществится предпріятіе съ изданіемъ журнала за границей. „Я и Левитъ, заключилъ Паули, подготовили все необходимое къ тому, чтобы вновь повторить I-ое марта и, вѣрьте, это не простыя фразы".

За послѣдее время заграничной агентурѣ стало извѣстно, что Левитъ, независимо отъ народовольческаго движенія, заинтересованъ положеніемъ дѣлъ въ группѣ „Рабочее Знамя" и что, желая оживить ея дѣятельность, онъ находится по этому предмету въ перепискѣ съ Андроповымъ (Сергѣемъ), которому онъ переслалъ рукопись, полученную имъ изъ Петербурга отъ представителей названной группы, отпечатанную въ послѣдствіи брошюрой, подъ заглавіемъ: „Докладъ генерала Ванновскаго по дѣлу о студенческихъ безпорядкахъ" (прим. 53).

Такимъ образомъ, въ первыхъ числахъ текущаго сентября, народовольцы, дѣйствующіе въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и Женевѣ, находясь подъ воздѣйствіемъ Левита, Бухгольца (Вильгельмъ Адольфовъ, Berlinch, Kaiser-Friedrichstrasse, № 51, кв. 31) и дѣвицы Селюкъ (Ольги Федоровой), рѣшили объединиться съ русскими товарищами для публикаціи органа ихъ партіи и выдѣлки разрывныхъ снарядовъ, чтобы затѣмъ непосредственно перенести свою террористическую дѣятельность въ предѣлы Россіи. Затѣмъ къ послѣднему времени были получены указанія, что Леонидъ Шишко замѣнитъ Русанова въ дѣлѣ представительства русской народовольческой партіи за границей.

Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній усматривается, что народовольческая организація въ Россіи состоитъ пока изъ 37-ми человѣкъ и что эта послѣдняя уполномочила Шишко привлечь къ возникшему движенію всѣхъ народовольцевъ, проживающихъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Швейцаріи, при чемъ матеріальныя средства этой организаціи настолько увеличились, что она намѣрена пе-

чатать и издавать свой органъ въ Россіи. За границей же предполагается издавать нѣчто въ родѣ прежняго „Вѣстника Народной Воли“, подъ редакціей Русанова.

Исполняя порученіе своихъ русскихъ товарищей, Шишко уѣхалъ въ Лондонъ для переговоровъ съ Волховскимъ, Крапоткинымъ, Чайковскимъ и Алексѣемъ Тепловымъ. Судя по словамъ Шишко (прим. 54), можно предполагать, что центральный комитетъ народовольческихъ организацій все-таки существуетъ въ Петербургѣ.

Изъ записной книжки Владиміра Сущинскаго (прим. 55) почерпнуты слѣдующія помѣтки: „Дмитрій Иван. Федоровъ (Забрежневъ), Ярославль. Подрѣзовъ (Потресовъ). Взять рукопись и „Красное Знамя“, Тверь“. (Изъ этого можно заключить, что брошюра этого названія составлена или передана Владиміру Сущинскому Подрѣзовымъ). „Одоротскій (Адоратскій), Казань; Купріянова, банкъ, Казань; Яшновъ, Н.-Новгородъ; Евгеній Косевичъ, 10, Рынокъ, Лембергъ. Про Котика—спросить у Бухгольца, Берлинъ; Бородкина и брата, 7, ..., Женева. Ламоновъ въ механическомъ магазинѣ (Лимоновыхъ) на Нижнемъ Базарѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ“.

Польскіе соціалисты-революціонеры.

Съ 1/13 января 1900 года произошло оффиціальное сліяніе заграничнаго союза польскихъ соціалистовъ-революціонеровъ и ихъ органа „Przedswit“ въ одну организацію съ „Польской соціалистической партіей“, при чемъ объединившіяся такимъ образомъ группы признали „Przedswit“ своимъ оффиціальнымъ органомъ. Что-же касается активной и исполнительной части партіи, то таковая поручена Центральному Комитету Польской соціалистической партіи во главѣ съ Плохоцкимъ (Лондонъ, 64, Fireligat Road, Cromer Street, Walthamstow) и Іендржеевскимъ. Редакторомъ „Przedswit'a“ остался по прежнему Плоховцкій, а другого

органа „Польской соціально-революціонной партіи“ „Swiatlo“ — Іендржеевскій (Юзефъ Каневскій), проживающій въ Лондонѣ: 67, Solwarth Road Leytonstone, E, C., который помимо этого завѣдуетъ типографіей партіи, при участіи наборщика Войцѣховскаго. Что-же касается „Robotnik'a“, „Gornik'a“ и „Arbeiter'a“, то означенныя публикаціи рѣшено издавать на прежнихъ основаніяхъ. Помимо названныхъ журналовъ рѣшено было такъ-же издавать въ Краковѣ спеціальный органъ, подъ названіемъ „Впередъ“, съ отдѣльными оттисками для русской Польши.

Выбывшій изъ Лондона въ Америку (Brooklin), эмигрантъ Дембскій пребываетъ тамъ и по настоящее время, отличаясь необычайной энергіей въ дѣлѣ увеличенія средствъ партіи, — энергіей, выразившейся въ увеличеніи числа подписчиковъ болѣе чѣмъ на тысячу. Въ виду такой успѣшной дѣятельности Дембскаго, лондонскій комитетъ партіи рѣшилъ оставить его въ Brooklin'ѣ въ качествѣ завѣдующаго отдѣломъ партіи въ Америкѣ.

Вслѣдъ за реорганизаціей названной партіи Комитетъ таковой устроилъ для „Robotnik'a“ и „Gornik'a“ двѣ типографіи съ одинаковымъ шрифтомъ и бумагой: одну въ губерніяхъ Привислинскаго края, а другую — въ Галиціи и только въ рѣдкихъ случаяхъ—въ самой Россіи.

Въ концѣ минувшаго мая распространились слухи, что въ Галиціи образовалась новая партія „Пролетаріатъ“, изъ отдѣлившихся нѣсколькихъ членовъ „Польской соціалистической партіи“, поставившая себѣ задачей возстановить программу дѣятельности бывшей партіи „Пролетаріатъ“. Главнымъ центромъ вновь образовавшейся группы является Лембергъ, откуда затѣмъ были установлены сношенія съ Варшавой и Лодзью. Въ одномъ изъ означенныхъ городовъ имъ удалось, будто-бы, поставить свой типографскій станокъ, на ко-

торомъ они отпечатали, по-русски, „Воззваніе къ русскимъ товарищамъ-соціалистамъ“, подписанное „Комитетомъ Польской соціалистической партіи“. Въ этой прокламаціи упоминается о разногласіяхъ, возникшихъ въ польской соціалистической партіи изъ за пріемовъ и тактики, практиковавшихся партіей, повед-шихъ къ нѣсколькимъ проваламъ выдающихся организацій въ губерніяхъ Привислинскаго края. Обстоятельство это и вынудило, будто-бы, выдѣлившихся членовъ съорганизоваться въ отдѣльную группу на прежнихъ традиціяхъ старой партіи „Пролетаріатъ“, усвоивъ себѣ вполнѣ ея террористическую программу. Какъ упомянуто выше, воззваніе это было предназначено для русскихъ революціонеровъ, и, такъ какъ народившаяся организація признаетъ польско-русское движеніе общимъ дѣломъ, то они призываютъ русскихъ революціонеровъ къ совмѣстной борьбѣ и общей планомѣрной работѣ. На послѣдней сходкѣ въ Лембергѣ, имѣвшей мѣсто 11/24-го іюля, рѣшено было обратиться съ упомянутымъ воззваніемъ къ русскимъ эмигрантамъ, проживающимъ въ Парижѣ, Швейцаріи и Лондонѣ.

Изъ дальнѣйшихъ разслѣдованій по вопросу о возникновеніи названныхъ организацій удалось выяснить, что во главѣ этого движенія находятся нѣкій Кульчицкій (Людвигъ-Станиславъ Станиславовъ) и Сигизмундъ Лангъ, проживающій въ Лембергѣ по Дверницкой улицѣ, домъ № 22, по адресу котораго направляется вся конспиративная переписка, равно какъ и революціонеры, встрѣчающіе надобность въ переговорахъ по дѣламъ „Пролетаріата“. Организація эта настолько, повидимому, окрѣпла, что признаетъ возможнымъ приступить къ изданію своего журнала, подъ названіемъ „Пролетаріатъ“.

Въ разговорѣ (прим. 56) по поводу возникшей организаціи, ранѣе проживавшій въ Цюрихѣ, а нынѣ пріѣхавшій въ Лембергъ, Цихоцкій (Федоръ) сказалъ слѣдующее: „Наша партія дѣйствительно потерпѣла боль-

шія пораженія въ губерніяхъ Привислинскаго края; мы лишились типографіи и нѣсколькихъ лицъ, оказавшихъ громадныя услуги партіи. Вслѣдъ за усиленіемъ полицейскаго надзора и погромами послѣдняго времени, среди нашихъ товарищей, дѣйствительно, возникли серьезныя распри: одни требуютъ борьбы съ правительственными властями и полиціей, а другіе, отрицая террористическую дѣятельность, для даннаго момента, настаиваютъ лишь на усиленіи рабочихъ организацій. Комитетъ партіи склоняется къ мнѣнію послѣднихъ и, вслѣдствіе этого, нѣкоторые члены вышли изъ нашей организаціи. Покинувшіе насъ товарищи мечтаютъ о возобновленіи боевой организаціи „Пролетаріатъ“. Я не знаю, изъ кого именно состоитъ эта партія, но полагаю, что пролетаріатцы сильно преувеличиваютъ свои силы и не въ мѣру увлекаются мнимымъ сочувствіемъ русскихъ и польскихъ единомышленниковъ, подсчета которымъ они не рѣшаются сдѣлать“.

Прибывшая недавно изъ Лемберга въ Цюрихъ извѣстная революціонерка Ратынская нѣсколько иного мнѣнія объ этой организаціи. Такъ, по ея словамъ (прим. 57), новая организація потому и усвоила себѣ программу „Пролетаріатъ“, что она намѣтила себѣ главнымъ образомъ террористическую борьбу съ русскимъ правительствомъ. „Я видѣла, сказала Ратынская, въ Лембергѣ главнаго руководителя этой организаціи и говорила съ нимъ: онъ вѣритъ въ прогрессивное развитіе своей партіи и въ усиленіе ея за счетъ русскихъ революціонеровъ“. Въ настоящее время, по словамъ Ратынской, пролетаріатцы набираютъ въ Лембергѣ первый номеръ своего партійнаго органа и сильно надѣются на постановку типографіи въ одной изъ губерній Привислинскаго края.

Въ представляемомъ при семъ (прим. 58), въ подлинникѣ, письмѣ отъ 27 минувшаго августа, эмигрантъ

Іендржеевскій слѣдующимъ образомъ отзывается о положеніи дѣлъ „Пролетаріата“.

„Что касается такъ называемой партіи „Пролетаріатъ“, Ваше предположеніе совершенно вѣрно. Прокламаціи, о которой вы говорите, я еще не видѣлъ (но, вѣроятно, скоро кто-нибудь изъ нашихъ намъ ее пришлетъ); однако, о такъ называемомъ „Пролетаріатѣ“, или, какъ у насъ ее называютъ „Scession“ (Secesyi) — мы имѣемъ самыя точныя свѣдѣнія: въ маѣ мѣсяцѣ сего года изъ мѣстной группы нашей организаціи въ одномъ изъ австрійскихъ городовъ отдѣлились семь мужчинъ, три женщины и одна барышня, всего 11 человѣкъ. Они-то и составляютъ весь „Пролетаріатъ“ въ полномъ его составѣ. За предѣлами этого города у нихъ нѣтъ ни одного единомышленника, даже между польскими заграничными студентами, (что просто удивительно, такъ какъ между студентами за границей всякая глупость, лишь-бы новенькая, въ прежнія времена всегда могла найти кой-какихъ приверженцевъ). На родинѣ, въ русской Польшѣ, у нихъ нѣтъ рѣшительно никакихъ связей, не говоря уже объ организаціи. Помѣтка „Варшава“ на прокламаціи поэтому самый беззастѣнчивый подлогъ. Теоретическая подкладка (собственно не подкладка, а прямо ширмы „для блезиру“) у нихъ одна—это, что наша партія до сихъ поръ, якобы, неохотно относилась къ террору (наше дѣйствительное отношеніе къ этому средству борьбы вамъ, конечно, извѣстно: мы не видимъ для поляковъ никакой надобности съуживать свою дѣятельность и ограничиваться однимъ этимъ средствомъ, а съ другой стороны, нисколько не отрицая его пользы и необходимости въ извѣстныхъ случаяхъ, ставимъ примѣненіе его въ зависимость отъ условій минуты и состава силъ организаціи).

По настоящему же причина этой „Scession“ простая: главарь этого кружка — личность довольно способная, но во многихъ отношеніяхъ прямо скверная, недоволенъ

былъ тѣмъ, что наша организація (собственно нашъ центральный рабочій комитетъ) не относится къ нему съ (незаслуженнымъ) довѣріемъ и держалъ его „въ черномъ тѣлѣ“. Ему удалось „взбунтовать“ нѣсколько штукъ своихъ знакомыхъ и личныхъ друзей. Вотъ и все.

Конечно, раньше или позже, „совращенные“ имъ (довольно юные) товарищи вернутся въ партію, тѣмъ болѣе, когда окажется, что болтовня о „террорѣ“ была только болтовней. Ну, а относительно главаря, такъ мы просто рады, что отъ него дешево отдѣлались. И такъ, это и есть „мыльный пузырь“. Со старой же партіей „Пролетаріатъ“ этотъ кружокъ ничего общаго не имѣетъ“.

По поводу выпущенной „Пролетаріатомъ“ прокламаціи, Плехановъ, желая сдѣлать непріятность „Союзу русскихъ соціалъ-демократовъ“ (Иваншинъ, Махновецъ, Кричевскій и К°) и подчеркнуть еще разъ активную борьбу, пропагандируемую имъ въ своей программѣ, а съ другой стороны, не желая допустить соперничающую съ нимъ организацію къ союзу съ пролетаріатцами, послалъ въ Лембергъ Гинсбурга для переговоровъ съ Кульчицкимъ, которые, однако, ни къ чему не привели. Гинсбургъ поставилъ условіемъ внести нѣкоторыя поправки въ праграмму „Пролетаріата“, заключающіяся въ томъ, чтобы, во-первыхъ, число русскихъ голосовъ было одинаково съ числомъ польскихъ, при чемъ, чтобы терроръ былъ признанъ не главнымъ, а однимъ изъ средствъ борьбы съ русскимъ правительствомъ. На означенное измѣненіе программы пролетаріатцы отвѣтили отрицательно. Расчитывая на свой личный авторитетъ, Плехановъ вошелъ съ Кульчицкимъ въ письменныя сношенія, въ благопріятный исходъ которыхъ, однако, онъ не вѣритъ. Плехановъ говоритъ (прим. 59): „партія „Пролетаріата“ слишкомъ террористична; она стремится лишь къ героической борьбѣ съ русскимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего они могутъ сойтись скорѣе съ народовольцами, чѣмъ съ нами. Вотъ развѣ Сущинскій — тотъ всецѣло

подпишется на ихъ программѣ. Лондонскіе товарищи, опасаясь несомнѣннаго вліянія народившейся организаціи, сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы не допустить существованія двухъ отдѣльныхъ партій, но едва ли они въ этомъ успѣютъ".

И дѣйствительно, не смотря на оптимистическіе взгляды Іендржеевскаго, не допускавшаго мысли о расширеніи дѣятельности партіи „Пролетаріатъ", Комитетъ „Польской соціалистической партіи" не замедлилъ выпустить спеціальную брошюру, освѣщающую дѣятельность партіи въ послѣдніе пять лѣтъ, ея тактику, успѣхи, добытые ею на поприщѣ политико-экономической борьбы и объ отношеніяхъ ея къ русскимъ революціонерамъ, при чемъ основной задачей было доказать своимъ единомышленникамъ планомѣрность и предусмотрительность партіи по вопросу о террорѣ, выдвинутому на первый планъ партіей „Пролетаріатъ".

Въ этой же брошюрѣ „Польская соціалистическая партія" объясняетъ свою сдержанность по отношенію къ русскимъ революціонерамъ и нежеланіе объединиться съ ними тѣмъ, что неустойчивость и нелѣпость политическихъ программъ до сихъ поръ отличаютъ русское движеніе, а самымъ крупнымъ препятствіемъ, какое встрѣтила упомянутая партія, была некрѣпость организацій, обусловливающая тотъ фактъ, что новыя силы повторяютъ ошибки предшественниковъ.

Въ разговорѣ по поводу упомянутой брошюры, Плохоцкій сказалъ, между прочимъ (прим. 60): „Пролетаріатцы", къ сожалѣнію, съумѣли отвоевать себѣ симпатіи въ Лембергѣ и въ предѣлахъ Привислинскаго края, такъ что Цихоцкій, посланный въ Лембергъ для противодѣйствія пролетаріатцамъ, чувствуетъ себя безсильнымъ въ борьбѣ съ новымъ движеніемъ. Конечно, я лично не боюсь новой организаціи, какъ конкурента, но у меня есть серьезныя основанія бояться увлеченія молодежи новымъ теченіемъ революціонной мысли, въ

особенности въ томъ случаѣ, если бы пролетаріатцамъ удалось совершить какой-нибудь террористическій фактъ. Имъ необходимо показать себя на дѣлѣ, иначе они прослывутъ за мальчишекъ; къ тому же у нихъ теперь и моментъ хорошій: Имеретинскій выступилъ въ качествѣ бѣлаго террориста, послѣ того, какъ партіей былъ убитъ одинъ шпіонъ. Весьма будетъ естественно, что „бѣлый" терроръ вызоветъ „красный". Такимъ образомъ они отомстятъ Имеретинскому и прославятся сами. Партія „Пролетаріатъ" немногочисленна, но среди нихъ находятся люди серьезные, испытанные и давно другъ друга знающіе. Для меня представляется такъ же опасной мысль пролетаріатцевъ объ объединеніи съ народовольцами. Вѣдь, въ концѣ концовъ, они могутъ, разъ состоится объединеніе, перенести свою дѣятельность изъ губерній Привислинскаго края въ Россію. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, пролетаріатцы употребляютъ неимовѣрныя усилія къ объединенію съ народовольцами, при посредствѣ Кульчицкаго — человѣка въ высшей степени дѣльнаго и экзальтированнаго террориста. Вообще, заключилъ Плохоцкій, намъ необходимо считаться съ пролетаріатцами, какъ съ серьезной и боевой организаціей". (Кульчицкій, о которомъ отзывается Плохоцкій, извѣстенъ подъ псевдонимомъ Богдановскаго и Львовскаго, но у него имѣется еще нѣсколько кличекъ, пока еще неустановленныхъ).

Заграничной агентурѣ удалось выяснить личность Плохоцкаго, находящагося во главѣ Комитета „Польской соціально-революціонной партіи". Оказывается, что названный революціонеръ прибылъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонъ изъ Петербурга и его настоящая фамилія Василевскій. Онъ по своему революціонному значенію хорошо извѣстенъ петербургскимъ оппозиціоннымъ элементамъ, сотрудничалъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, подписываясь своей настоящей фамиліей.

Приложеніе: „Программа Польской соціалистической партіи „Пролетаріатъ“.

Малорусская партія „Молодая Украйна“.

Въ началѣ текущаго года въ Лембергѣ образовалась изъ исключительнаго кружка людей новая организація, подъ названіемъ „Молодая Украйна“, издающая въ упомянутомъ городѣ революціонный журналъ подъ тѣмъже названіемъ. Кружокъ этотъ поставилъ себѣ задачей отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи на федеративныхъ началахъ, при чемъ инціатива возникновенія этого кружка принадлежитъ „Кіевскимъ сепаратистамъ“, наличный составъ которыхъ агентурѣ пока неизвѣстенъ.

Въ августѣ текущаго года въ Женевѣ появился какой-то молодой человѣкъ, подъ псевдонимомъ Иванцова, въ качествѣ депутата отъ названной организаціи и обратился къ Плеханову, Добровольскому и Михаилу Сущинскому съ просьбой указать ему благонадежнаго типографщика-малоросса. Женевскіе эмигранты указали Ляхоцкаго (Антона Михайлова), какъ человѣка наиболѣе подходящаго для этой цѣли. Въ разговорѣ съ Ляхоцкимъ (прим. 61) Иванцовъ предложилъ ему взять на себя печатаніе листковъ „Молодой Украйны“, которые преставители Малорусской партіи рѣшили издавать въ Женевѣ, такъ какъ вожаки ея признали необходимымъ придать своей литературѣ болѣе революціонный характеръ, а по цензурнымъ условіямъ Австріи, печатаніе ихъ въ Лембергѣ невозможно. Между тѣмъ, въ виду охватившаго, будто-бы, Россію всеобщаго оппозиціоннаго настроенія, въ Малороссіи сепаративное движеніе развивается съ необычайной быстротой и, въ свою очередь, будто-бы, вступаетъ на почву политической борьбы. Переговоры Иванцова съ Ляхоцкимъ увѣнчались успѣхомъ и послѣдній согласился взяться за печатаніе.

Изъ дальнѣйшихъ разслѣдованій выяснилось, что означенный делегатъ есть никто иной, какъ студентъ Харь-

ковскаго университета Русовъ (Михаилъ Александровъ), родители котораго, если не ошибаюсь, проживаютъ въ Харьковѣ. Тщательное наблюденіе за нимъ въ Кіевѣ могло бы обнаружить лицъ, принимающихъ участіе въ революціонной дѣятельности „Молодой Украйны“.

Приложеніе.

Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія издала 26 минувшаго мая брошюру „Въ защиту труда“ (отчетъ Комиссіи Союза русскихъ соціалъ-демократовъ о захватѣ типографіи и склада Союза), въ которой, отвѣчая на поступившіе отъ разныхъ лицъ и организацій запросы и требованія изданій „Союза“ и шестого номера „Рабочаго Дѣла“, заявляетъ, что съ 18-го апрѣля текущаго года типографія, складъ изданій „Союза“ и № 6 „Рабочаго Дѣла“ конфискованы бывшимъ наборщикомъ и завѣдующимъ типографіей М. С-скимъ (Михаиломъ Сущинскимъ), съ вѣдома и согласія Плеханова и нѣсколькихъ другихъ, бывшихъ товарищей „Союза“.

Для урегулированія отношеній между „Союзомъ русскихъ соціалъ-демократовъ“ и группой „Освобожденіе Труда“ вторымъ очереднымъ съѣздомъ русскихъ соціалъ-демократовъ была выбрана Комиссія. Въ виду высказаннаго большинствомъ прибывшихъ на съѣздъ членовъ порицанія дѣйствій группы „Освобожденіе Труда“, по поводу нарушенія ею партійной и организаціонной дисциплины, — нарушенія, выразившагося напечатаніемъ брошюры „Vademecum“ и отказомъ передать въ кассу „Союза“ полученные изъ Нью-Іорка 1.500 фр., примыкающіе къ группѣ „Освобожденіе Труда“ члены перестали посѣщать засѣданія съѣзда.

Отсутствіе на засѣданіяхъ членовъ группы „Освобожденія Труда“ побудило съѣздъ оставить въ своей прежней силѣ соглашеніе отъ 9-го января сего года, по которому названной группѣ было предоставлено пра-

во публиковать 24 печатныхъ листа въ годъ на средства „Союза“. Для дальнѣйшихъ переговоровъ съ группой „Освобожденія Труда“ была выбрана комиссія изъ трехъ лицъ, секретарь которой предложилъ этой группѣ назначить своего представителя въ администрацію Комиссіи. На означенное предложеніе послѣдовалъ отвѣтъ Плеханова отъ 12-го апрѣля, въ которомъ онъ подтверждаетъ разрывъ сношеній между группой „Освобожденіе Труда“ и „Союзомъ русскихъ соціалъ-демократовъ“. Одновременно съ этимъ Плехановъ написалъ такъ-же и Михаилу Сущинскому, чтобы онъ передалъ группѣ „Освобожденія Труда“ типографію, принадлежащую ей, какъ ея собственность.

Ссылаясь на письмо Плеханова, Сущинскій отказался передать типографію завѣдующему администраціей „Союза“. Такъ какъ квартира типографіи записана на имя Сущинскаго, то Комиссія, не находя возможнымъ преслѣдовать его законнымъ порядкомъ, была вынуждена прибѣгнуть къ единственному, остававшемуся въ ея распоряженіи средству—пожаловаться Плеханову, что она и сдѣлала 18 апрѣля. Но Плехановъ ограничился устнымъ заявленіемъ, что вполнѣ одобряетъ дѣйствія Сущинскаго, котораго онъ извѣстилъ въ то-же время, что, въ случаѣ надобности, группа „Освобожденія Труда“ вступится за него. Точно также Плехановъ не согласился и на предложеніе членовъ Комиссіи предоставить въ распоряженіе группы „Освобожденіе Труда“ только двѣ трети шрифта и всѣ печатавшіяся съ 1895 года изданія.

Во время совѣщанія 22 апрѣля Комиссія получила заявленіе отъ 9-ти членовъ группы „Освобожденіе Труда“, въ которомъ послѣдніе говорятъ, что смотрятъ на „Союзъ“ какъ на разложившуюся на свои составныя части организацію и вслѣдствіе этого требуютъ, чтобы типографія была имъ выдана въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она была передана на съѣздѣ осенью 1898 г.

и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ имъ вручили архивы съ 1898 г., равно какъ и всѣ изданія. На заявленіи этомъ Плехановъ приписалъ, что считаетъ это требованіе справедливымъ и вполнѣ къ нему присоединяется. Комиссія отказалась исполнить заявленіе этого меньшинства.

23-го апрѣля получилось другое письмо отъ Плеханова, въ которомъ онъ извѣщаетъ „Союзъ“, что, въ виду приближенія 1-го мая, онъ просилъ Сущинскаго передать „Союзу“ экземпляры „Майскаго листка“. Хотя Сущинскій и исполнилъ просьбу Плеханова, но оставшійся срокъ былъ слишкомъ кратокъ, чтобы позволить „Союзу“ водворить „Листокъ“ въ предѣлы Имперіи.

Предварительно разрѣшенія спорнаго вопроса третейскимъ судомъ, Комиссія „Союза“ предложила Плеханову записать квартиру на имя двухъ представителей отъ обѣихъ заинтересованныхъ организацій, съ тѣмъ, чтобы расходы несли обѣ стороны; на предложеніе это Плехановъ отвѣтилъ, что лично отъ себя онъ предлагаетъ единственный, по его мнѣнію, исходъ: выпустить 6-ой номеръ „Рабочаго Дѣла“ съ заявленіемъ, что онъ составленъ редакціей, которую часть „Союза“ считаетъ незаконной и дѣйствующей вопреки уставу.

Предложеніе Плеханова было принято и заявленіе было сдѣлано, въ приложеніи къ шестому номеру „Рабочаго Дѣла“, обѣими спорящими группами, при чемъ каждая изъ нихъ представляла дѣло въ выгодномъ для себя свѣтѣ. Помимо перваго заявленія къ тому же номеру „Рабочаго Дѣла“ приложено еще второе, въ которомъ редакція означенной публикаціи снова протестуетъ противъ образа дѣйствій группы „Освобожденіе Труда“ и требованіе Плеханова напечатать заявленіе „меньшинства“, каковое требованіе „Союзъ“ вынужденъ былъ исполнить, лишь въ виду исключительныхъ условій, при которыхъ выходитъ въ свѣтъ шестой номеръ „Рабочаго Дѣла“.

13-го мая представитель Комиссіи И-нъ (Иваншинъ)

получилъ отъ членовъ группы „Освобожденіе Труда" письмо, съ требованіемъ не печатать больше ничего отъ имени фактически не существующаго уже „Союза русскихъ соціалъ-демократовъ". На письмо это, подписанное Д. К-вымъ (Кольцовымъ), Комиссія отвѣтила, 16-го мая, что подобное требованіе оно считаетъ незаконнымъ и что „Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ" не только не прекращаетъ своего существованія, но и не имѣетъ никакого права прекратить взятыя имъ на себя функціи и въ особомъ листкѣ, приложенномъ къ брошюрѣ „Поворотный пунктъ въ еврейскомъ рабочемъ движеніи", разосланной 30-го апрѣля, объявила, что „глубокопечальныя обстоятельства тормозятъ дѣятельность „Союза".

Въ заключеніе „отчета", Комиссія высказываетъ увѣренность, что группѣ „Освобожденіе Труда" не удастся парализовать ея дѣятельность, столь полезную для революціоннаго движенія въ Имперіи и, обращаясь къ суду россійскихъ и заграничныхъ товарищей протестуетъ противъ „неслыханнаго въ исторіи русскаго революціоннаго движенія" насилія.

VI.

Докладъ Рачковскаго отъ 9/22 ноября 1900 г., № 23.

Въ дополненіе о возникшей въ Галиціи новой террористической партіи „Пролетаріатъ", считаю долгомъ почтительнѣйше доложить, что, по имѣющимся у меня вполнѣ достовѣрнымъ даннымъ, вожаки названной партіи намѣрены въ самомъ непродолжительномъ времени приступить къ террористической дѣятельности въ губерніяхъ Привислинскаго края, намѣтивши своей жертвой Варшавскаго Генералъ-Губернатора.

Изъ тѣхъ же источниковъ извѣстно, что народившаяся партія съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ въ ре-

волюціонныхъ кружкахъ все большее сочувствіе, выражающееся въ приливѣ денежныхъ средствъ и успѣшной вербовкѣ дѣятельныхъ членовъ. По мнѣнію Василевскаго (Плохоцкаго), названная партія, благодаря общему настроенію оппозиціонныхъ элементовъ въ Россіи, напоминающему 70-е и 80-е годы, недовольныхъ чисто экономической борьбой, несомнѣнно восторжествуетъ надъ существующими соціально-революціонными организаціями и возьметъ перевѣсъ надъ оппозиціонными элементами.

На состоявшемся собраніи соціалистовъ-революціонеровъ въ Лондонѣ 12/25 сентября, при участіи Василевскаго, Іендржеевскаго, Войцѣховскаго и Перля (прибывшаго изъ Цюриха) обсуждался вопросъ тактики по отношенію „Пролетаріата“, при чемъ было рѣшено вступить съ пролетаріатцами въ товарищескія сношенія. На этомъ собраніи Перль сообщилъ, со словъ какого-то пролетаріатца, съ которымъ онъ случайно встрѣтился, что партія его, между прочимъ, предполагаетъ организовать въ Варшавѣ и Лодзи громадную майскую манифестацію, независимо отъ Польской соціалистической партіи, снабдивши нѣсколько десятковъ рабочихъ револьверами и кинжалами, на случай столкновенія съ полиціей и казаками.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ о выдающихся дѣятеляхъ партіи „Пролетаріатъ“ выяснено, что Людвигъ Кульчицкій проживаетъ въ Лембергѣ (ulica sw. Sophie, domu № 11); для заграничныхъ сношеній и революціонныхъ явокъ у него имѣется еще адресъ: Charzyzna, domu № 17, Krajowy Lwiazek Przemystowy, pan Waclaw Podsninokski, dla Lalka). Ему удалось привлечь къ своей организаціи эмигранта Цихоцкаго, котораго въ Цюрихѣ замѣнитъ, въ качествѣ представителя лондонской группы польской соціально-революціонной партіи Перль. Членомъ этой партіи состоитъ такъ-же нѣкій Гольдбергъ (Гольдбергъ, Владиславъ Але-

ксандровъ — циркуляръ о розыскѣ отъ 2-го октября 1900 г., № 2267), недавно бѣжавшій изъ Сибири. Въ ближайшемъ общеніи съ нимъ въ Лембергѣ былъ замѣченъ какой-то человѣкъ, такъ-же бѣжавшій изъ Якутской области, тщательно скрываемый Гольдбергомъ и фамилію котораго еще не удалось выяснить (вѣроятно— Трусевичъ, Станиславъ Станиславовъ — цирк. объ арестѣ отъ 4-го марта 1900 г., № 470). Онъ по происхожденію полякъ, высокаго роста, плотнаго сложенія, волосы на головѣ русые, лицо полное, круглое: носъ небольшой, курносый; носитъ очки; бороду и усы по случаю побѣга обрилъ и они еще не успѣли отрасти (свѣдѣнія относятся къ 4 октября по новому стилю). По словамъ Гольдберга (прим. 62), переговоры его съ соціалъ-демократами ни къ чему не привели, но онъ сильно надѣется, что ему удастся сговориться съ молодыми народовольцами и съ соціалистами-революціонерами.

Народовольцы.

Въ послѣднемъ донесеніи мною упомянуто о Маріи Ослоповой, рожденной Сыцянко, для дѣловыхъ переговоровъ съ которой въ Парижъ пріѣзжалъ Бурцевъ. Въ настоящее время извѣстно, что названная личность примыкаетъ къ организаціи народовольческой партіи, которая выпустила въ Россіи свой органъ подъ названіемъ „Свобода“ (прим. 63). Подъ ея воздѣйствіемъ Алексѣй Тепловъ и Бурцевъ фактически присоединились къ народовольческой организаціи въ Россіи. Въ разговорѣ съ Ослоповой (прим. 64) Бурцевъ назвалъ Орлова (Орловъ Михаилъ Петровъ, состоитъ подъ гласнымъ надзоромъ въ Полтавѣ) и Флерова (Флеровъ Николай Михайловъ, состоитъ подъ негласнымъ надзоромъ въ Полтавѣ), проживающихъ въ Полтавѣ, которые должны ей указать адресъ какого-то Ивана Петровича. По свѣдѣніямъ Алексѣя Теплова, народовольческая типографія

находится въ Полтавѣ или ея окрестностяхъ (прим. 65). Такимъ образомъ личность Ослоповой представляется въ высшей степени интересной и я полагалъ бы, что осторожная прослѣдка въ Россіи за этой женщиной, пользующейся къ тому-же репутаціей убѣжденной и весьма дѣятельной народоволки, могла бы повести къ обнаруженію народовольческой типографіи и выдающихся членовъ названной организаціи (прим. 66).

Въ послѣднихъ числахъ сентября того-же года въ Лондонѣ появился нѣкій Вейсманъ (Латынъ), — личность пока не установленная, бѣжавшій изъ Россіи и доставившій Лурье письма отъ проживающаго въ Вильнѣ Минора (прим. 67) который, какъ оказывается, примыкаетъ къ народовольческой организаціи. Вейсманъ работаетъ въ Лондонѣ въ типографіи Черткова.

Въ концѣ сентября т. г. Шишко пріѣзжалъ въ Лондонъ для переговоровъ о народовольческой организаціи и обсужденія программы новаго народовольческаго журнала, во главѣ съ Русановымъ. Но переговоры эти не привели ни къ какимъ результатамъ.

Въ первыхъ числахъ минувшаго октября въ Парижѣ состоялось въ квартирѣ Юдилевскаго (Юдилевскій Янкель — Яковъ Лазаревъ) частное собраніе народовольцевъ, при участіи Гнатовскаго, Бурцева, Щейцисъ, Степанова и Абрама Баха, по вопросу о новой народовольческой организаціи за границей и объ изданіи спеціальнаго журнала (прим. 68). Въ письмѣ Бурцева по этому предмету (прим. 69) авторъ сообщаетъ, что на означенномъ собраніи никакого рѣшенія не предпринято до его вторичной поѣздки въ Парижъ, которая должна состояться въ текущемъ ноябрѣ. На упомянутомъ собраніи Гнатовскій предложилъ начать новое дѣло съ выборнымъ редакторомъ, на что, однако, Юдилевскій и Бурцевъ не согласились, такъ какъ послѣдній желаетъ удержать за собою право редактировать новый журналъ, при участіи Кашинцева. Вообще, большинство

полагаетъ необходимымъ сначала сговориться насчетъ самой организаціи, а затѣмъ уже, какъ слѣдствіе таковой, рѣшить вопросъ о постановкѣ органа. Далѣе Бурцев пишетъ: „На 54 (Boulevard Marsel — Мальцева) я оставилъ пакетъ Шлис...бро... („Тринадцать лѣтъ Шлиссельбургской крѣпости. Воспоминанія Волькенштейнъ") для Россіи, а другой пакетъ у Юд. (Юделевскаго)". Въ объясненіе этихъ строкъ письма Бурцева слѣдуетъ замѣтить, что дѣло идетъ о ста экземплярахъ „Воспоминаній" Волькенштейнъ, предназначавшихся для отправки Лебедевой въ С.-Петербургъ черезъ Штейна. Далѣе Бурцевъ пишетъ: „Былъ у С... (Сущинскаго). Очень мило поговорилъ съ нимъ и съ С... (Stein—Штейнъ). Пусть они въ Берлинѣ поговорятъ съ Лев. (Левитомъ) въ нашемъ духѣ". Въ открытомъ письмѣ тотъ-же Бурцевъ, между прочимъ, пишетъ: „Сердце болитъ за двухъ, съ которыми видѣлся передъ отъѣздомъ. Пусть постараются сдѣлать все аккуратнѣе. Не отпускайте же безъ Б. („Былое"). Чѣмъ больше возьмутъ, тѣмъ лучше". (Прим. 70). Въ прилагаемой открыткѣ (прим. 71) Бурцевъ говоритъ о Штейнѣ и Сущинскомъ, которымъ онъ далъ нѣсколько порученій къ Лебедевой, вручивъ для нея Штейну зашифрованное письмо, въ коемъ онъ проситъ Лебедеву познакомить его съ Петербургскими единомышленниками, въ числѣ которыхъ значится Флоровскій (прим. 72). Тому же Штейну Лурье послалъ полученное имъ для него письмо изъ Россіи (прим. 73) слѣдующаго содержанія: „Ты, дорогой другъ, хотѣлъ провезти много заграничныхъ различныхъ новинокъ для нашего галантерейнаго магазина. Торговля идетъ плохо, а потому привези только самое необходимое, тѣмъ болѣе, что одного прикащика мы уже расчитали. Фейнъ открываетъ небольшую лавочку и проситъ тебя, не можетъ ли ты ему привезти кое-что изъ новостей, но думай прежде о нашей торговлѣ, а потомъ о Фейнѣ, тѣмъ болѣе, что его довѣритель скоро самъ пріѣзжаетъ въ

Парижъ, хочетъ къ концу выставки захватить кое-что подешевле. Изъ Б. (Берлина) дай знать, выѣдемъ встрѣчать".

Дѣло идетъ, очевидно, о транспортахъ и объ арестѣ одного изъ членовъ организаціи, къ которой принадлежитъ авторъ письма. Далѣе авторъ того-же письма проситъ привезти только вновь вышедшія изданія, транспортъ которыхъ будетъ, очевидно, принятъ въ какомъ-нибудь пограничномъ пунктѣ, спеціально посланными для этого людьми.

По поводу заграничной организаціи народовольческой группы необходимо отмѣтить, что вопросъ этотъ, будучи неразрывно связанъ съ результатомъ поѣздки въ Россію Лебедевой, Селюкъ и Коваленко, не получилъ еще предполагавшагося разрѣшенія, за отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній о положеніи народовольческихъ дѣлъ внутри Россіи. Что-же касается постановки въ Парижѣ народовольческаго органа подъ редакціей Русанова, то упомянутое предпріятіе не осуществилось, благодаря равнодушію, или трусости Русанова. Между тѣмъ Левитъ по прежнему бомбардируетъ письмами парижскихъ эмигрантовъ, настаивая на необходимости такого журнала. Настойчивость Левита объясняется, будто-бы, современными условіями дѣятельности народовольцевъ внутри Россіи. Такъ, судя по письмамъ русскаго делегата (прим. 74), пріѣзжавшаго къ Левиту въ Берлинъ, къ данному времени въ Россіи имѣются, будто-бы, народовольческіе элементы, которые онъ успѣлъ объединить, снабдилъ ихъ необходимыми денежными средствами и заручился литературными силами и революціонными корреспондентами въ разныхъ углахъ Россіи. Поэтому, не сомнѣваясь въ успѣхѣ проектируемой публикаціи, названный делегатъ желаетъ, по возможности, ускорить образованіе въ Парижѣ центральной народовольческой организаціи, съ правильно поставленнымъ органомъ во главѣ, съ

тѣмъ, чтобы вслѣдъ за симъ, немедленно приступить къ печатанію народовольческаго органа внутри Имперіи.

Проживающая въ Петербургѣ Лебедева въ письмѣ къ Бурцеву отъ первыхъ чиселъ ноября по новому стилю, адресованномъ въ Лондонъ на имя Кранца (прим. 75) пишетъ нижеслѣдующее: „Мой милый другъ. Я не считаюсь съ Вами письмами, съ чего Вы взяли? На Васъ пеняла, что на нужные вопросы не отвѣчали. Оказывается, Вы не виноваты, какъ видно изъ нынѣшняго письма; вы съ докторомъ какимъ-то прислали отвѣтъ, пишете, но я до сихъ поръ не видѣла ни его, ни его пріятельницу, — значитъ виноваты Ваши знакомые. Впредь лучше не полагайтесь на нихъ, а отвѣчайте почтой. Люди предлагаютъ свои услуги, дѣло требуетъ скораго выполненія, а неполученіе отвѣта тормозитъ. Значитъ, теперь я скажу, чтобы продолжали дѣлать высылки; Вы напишите, что надо будетъ сдѣлать, если, наконецъ, кто-нибудь изъ Вашихъ знакомыхъ заглянетъ и сообщитъ — дѣлайте какъ хотите. Но почему такая перемѣна? Весной Вы сдѣлали, вѣдь, достаточно указаній — почему теперь они не пригодны? Я подозрѣваю, что Вы перепутали моихъ знакомыхъ. Ксенія — это та, съ которой Вы познакомились у насъ; она и исхлопотала Вамъ газеты. Съ С., которая должна была Вамъ прислать книгу, Ксенія не познакомилась, о ней я ничего не знаю, не могу сказать Вамъ, почему она не выполняетъ обѣщаннаго. Ксенія очень занята, съ ней видимся рѣдко и на малое время; она уже имѣетъ дѣло по душѣ. Я живу по прежнему свободнымъ человѣкомъ. Съ П. видимся хотя и не часто, но это потому только, что не зачѣмъ. Т. писалъ какъ-то, хотѣлъ съ кѣмъ-то познакомить изъ своихъ пріятелей, но этимъ пока и ограничился. Леля ничего намъ не пишетъ, мы обѣ сдѣлали ей вызовъ — никакого отвѣта. П., можетъ, послалъ уже Вамъ адресъ для высылки тѣхъ покупокъ, если нѣтъ — то вышлетъ скоро. Онъ полу-

чилъ Ваше второе письмо и отвѣтилъ скоро на него. Спасибо большое за Ваши заботы обо мнѣ, но я и сама говорила съ нимъ по этому поводу, стараюсь усердно. Теперь я поняла, на что Вы намекали, говоря о дядѣ и Л. Нѣтъ, это неправда. Л. ничего не могъ знать отъ насъ, потому что тогда, когда онъ былъ у насъ, мы и сами ничего не знали. Онъ зналъ о нашихъ визитахъ къ нему и, можетъ, самъ умозаключилъ. П. со временемъ познакомитъ, навѣрное, съ В. и попытаемся что-либо сдѣлать для Васъ черезъ него. П. славный человѣкъ, умный, опытный, но уравновѣшенный очень, кажется нѣтъ у него idée fixe. Обо мнѣ, пожалуйста, не безпокойтесь, я человѣкъ жизнерадостный, хотя дѣйствительность мало поводовъ даетъ радоваться, но я люблю жизнь, людей, вѣрю въ будущее, настоящее меня не заѣдаетъ, даже такое бѣдное, какъ видите. Не думайте, если долго не пишу, что жду Вашего отвѣта —совсѣмъ нѣтъ, нечего сообщать просто. Желаю Вамъ всего добраго. Ваша С. М-ме С-ая, очевидно, все продолжаетъ болѣть съ весны еще, подробностей не знаю. Вчера, какъ окончила это письмо, видѣла П.; онъ Вамъ кланяется, адреса все еще не послалъ, хотя и есть оправданія, но все же досадно. Посылаетъ ли кто-нибудь газеты? Онъ изъ нихъ для себя дѣлаетъ вырѣзки. Сама я все еще живу на походномъ положеніи, не могу исполнить Вашу просьбу лично. Для Вашей сестры еще ничего не сдѣлано, кромѣ разговоровъ о ней; того, о чемъ говорила А. В., не видала и не слыхала. Ксенія вотъ говорила, что можно отъ нихъ ждать подобнаго, но я для нихъ посторонній человѣкъ, никакого вліянія оказать не могу. Надѣюсь, что Вы не унываете, не падаете духомъ. Работайте, не торопитесь съ отвѣтомъ. Фил. страдаетъ нервнымъ разстройствомъ, уѣхалъ куда-то".

По существу вышеприведеннаго письма считаю долгомъ сдѣлать слѣдующее разъясненіе.

„Вы съ докторомъ какимъ-то прислали отвѣтъ“ — слова эти относятся къ доктору Флоровскому, который, въ бытность свою въ Парижѣ, видѣлся съ Русановымъ, Паули, Шишко, Гнатовскимъ и Бурцевымъ, давшимъ ему порученіе для Лебедевой въ Петербургѣ. „Ксенія эта есть та, съ которой Вы познакомились“ — говорится о Селюкъ, съ которой Лебедева познакомила Бурцева; означенная Селюкъ прибыла въ Парижъ изъ Берлина съ рекомендаціями Левита и, познакомившись здѣсь съ Бурцевымъ, изъявила желаніе примкнуть къ заграничной народовольческой организаціи. „Съ С., которая Вамъ должна была“ — относится къ нѣкоей Сулержицкой, которая, кажется, въ прошломъ году пріѣзжала въ Лондонъ съ своимъ мужемъ для свиданія съ выдающимися эмигрантами. „Съ П. видимся хотя не часто“ — относится къ нѣкоему Панкратьеву — лицу, руководящему, повидимому, революціонной дѣятельностью Лебедевой. По словамъ Бурцева (прим. 76), упоминаемый Панкратьевъ получилъ изъ-за границы транспортъ революціонныхъ изданій, состоящій изъ „Народовольца“ и „Былого“, по адресу, котораго Панкратьевъ еще не сообщилъ. „Т. писалъ какъ-то, хотѣлъ съ кѣмъ-то“ — относится къ М. М. Теселкину, проживающему въ Саратовѣ, къ которому Лебедева заѣзжала во время своего путешествія по Россіи. „Леля ничего намъ не пишетъ“ — рѣчь идетъ о проживающей въ Казани Еленѣ Пальчинской (вышла на-дняхъ замужъ въ Казани). „П., можетъ, послалъ уже Вамъ свой адресъ для высылки тѣхъ покупокъ“ — слова эти относятся къ вышеупомянутому транспорту революціонныхъ изданій. „Навѣрное, съ В. и попытаемся“ — относится къ извѣстному писателю-библіографу Венгерову. „М. С-ая“ — Сущинская. „Для Вашей сестры еще ничего не сдѣлано“ — подъ словомъ сестра подразумѣвается журналъ „Былое“. „А. В. не видала и не слыхала“ — личности, упомянутой подъ этими иниціалами, мнѣ пока выяснить

еще не представилось возможнымъ, но достовѣрно извѣстно, что подъ ними подразумѣвается какая-то дама изъ Самары или Саратова, съ которой Лебедева видѣлась въ бытность свою въ означенныхъ городахъ. Упомянутая дама должна была ввести Лебедеву въ кружокъ своихъ единомышленниковъ. „Фил. страдаетъ“ — относится къ П. Я. Якубовичу, котораго въ революціонныхъ кружкахъ называютъ Филиппычемъ.

Возвращаясь къ названному въ письмѣ Лебедевой Панкратьеву, считаю долгомъ пояснить, что лицо это стоитъ близко къ Комитету Грамотности и сотрудничаетъ въ различныхъ журналахъ. Въ письмахъ своихъ къ Бурцеву Панкратьевъ преклоняется передъ дѣятельностью Лебедевой и Селюкъ, признавая ихъ лучшими разсадниками революціонныхъ движеній. По его словамъ, имъ обѣимъ необходимо остаться въ Петербургѣ. Очевидно, отъ того же Панкратьева было получено Бурцевымъ предостереженіе, чтобы въ перепискѣ съ Миноромъ эмигранты были крайне осторожны, такъ какъ за нимъ усиленно слѣдятъ и перевели изъ Вильны въ какой-то городъ подъ надзоръ полиціи (прим. 77).

Относительно Селюкъ имѣются свѣдѣнія, что хотя она и народоволка по убѣжденіямъ, но, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и революціонеркой въ широкомъ смыслѣ этого слова, она находится въ сношеніяхъ съ организаціей „Рабочаго Знамени“ и съ соціалистами-революціонерами, ободряя ихъ къ широкой дѣятельности.

Въ С.-Петербургѣ проживаетъ нѣкая Екатерина Андреева Добровольская, которая въ настоящее время состоитъ, если не ошибаюсь, слушательницей Высшихъ женскихъ курсовъ. До поступленія на эти курсы она была учительницей Муромской женской гимназіи, въ которой воспитывалась Лебедева. Между обѣими этими женщинами установились съ этого времени пріятельскія отношенія. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, Добровольская не принадлежитъ ни къ какой революціонной организаціи и

считается культуркой, относясь вообще несочувственно къ нелегальной революціонной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, на нее необходимо обратить вниманіе, такъ какъ она можетъ получать корреспонденцію для Лебедевой и Коваленко и сохранять революціонные документы. (Прим. 78).

Въ числѣ лицъ, находящихся въ сношеніяхъ съ Лебедевой, Махновецъ называетъ (прим. 79) нѣкоего Кондратова, извѣстнаго болѣе подъ псевдонимомъ „Коли". Означенный Кондратовъ сынъ фабриканта скобяныхъ товаровъ въ Ворсмѣ (Владимірской губ.) и оказываетъ денежную помощь на революціонныя предпріятія. Далѣе Махновецъ предполагаетъ, что его, Махновца, сестра должна вступить, или уже вступила, въ сношенія съ Лебедевой и Селюкъ.

Соціалисты-революціонеры.

Среди соціалистовъ-революціонеровъ, дѣйствующихъ за границей, замѣчается полное затишье, вызванное обстоятельствами, изложенными въ предыдущихъ донесеніяхъ. Они успѣли лишь выпустить брошюру „Наши Задачи", заключающую въ себѣ основныя положенія программы этой фракціи. Къ Житловскому пріѣхалъ въ Бернъ бѣжавшій изъ Россіи Розенбаумъ (Розенбаумъ Мендель Абрамовъ, цирк. объ арестѣ отъ 31 іюля 1900 года, № 1617), содержавшійся въ тюрьмѣ по обвиненію въ водвореніи революціонной литературы и выпущенный на поруки. Житловскій возлагаетъ на Розенбаума большія надежды по переправѣ революціонныхъ изданій, какъ на человѣка испытаннаго и вполнѣ опытнаго въ данномъ дѣлѣ. За границей онъ извѣстенъ подъ псевдонимомъ „Менделя" и „Розенфельда". Въ октябрѣ текущаго года онъ ѣздилъ на нѣкоторое время въ Лондонъ, для свиданія съ Андроповымъ, Лурье, Тепловымъ и Гольденбергомъ. Непонятная для эмигрантовъ снисходительность слѣдственныхъ властей, освободившихъ Розен-

баума изъ Петропавловской крѣпости подъ поручительство, въ то время, какъ товарищи его за менѣе серьезные поступки подвергаются строгимъ наказаніямъ — съ одной стороны, и его чрезмѣрное любопытство, котораго онъ не обнаруживалъ въ то время, когда онъ занимался переправкой подпольныхъ изданій, равно какъ и стремленіе его завязывать сношенія со всѣми выдающимися эмигрантами, безъ различія политическихъ оттѣнковъ — съ другой, вызвали въ эмигрантскихъ сферахъ подозрѣнія въ его шпіонствѣ, каковымъ обстоятельствомъ я воспользуюсь для окончательнаго его провала (прим. 80).

Соціалъ-демократы.

Среди заграничныхъ соціалъ-демократовъ замѣчается большое оживленіе, вызванное рѣшеніемъ Центральной (прим. 81) Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи основать за предѣлами Россіи вполнѣ самостоятельную фракцію, которая являлась бы главною центральною представительницею за границей упомянутой организаціи.

Представителемъ народившейся соціалъ-демократической партіи является Нахамкисъ, который, однако же, не выступитъ оффиціально до тѣхъ поръ, пока къ нему не пріѣдетъ изъ Россіи жена его, которую, какъ онъ полагаетъ, могутъ задержать, если его имя будетъ фигурировать въ качествѣ отвѣтственнаго редактора. Въ настоящее время Нахамкисъ получилъ уже до 30-ти тысячъ франковъ для изданія двухмѣсячнаго толстаго журнала „Заря“, ежемѣсячной газеты того-же названія, для печатанія партійныхъ брошюръ и основанія собственной типографіи (прим. 82).

Въ инструкціяхъ союза россійской соціалъ-демократической партіи, сообщенныхъ Нахамкису, указывается на необходимость внести политическую борьбу, какъ непремѣнное условіе революціонной дѣятельности и тѣмъ

самымъ спасти это движеніе отъ преобладающаго увлеченія экономической борьбой и экономическимъ улучшеніемъ быта рабочаго класса; затѣмъ, въ тѣхъ-же инструкціяхъ предлагается устремить всѣ наличныя силы на борьбу съ абсолютизмомъ, съ цѣлью добиться политической свободы, доказать, что ложный путь, по которому шло соціалъ-демократическое движеніе за послѣдніе десять лѣтъ, упустилъ изъ виду единственно живой принципъ всякой революціонной дѣятельности— политическую борьбу, безъ котораго эта дѣятельность никогда не достигнетъ освобожденія рабочаго класса. На этой почвѣ, какъ предполагаютъ представители Союза русской соціалъ-демократической партіи объединятся для совмѣстной работы всѣ революціонныя фракціи безъ различія революціонныхъ оттѣнковъ.

Такимъ образомъ, старыя организаціи, какъ, напримѣръ: „Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ“, съ его органомъ „Рабочее Дѣло“, революціонная организація „Соціалъ-Демократъ“ и „Петербургскій союзъ за освобожденіе рабочаго класса“, съ его журналомъ „Рабочая Мысль“, слѣдуетъ отнести къ второстепеннымъ заграничнымъ организаціямъ. Эти послѣднія, будучи по прежнему составной частью „Россійской соціалъ-демократической партіи“ уступаютъ, однако, мѣсто народившейся организаціи Нахамкиса и Гольдендаха, дополняя своей дѣятельностью народившуюся организацію, которая, несомнѣнно, займетъ первое мѣсто въ общемъ соціалъ-демократическомъ движеніи.

Революціонная организація Плеханова и К° уже примирилась съ этимъ фактомъ, продиктованнымъ изъ Россіи, и будетъ принимать участіе въ новомъ органѣ, въ качествѣ сотрудниковъ, не имѣя въ составѣ редакціи никакого голоса. Что же касается организаціи „Рабочее Дѣло“, то представители ея, во главѣ съ Иваншиными, Кричевскимъ, Махновцемъ и К°, заявили себя непримиримыми врагами новой организаціи, стоятъ особнякомъ

и будутъ вести партійную борьбу. Остающаяся организація „Рабочей Мысли“, являющаяся за границей продолженіемъ „Петербургскаго союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, въ виду неудовлетворительнаго состава редакціи, изданіемъ прекращается и если „Союзъ борьбы“ рѣшитъ издавать свой органъ за границей, то онъ выйдетъ подъ новымъ названіемъ. Существованіе этого органа могло бы быть обезпечено на нѣкоторое время при условіи измѣненія программы его въ смыслѣ болѣе активной революціонной дѣятельности, какъ того требуютъ русскіе единомышленники, но на подобное измѣненіе программы не согласны заправляющіе въ настоящее время „Рабочей Мыслью“ Тахтаревъ, Алексѣевъ, Александровъ и болгаринъ Ивечевъ, работавшій на Юзовскомъ заводѣ въ Екатеринославѣ и бѣжавшій изъ Одессы.

Союзомъ заграничныхъ русскихъ соціалъ-демократовъ выпущены двѣ брошюры: „Изъ рабочаго движенія за Невской заставой“ и „Рабочее движеніе въ Харьковѣ“. Вслѣдъ за ними выйдетъ въ свѣтъ „Отчетъ о русскомъ соціалъ-демократическомъ рабочемъ движеніи на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ“, отдѣльной брошюрой.

Въ моментъ состоявшихся измѣненій въ организаціи заграничныхъ соціалъ-демократовъ изъ Россіи прибыла къ Нахамкису Гескина, пользующаяся полнымъ довѣріемъ, какъ соціалъ-демократка, у эмигрантовъ. Спустя нѣкоторое время, къ тому же Нахамкису пріѣзжала изъ Ліона студентка тамошней медицинской школы Мыслинская за литературой и указаніями для пропаганды.

„Рабочее Знамя“.

Дѣла „Рабочаго Знамени“ въ Россіи стоятъ на почвѣ пререканій между новыми и старыми представителями. Для переговоровъ съ заграничными дѣятелями русская организація прислала въ концѣ минувшаго сентября въ

Лондонъ своего уполномоченнаго, пробравшагося тайно за границу, при посредствѣ нѣкоего Копельмана (въ Женевѣ), стоящаго во главѣ еврейской рабочей партіи въ Польшѣ и Россіи и примыкающей къ Союзу русскихъ соціалъ-демократовъ (прим. 83). Упомянутый делегатъ по прибытіи въ Лондонъ остановился у Андропова (4, Harrison Street, Grey's Inn-Road) подъ псевдонимомъ Викторова. Послѣ тщательныхъ разслѣдованій оказалось, что настоящая его фамилія — Викторъ Павловичъ Новоселовъ и что родомъ онъ изъ Полтавы, гдѣ онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи (прим. 84). Изъ разговоровъ делегата (прим. 85) можно заключить, что дѣла партіи „Рабочее Знамя“ въ Россіи находятся въ нѣкоторомъ затишьи, благодаря ссорамъ, возникшимъ между старыми и новыми ея представителями, могущимъ привести къ раздѣленію партіи. Для выясненія дѣлъ таковой Новоселовъ и Андроповъ намѣрены отправиться въ Россію.

Разногласія возникли и въ Лондонѣ, слѣдствіемъ чего между Лурье и Новоселовымъ — съ одной стороны и Андроповымъ — съ другой появились раздоры, въ результатѣ которыхъ „Рабочее Знамя“ едва ли будетъ выпущено въ свѣтъ. Большія надежды возлагаются на Штейна, послѣ отъѣзда его представителемъ въ Россію. Если-же его поѣздка не приведетъ къ желаемымъ результатамъ, то въ Россію предполагаетъ вернуться и Новоселовъ. Судя по словамъ Андропова (прим. 86), ихъ группа не присоединяется ни къ одной изъ заграничныхъ организацій. Пытавшійся завязать товарищескія сношенія съ лондонскими членами „Рабочаго Знамени“ Розенбаумъ потерпѣлъ неудачу. Желая сохранить полную независимость, группа „Рабочаго Знамени“ оставалась вѣрна принципу политической борьбы, практиковала и будетъ практиковать терроръ, какъ неизбѣжное средство борьбы, что она и доказала своей дѣятельностью въ Бѣлостокѣ, какъ говорятъ Лурье, Андро-

повъ и Новоселовъ (прим. 87). Андроновъ смотритъ на этого послѣдняго, какъ на человѣка весьма серьезнаго, рѣшительнаго и бойкаго, а потому онъ думаетъ, что Новоселовъ больше сдѣлаетъ въ Россіи, чѣмъ Штейнъ. Изъ людей, близко стоящихъ къ „Рабочему Знамени“ въ Россіи, за границей называютъ Минора (Миноръ Іосифъ Соломоновъ — состоитъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи въ м. Слуцкѣ, Минской губ., а ранѣе состоялъ въ Вильнѣ) и студента Пальчика, сына зубного врача (вѣроятно — бывшій студентъ С.-Петербургскаго университета Исидоръ Григорьевъ Пальчикъ), проживающихъ въ Вильнѣ, гдѣ они укрываютъ нелегальныхъ и направляютъ ихъ въ соотвѣтственныя мѣста. Приблизительно въ такихъ же отношеніяхъ къ революціонному движенію находится Поссе, сотрудникъ журнала „Жизнь“, который недавно былъ въ Лондонѣ, останавливался у Теплова и видѣлся съ Новоселовымъ, Шкловскимъ, Чайковскимъ и Волховскимъ, а въ Парижѣ — съ Шишко, Русановымъ и Антовымъ.

Фондъ вольной русской прессы.

Дѣла Фонда вольной русской прессы находятся въ большомъ затишьи. Чтобы хотя отчасти заявить о своемъ существованіи, Гольденбергъ и Волховской (12, Castle Road, London) вырабатываютъ программу неперіодическаго сборника, который и будетъ выходить взамѣнъ прекратившихся Летучихъ Листковъ и составитъ нѣчто общее съ „Лигой аграрнаго соціализма“. Въ концѣ сентября текущаго года въ типографіи Фонда печатались слѣдующія изданія: „Сибирь и ссылка“, II-й томъ, второе изданіе, Кенана; „Крестьянскіе союзы въ Сициліи“; „Русская исторія“ и 21-й номеръ „Наканунѣ“.

Анархисты.

Судя по словамъ Кропоткина и Черкезова (прим. 88), живущаго: 7, Lawfords Road, Kronstown, междуна-

родное анархическое движеніе не имѣетъ строго дис
плинированной и вполнѣ благоустроенной организа
которая бы подчинялась международному анархическ
комитету въ Лондонѣ. Дѣйствующіе въ Америкѣ ан
хисты, благодаря скопленію анархическихъ элемент
и необычайному успѣху пропаганды въ Соединенн
Штатахъ, образовали нѣсколько комитетовъ, котор
работаютъ совершенно независимо отъ какихъ-бы то
было авторитетовъ, при чемъ всѣ анархистскія пр
пріятія являются не дѣломъ какого-нибудь организов
наго комплота, а чисто индивидуальными фактами в
сколькихъ заинтересованныхъ лицъ, дѣйствующихъ
свой страхъ и рискъ. Покушеніе на короля Гумбер
было подготовлено и организовано двумя-тремя анар
стами и потому оно выполнено успѣшно. Поэтому и
вѣстныя сообщенія иностранной печати, возвѣстивш
всему міру объ организованномъ, будто-бы, въ Петербур
анархическомъ заговорѣ противъ коронованныхъ осо
въ Европѣ, представляется Крапоткину и Черкезову д
сужей фантазіей журналистовъ.

Международный соціалистическій конгресс
въ Парижѣ.

По случаю конгресса изъ Россіи въ Парижъ пріѣзжа
бывшій студентъ политехникума въ Цюрихѣ (1894-96 г.
Каганъ (Іосифъ Аркадьевъ, мѣщанинъ, цирк. о там
женномъ досмотрѣ № 2512) и Кремеръ (Ааронъ Іо
левъ, цирк. № 2267) изъ Вильны, посланный депу
томъ отъ Россійской соціалъ-демократической парт
членъ еврейской соціалъ-демократической партіи
Польшѣ и Россіи. Кромѣ означенныхъ лицъ конгре
посѣщали: Розенбаумъ, недавно бѣжавшій изъ Рос
бывшій студентъ Военно-Медицинской Академіи Алек
евъ; Копельманъ, изъ Кіева, проживающій въ Женѣ
секретарь еврейскаго Бунда; Житловскій; Раппопор
Терешковичъ; Кричевскій; Плехановъ; Засуличъ; Акс

родъ; Иваншинъ; Ротштейнъ изъ Лондона; Гурвичъ (парижскій); Нахамкисъ; Рубановичъ; Русановъ; Махновецъ; дѣвица Вайнштейнъ; Бурцевъ; Владиміръ Сущинскій; Тахтаревъ; Аркадакскій; Шишко; Каганъ (изъ Лондона); Бобровскій (Куба, полякъ); Гольдендахъ; Юделевскій; Бекъ; Мальцева; Гнатовскій, недавно бѣжавшій изъ Россіи; Неустроевъ; Паули; Гольдсмитъ съ матерью и Надежда Кончевская.

Предполагавшіеся два частныхъ съѣзда соціалъ-демократовъ и народовольцевъ не состоялись. Первый изъ нихъ не имѣлъ мѣста въ виду нежеланія Плеханова, а второй за неприбытіемъ делегатовъ изъ Россіи.

Въ заключеніе считаю долгомъ почтительнѣйше доложить Вашему Превосходительству, что за послѣднее время въ эмигрантскихъ сферахъ усиленно заговорили о моей дѣятельности. Вслѣдъ за разоблаченіями Трушковскаго (прим. 89), впервые указавшаго на меня, какъ на лицо, завѣдывающее розыскной дѣятельностью за границей, эмигранты задались мыслью учредить такъ называемый „Черный Комитетъ“, имѣвшій цѣлью установленіе моей личности и секретныхъ сотрудниковъ, оказывающихъ намъ услуги. Дѣятельность упомянутаго Комитета, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, ни къ чему не привела. Въ настоящее время эмигранты снова задались мыслью выяснить меня и освѣтить мою дѣятельность. Въ этомъ смыслѣ Паули попытался было войти со мной въ сношенія, но въ отвѣтъ на цѣлый рядъ его писемъ, обращенныхъ ко мнѣ, я поручилъ губернскому секретарю Милевскому (прим. 90) побесѣдовать съ нимъ и принять мѣры къ выясненію дѣйствительныхъ его побужденій. Вскорѣ я узналъ (прим. 91), что названный эмигрантъ поставилъ себѣ задачей выяснить нашу организацію, а безцѣльные переговоры съ нимъ Милевскаго привели только къ тому, что направили на ложный путь Паули. Чтобы, однако, оконча-

тельно скомпрометировать передъ товарищами упомянутаго эмигранта, я опубликую его письма ко мнѣ съ соотвѣтствующими комментаріями.

Среди эмигрантовъ сложились убѣжденія, что розыскная дѣятельность въ Россіи сосредоточивается въ рукахъ Начальника Московскаго охраннаго отдѣленія г. Зубатова, а за границей — въ моихъ, при чемъ ближайшимъ моимъ помощникомъ является, будто-бы, состоящій при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Евгеній Поповъ, проживающій въ Гаммерфестѣ (Норвегія).

По свѣдѣніямъ, полученнымъ эмигрантами изъ Вильны, оказывается, что у этого Попова имѣются въ Вильнѣ родственники, которые послали ему 15 сентября текущаго года 200 рублей. Изъ тѣхъ же источниковъ эмигрантамъ извѣстны имена агентовъ г. Зубатова, командированныхъ въ Минскъ для наблюденія за тамошними революціонерами. Такимъ образомъ г. Зубатовъ и я стоимъ первыми на очереди, которые могутъ явиться жертвой расправы революціонеровъ (прим. 92).

На ряду съ вышеизложеннымъ, эмигранты получили два письма весьма сомнительнаго происхожденія. Первое изъ нихъ, помѣченное 30 октября, отправлено изъ Берлина въ Женеву на имя Плеханова. Въ немъ анонимный корреспондентъ старается увѣрить адресата въ тщетности соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи, гдѣ, будто-бы, оппозиціонные элементы требуютъ возстановленія партіи „Народной Воли“, съ ея бывшимъ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ во главѣ. Неизвѣстный корреспондентъ предлагаетъ себя къ услугамъ Плеханова и гарантируетъ ему не только полный успѣхъ, въ смыслѣ обновленія революціонной идеи въ Россіи, но и значительный приливъ денегъ для осуществленія многочисленныхъ предпріятій народовольческихъ организацій, имѣющихъ народиться при такихъ условіяхъ. Неизвѣстный корреспондентъ проситъ Плеханова адресовать ему

письма въ Берлинъ, К. М. Hamptpost. „Пѣвецъ этой шпіонской поэмы, сказалъ Плехановъ, остался, конечно, въ дуракахъ. Съ первой же страницы, я его узналъ по ушамъ". (Прим. 93).

Второе письмо, помѣченное 27 октября текущаго года, отправленное изъ Страсбурга на имя Гольденберга, въ Лондонъ, для передачи Бурцеву и представляемое при семъ въ копіи (прим. 94), гласитъ слѣдующее: „Зная изъ вашего печатнаго органа „Народоволецъ" вашъ образъ мыслей и тѣ цѣли, которыя вы себѣ ставите, я считаю умѣстнымъ подѣлиться съ вами нѣкоторыми мыслями, вызванными во мнѣ знакомствомъ съ различными направленіями фракцій русской революціонной партіи, поскольку они проявляются въ различныхъ изданіяхъ. Вмѣстѣ съ глубокимъ сочувствіемъ къ безкорыстной дѣятельности, побуждаемой любовью къ Россіи, я нахожу въ себѣ такъ-же и горькое чувство. Революціонная партія насчитываетъ въ рядахъ своихъ много энергичныхъ, выдающихся дѣятелей, какъ слова, такъ и дѣла, дѣятелей, исходящихъ изъ однихъ общихъ положеній, движимыхъ однимъ общимъ чувствомъ, стремящихся къ одной цѣли и въ тоже время дробящихъ свои силы въ вѣчныхъ спорахъ и расколахъ по вопросамъ второстепенной важности на радость общему врагу — царскому правительству. Эти расколы не только не даютъ партіи возможности собраться съ силами для единодушной и рѣшительной борьбы, но такъ-же подрываютъ и довѣріе къ ней общества и удерживаютъ отъ присоединенія тѣхъ, которые еще стоятъ въ нерѣшительности между либеральной и чисто революціонной дѣятельностью. Эти впечатлѣнія вызвали во мнѣ слѣдующую мысль: необходимо объединеніе. Средствомъ къ этому является съѣздъ представителей всѣхъ фракцій р. р. п., оторванныхъ отъ родины, такъ и активно дѣйствующихъ въ Россіи. Съѣздъ происходитъ хотя бы лѣтомъ 1901 г. въ Швейцаріи. Цѣль съѣзда — выработать опредѣленную

программу совмѣстныхъ дѣйствій, общая сильная организація. Выразителемъ объединенія — одинъ центральный органъ партіи, издающійся за границей. Этотъ органъ долженъ имѣть возможно широкую программу. Желательно, чтобы онъ, во-первыхъ, охватывалъ всѣ проявленія русской жизни, которыя на страницахъ русской легальной печати не находятъ себѣ мѣста (напримѣръ, тайныя мѣропріятія правительства и освѣщеніе ихъ, общіе обзоры его дѣятельности за краткіе промежутки, характеристика главныхъ заправилъ правительственной машины, хроника движенія противъ правительства на соціальной, политической и религіозной почвѣ т. д.); во-вторыхъ, чтобы онъ являлся воспитательнымъ элементомъ для неподготовленной среды (интеллигентной), именно: общіе вопросы соціальной жизни, которые замѣчались въ новыхъ проявленіяхъ русскаго общества, общія статьи о положеніи Россіи и т. д. Веденіе этого органа (желательно ежедневнаго), равно какъ и всѣхъ заграничныхъ политическихъ партій (изъ коихъ выяснится вѣрное освѣщеніе выдающихся явленій революціонной борьбы, покушеній и т. п. передъ общественнымъ мнѣніемъ З. Европы) предоставляется редакціонному лицу, избранному съѣздомъ изъ эмигрантовъ разныхъ оттѣнковъ. Руководство активной дѣятельностью въ предѣлахъ Россіи возлагается на Центральный Комитетъ изъ представителей разныхъ фракцій, дѣйствующихъ въ Россіи. Это, конечно, лишь самый общій и несовершенный набросокъ той программы, которая должна быть предложена съѣзду. Я нисколько не сомнѣваюсь, что въ умѣлыхъ рукахъ она получитъ несравненно болѣе совершенный видъ.

Я полагаю, что даже въ томъ случаѣ, если бы съѣздъ не пришелъ къ желаннымъ результатамъ, то это было-бы поучительно, въ томъ случаѣ, если бы надо было до поры до времени оставить мечты объ объединеніи. Мнѣ было бы очень лестно, если бы вы отозвались на это

письмо мое и выразили бы свое мнѣніе объ осуществленіи предложенной мысли. Мой адресъ: ....

Съ глубокимъ уваженіемъ П. Ивановъ."

Бурцевъ, прочитавъ приведенное письмо, рѣшилъ, что авторъ его или сумасшедшій человѣкъ, или же наглый провокаторъ и, конечно, не отвѣтилъ.

Приложенія къ докладу за № 23.

1.

Докторъ Флоровскій (Сергѣй, состоитъ подъ негласн. надз. въ С.-Петербургѣ). Женатъ на Ольгѣ Фигнеръ. Въ концѣ сентября минувшаго года былъ въ Парижѣ, гдѣ видѣлся съ Русановымъ, Шишко, Паули и Аркадакскимъ. Эти послѣдніе считаютъ его убѣжденнымъ народовольцемъ. По дорогѣ въ Россію онъ предполагалъ остановиться въ Берлинѣ для свиданія съ Левитомъ и Бернковымъ, проживающимъ: 32, Orangenburgerstrasse. Въ Петербургѣ долженъ былъ повидаться съ Лебедевой и Коваленко, недавно туда прибывшими (прим. 95).

Шеръ (Шоуръ Михаилъ Михайловъ, быв. студ. Казанскаго унив., циркул. № 1640). Въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года пріѣзжалъ въ Лондонъ для свиданія съ Алексѣевымъ и Тахтаревымъ, которые познакомились съ нимъ подъ фамиліей Казанцева. По имѣющимся свѣдѣніямъ, онъ человѣкъ легальный, воспитывался въ одномъ изъ русскихъ университетовъ (кажется, по медицинск. факультету), надо думать въ Казанскомъ, чѣмъ и объясняется его псевдонимъ. Алексѣевъ и Тахтаревъ придаютъ Шеру громадное значеніе. По ихъ словамъ (прим. 96) онъ пріѣзжалъ для заказа подпольной литературы и установленія правильныхъ сношеній съ заграничными организаціями.

Владиміръ Сущинскій. Какъ оказывается, въ на-

стоящее время онъ, слѣдуя совѣтамъ Левита, не рѣшился отправиться въ Россію, а поселился въ Бельгіи, у Терешковича (74, rue Jupille, Льежъ), въ предположеніи черезъ годъ, или полтора, пробраться нелегально въ Россію для активнаго участія въ революціонномъ движеніи. Въ числѣ адресовъ, врученныхъ Сущинскому для укрывательства въ Россіи (прим. 97), заслуживаетъ вниманія адресъ Семена Зиновьевича Кизенкова (состоитъ въ Петербургѣ подъ секретнымъ наблюденіемъ), служащаго въ Министерствѣ Государственныхъ имуществъ и пользующагося за границей репутаціей надежнаго и дѣловитаго революціонера. Остальные адреса также весьма важны по количеству услугъ, оказанныхъ адресатами революціонному движенію.

Масленниковъ (Георгій Николаевъ, циркул. о таможен. досмотрѣ № 2512). Поселился въ Берлинѣ. За участіе въ революціонной дѣятельности привлекался къ какому то дѣлу, былъ сосланъ въ Самару, подъ надзоръ полиціи. Окончилъ срокъ ссылки, уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ примкнулъ къ группѣ Левита. Предлагалъ Владиміру Сущинскому воспользоваться своимъ заграничнымъ паспортомъ, отъ чего послѣдній отказался (прим. 98).

Дѣвица Розенбергъ (Раиса Бэрухова, циркул. объ обыскѣ, 1896 г., № 1385) и Шишло — ея женихъ (Николай Александровъ, циркул. о там. досмотрѣ № 844) — въ концѣ сентября уѣхали въ Брюссель. Означенныя личности, хотя по своимъ убѣжденіямъ и принадлежатъ къ соціалъ-демократическому кружку, но принимаютъ участіе и въ другихъ революціонныхъ предпріятіяхъ. Такъ, Шишло одно время былъ секретаремъ подпольнаго листка „Наканунѣ“.

Еваленко. Проживаетъ въ Америкѣ. Послѣ продолжительнаго молчанія снова вступилъ въ сношенія съ нѣкоторыми лондонскими революціонерами, изъ коихъ Бурцевъ, Гольденбергъ и Лурье получили отъ него пись-

ма (прим. 99). Изъ Америки сообщаютъ, что онъ собирается переѣхать въ Европу (прим. 100).

Шкловскій (Исаакъ Владиміровъ, розыскной списокъ). Проживаетъ въ Лондонѣ. Вошелъ въ Лигу аграрнаго соціализма и пишетъ для нея брошюру.

Куницъ (Куцый Хаимъ Айзиковъ, розыс. списокъ). Въ концѣ сентября уѣхалъ въ Америку.

Ролау (Эрнестъ Христофоровъ, циркул. объ арестѣ, № 825, 1899 г.). Въ письмахъ, полученныхъ изъ Россіи Тепловымъ (прим. 101), оказалось одно письмо, подписанное этимъ именемъ.

Ромбро. Пріѣхалъ изъ Америки и поселился въ Парижѣ у доктора Бурдеса: 3, rue Amiral Mouchet, (прим. 102).

Докторъ Долгополовъ (Нифонтъ Ивановъ, въ сентябрѣ возвратился изъ-за границы въ Нижній-Новгородъ, гдѣ подчиненъ негласн. надзору). Въ послѣднемъ донесеніи я сообщалъ о прибытіи къ Теплову въ Лондонъ изъ Россіи какого-то революціонера, выяснить котораго тогда не представилось возможности. Къ послѣднему времени удалось выяснить, что это былъ докторъ Долгополовъ, съ женой. Въ Лондонѣ супруги Долгополовы находились, кромѣ Теплова, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Крапоткинымъ, Волховскимъ и Чайковскимъ.

Штейнъ. Вѣроятно псевдонимъ. Выѣхалъ 30 сентября нов. стиля въ Берлинъ. Пріѣзжалъ нелегально въ концѣ сентября по н. ст. въ Лондонъ, для свиданія съ представителями „Рабочаго Знамени“, къ организаціи котораго, очевидно, принадлежитъ. Пробывши нѣкоторое время въ Лондонѣ, онъ отправился въ Берлинъ къ Левиту, откуда проберется, черезъ Кенигсбергъ, нелегально въ Россію и будетъ въ Бѣлостокѣ, Гродно и Петербургѣ, а затѣмъ въ Вильнѣ, гдѣ увидитъ Минора. Его примѣты: лѣтъ 23, брюнетъ; роста средняго; тѣлосложенія слабаго; волосы на головѣ, бородѣ и усахъ черные; носъ крупный, горбомъ; типъ южный, еврей-

скій; глаза темно-каріе. Личность Штейна не удалось установить, но за послѣднее время получены о немъ слѣдующія данныя: онъ родомъ, повидимому, изъ Бѣлостока; приблизительно въ маѣ 1899 г. былъ освобожденъ изъ дома предварительнаго заключенія и водворенъ въ Гродно до окончанія дѣла подъ надзоръ полиціи. Въ мартѣ 1900 г., замѣтивъ за собою наблюденіе, скрылся изъ своей квартиры, оставивъ въ этой послѣдней носильное платье, книги и фотографіи, развѣшанныя по стѣнамъ. Въ числѣ арестованныхъ предметовъ находилась рукопись на еврейскомъ языкѣ „Біографія Вашингтона“ и письменные матеріалы, трактующіе о дѣятельности Вашингтона. По прибытіи въ Берлинъ, онъ вернулся, шесть недѣль спустя, въ Россію; проживъ въ Петербургѣ около мѣсяца, отправился въ Бѣлостокъ, гдѣ прожилъ два мѣсяца (прим. 103).

Магатъ. Проживаетъ подъ псевдонимомъ Минкова въ Парижѣ. Въ интересахъ заработка, поступилъ въ мѣховой магазинъ Громова, на выставкѣ. Находится въ сношеніяхъ съ Паули, Терешковичемъ (въ Льежѣ) и уѣхавшимъ въ Россію Дижуромъ (прим. 104). Пользуется репутаціей спекулянта, по недоразумѣнію очутившагося въ рядахъ революціонеровъ.

Гольдендахъ. Переѣхалъ на Avenue Reille, № 25.

М-ме Равидза. Личность не выяснена. Проживаетъ въ Миланѣ (8, Via Andegori). У нея часто останавливаются наши соотечественники. По имѣющимся свѣдѣніямъ, на ея адресъ получаются революціонныя письма изъ Россіи (прим. 105).

Алисовъ. Живетъ во Флоренціи: 92, Via Petrarka.

Кулябко-Корецкій. О пребываніи его за границей за послѣднее время не имѣется никакихъ данныхъ. Но среди эмигрантовъ одни его считаютъ шпіономъ, а другіе — убѣжденнымъ революціонеромъ. Онъ проживаетъ, будто-бы, въ Ставрополѣ, гдѣ имѣетъ отношеніе къ газетѣ „С. Кавказъ“.

Агнеса Александровна Петрова — сожительница Владиміра Сущинскаго. Представляется копія ея письма, въ которомъ она упоминаетъ объ Л. (Лейбовѣ) — представителѣ Плеханова въ Парижѣ. Приписка вверху письма сдѣлана Сущинскимъ (прим. 106).

2.

Списокъ лицъ, замѣченныхъ въ сношеніяхъ съ эмигрантами и нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о заграничныхъ революціонерахъ.

Глязбергъ (Цюрихъ) — соціалъ-демократъ.

Розенбергъ (Женева) — дѣвица, докторъ медицины, соціалъ-демократка. Переѣхала въ Лондонъ, гдѣ является, вмѣстѣ съ Гришинымъ, представительницей соціалъ-демократической партіи.

Шатуновская (Парижъ) изъ Иваново-Вознесенска. Находится въ дѣловыхъ сношеніяхъ со всѣми выдающимися эмигрантами Парижа и Лондона.

Бѣлокопытова (Кіевъ) — находится въ перепискѣ съ Лазаревымъ и Михаиломъ Сущинскимъ. Пользуется репутаціей дѣятельной революціонерки.

Магатъ Игнатій (Парижъ), бѣжалъ изъ ссылки, присоединился къ народовольческой организаціи.

Рудзевичъ (Полозовъ, Парижъ), народоволецъ. Прибылъ изъ Болгаріи 5-го апрѣля по новому стилю.

Карземанъ (Парижъ), докторъ. Находится въ сношеніяхъ съ русскими эмигрантами.

Сущинскій Владиміръ (Женева), прибылъ 2/15 іюня сего года. Поселился подъ псевдонимомъ Казанскаго; извѣстенъ также подъ псевдонимомъ Ясинскаго. Переходъ черезъ границу устроенъ былъ проживающимъ въ Женевѣ Исааковымъ, завѣдующимъ перевозкой соціалъ-демократической литературы.

Дейтшъ (Женева)—пріѣхалъ изъ Лондона; соціалъ-

демократъ. Раньше завѣдывалъ переправой революціонныхъ изданій черезъ границу.

Кременчуцкая (изъ Одессы, Женева), студентка, соціалъ-демократка.

Медвѣдева Капитолина (изъ Саратова), женевская студентка. Дѣятельная соціалъ-демократка. Находится въ близкихъ и довѣрительныхъ отношеніяхъ съ Плехановымъ по дѣламъ партіи.

Маріенбаумъ (Вильна) — выдалъ паспортъ для проживанія внутри Россіи эмигранту Бауману (прим. 107).

Золинъ Кирсанъ — проживаетъ въ окрестностяхъ Нолинска (Вятской губ.). Содѣйствовалъ побѣгу Владиміра Сущинскаго и надѣется устроить побѣгъ еще нѣсколькимъ ссыльнымъ (прим. 108).

Гуревичъ, студентъ Женевскаго университета. Соціалъ-демократъ. Довѣренное лицо Плеханова, Аксельрода и Гинсбурга.

Мурановъ Владиміръ. За время проживанія своего за границей находился въ сношеніяхъ съ эмигрантами. Легальный. Лазаревъ придаетъ ему особенное значеніе и сильно оберегаетъ его легальность. По имѣющимся свѣдѣніямъ, Мурановъ имѣлъ издательскую фирму, которая была прекращена правительствомъ. Въ настоящее время онъ помогаетъ революціонерамъ денежными средствами на изданіе нѣсколькихъ брошюръ. Состоитъ членомъ Аграрной Лиги.

Галкинъ (Цюрихъ). Пріѣзжалъ для свиданія съ Аксельродомъ, у котораго былъ два раза, а затѣмъ уѣхалъ къ Плеханову въ Женеву.

Буткевичъ, приватъ-доцентъ. Давно проживаетъ въ Цюрихѣ, подъ псевдонимомъ Ивановскаго; находится въ весьма близкихъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ Эрисманомъ, Аксельродомъ, Плехановымъ и приватъ-доцентомъ Мейеромъ. Буткевичъ и Мейеръ хлопотали объ организаціи за границей спеціальнаго кружка изъ русскихъ приватъ-доцентовъ, имѣющихъ цѣлью способствовать

осободительному движенію въ Россіи. Въ этотъ кружокъ могутъ вступать членами лишь тѣ изъ товарищей, которые сочувствуютъ идеѣ неисповѣдничества самодержавія. Руководителемъ предполагаемой организаціи намѣчается профессоръ Эрисманъ.

Казариновъ Анатолій. Проѣздомъ изъ Парижа (20-28 августа) былъ въ Женевѣ у Михаила Сущинскаго, у котораго прожилъ недѣлю. Изъ Женевы уѣхалъ въ Лондонъ черезъ Парижъ. Соціалъ-демократъ. Михаилъ Сущинскій, Ивановичъ и Махновецъ снабдили его порученіями въ Петербургъ (прим. 109).

Сущинскій Петръ (братъ Михаила). Военный врачъ. За время проживанія своего въ Брюсселѣ, Парижѣ и Женевѣ находился въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ выдающимися эмигрантами соціалъ-демократическаго оттѣнка. Уѣхалъ черезъ Границу, Самару и Казань въ Тюмень, куда онъ былъ вызванъ по случаю мобилизаціи.

Сергіевъ В., докторъ (изъ Петербурга). Читаетъ лекціи по какому-то предмету въ Военно-Медицинской Академіи. Во второй половинѣ августа по н. с. гостилъ у Лазарева, въ Божи. Въ революціонномъ движеніи непосредственнаго участія не принимаетъ. Пользуется репутаціей революціоннаго филантропа и укрывателя лицъ, нелегально прибывающихъ въ Петербургъ. Конспиративенъ до болѣзненности. Плехановъ считаетъ его трусомъ и мозглякомъ (прим. 110).

Петрова Агнеса Александрова, прибыла въ Женеву изъ Казани (7/20 августа) и тотчасъ же отправилась къ Владиміру Сущинскому, поселившись съ нимъ въ одной изъ окрестныхъ деревень Женевы, по конспиративнымъ соображеніямъ. Паспортъ выданъ Казанскимъ губернаторомъ 11 іюля 1900 г. Владиміръ Сущинскій придаетъ ей значеніе, какъ весьма дѣятельной и убѣжденной революціонеркѣ.

Шишло. Личность невыясненная. Скрывается подъ псевдонимомъ Шварца, Кранца и другими. Личный другъ

Плеханова и дѣвицы Розенбергъ, проживающей въ Лондонѣ. Находится въ сношеніяхъ съ Бурцевымъ, Лазаревымъ и Алексѣемъ Тепловымъ.

Форафонтова, пріятельница Гнатовскаго и Кричевскаго, проживающихъ въ Парижѣ.

Маріулева (изъ Одессы), гдѣ родители ея проживаютъ на Базарной ул., д. № 82. Студентка Женевскаго университета. Весьма дѣятельная соціалъ-демократка. Находится въ близкихъ сношеніяхъ съ Ивапшинымъ и Сущинскимъ.

Замятинъ Николай Николаевъ. Осторожное наблюденіе въ Харьковѣ и Воронежѣ дастъ серьезные результаты. Предполагаетъ поставить типографію въ одномъ изъ этихъ городовъ. Въ половинѣ іюля къ нему пріѣзжала изъ Харькова его большая пріятельница, пользующаяся среди выдающихся эмигрантовъ репутаціей серьезной революціонерки, Марія Осипова Ослопова, рожденная Сыцянко. Она отличается крайней сосредоточенностью. Недавно пріѣхала въ Парижъ, поселившись: 64, rue de la Glacieге, для свиданія съ Бурцевымъ по дѣламъ народовольческой партіи, членомъ которой она состоитъ, примыкая къ одному изъ провинціальныхъ кружковъ ея, (кажется къ Полтавскому) (прим. 111).

Бѣлоконскій. Статистикъ изъ Петербурга. Проѣздомъ черезъ Цюрихъ, видѣлся съ Аксельродомъ.

Рубакинъ Ник. Въ первыхъ числахъ августа по н. с. былъ въ Бернѣ и прожилъ два дня на дачѣ у Житловскаго. Изъ Берна отправился въ Цюрихъ для свиданія съ Аксельродомъ. Три раза мѣнялъ свою фамилію. Конспиративенъ до смѣшного.

Тихвинскій, приватъ-доцентъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣзжалъ къ Лазареву по революціоннымъ дѣламъ. Весьма серьезный радикалъ съ соц. оттѣнкомъ. Проживалъ въ Цюрихѣ; находился въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Эрисманомъ, Аксельродомъ и Гинсбур-

гомъ. Является посредникомъ въ сближеніи „культурниковъ“ и „конституціоналистовъ“ съ соціалъ-демократами на почвѣ общей политической дѣятельности, стремящейся къ ниспроверженію существующаго режима.

Вихорскій, бывшій учитель и лаборантъ. Проживалъ у Лазарева (прим. 112). Въ іюлѣ текущаго года велъ себя крайне конспиративно и дѣйствительной цѣли его поѣздки за границу узнать не удалось.

Говоровъ (изъ Орла). Въ іюлѣ тек. года пробылъ у Лазарева 4 дня, а затѣмъ поѣхалъ къ Плеханову. Къ какому политическому лагерю принадлежитъ — не извѣстно (прим. 113).

VII.

Докладъ Рачковскаго отъ 20-го іюля (2-го августа) 1901 г.

Въ предыдущихъ донесеніяхъ я имѣлъ честь докладывать Вашему Превосходительству, что за послѣдніе два года революціонное движеніе пустило въ Россіи глубокіе корни не только среди нашей интеллигенціи, увлекшейся экономическимъ соціализмомъ, но и среди рабочихъ, усвоивающихъ себѣ соціалистическія теоріи, благодаря усиленной пропагандѣ соціалъ-демократическихъ комитетовъ. Многочисленные аресты революціонеровъ и большого количества подпольныхъ типографій, равно какъ и необычайная легкость постановки новыхъ типографій, служатъ доказательствомъ незамѣчавшагося до сихъ поръ подъема энергіи среди революціонеровъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ Имперіи. Помимо разныхъ соціалъ-демократическихъ фракцій, объединившихся къ данному времени въ одну организацію Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, съ неуязвимымъ „Комитетомъ“ во главѣ, и народившейся въ Имперіи народовольческой группы „Двадцати“, въ Россіи завол-

новалось и либеральное общество, которое открыто заговорило о конституціи. Всѣ эти организаціи располагаютъ въ настоящее время значительными денежными средствами, приливъ которыхъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ сочувствіи, которымъ пользуется въ нашемъ обществѣ революціонная оппозиція. Событія указываютъ также, что переживаемый нами моментъ новаго подъема революціоннаго духа далеко оставляетъ за собою изолированную дѣятельность семидесятыхъ годовъ. Было бы большою ошибкою думать, что революціонное броженіе, охватившее нынѣ Имперію, есть явленіе случайное, для борьбы съ которымъ можно было бы ограничиться практиковавшимися до сихъ поръ обычными полицейскими мѣрами. Принимая же за симъ во вниманіе, что революціонныя организаціи всѣхъ направленій поставили себѣ задачей вступить въ активную борьбу съ Правительствомъ, на почвѣ ниспроверженія существующаго государственнаго строя и что для достиженія намѣченной цѣли всѣ партійныя организаціи усваиваютъ себѣ террористическую дѣятельность, какъ неизбѣжное и единственное средство для успѣшной борьбы, намъ слѣдовало бы, какъ мнѣ кажется, въ свою очередь, кореннымъ образомъ измѣнить нашу систему дѣйствій, отличающуюся нѣкоторой косностью, свойственною всякой организаціи, не считающейся съ обстоятельствами времени и мѣста, и противопоставить объединительной дѣятельности революціонеровъ правильно организованную политическую полицію. Новыя времена — новыя задачи: переживаемый нами историческій моментъ, небывалый въ Россіи, обязываетъ насъ, какъ я смѣю думать, приступить къ выдвигаемой жизнью реорганизаціи и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше (прим. 114).

Успѣшная революціонная дѣятельность въ Имперіи отразилась на эмигрантскихъ кружкахъ разныхъ оттѣнковъ, также не преминувшихъ объединиться въ двѣ правильно организованныя — соціалъ-демократиче-

скую и народовольческую фракціи, которыя къ данному времени располагаютъ значительными денежными средствами и, въ концѣ концовъ, примкнутъ, несомнѣнно, къ работающимъ въ Россіи центральнымъ партіямъ въ качествѣ вспомогательныхъ и солидарно дѣйствующихъ организацій.

Такимъ образомъ, судя по общему ходу событій, можно опасаться, что съ наступающей осени, революціонная дѣятельность выразится рядомъ неожиданныхъ фактовъ террористическаго характера (прим. 115).

Дѣйствующій въ предѣлахъ Имперіи „Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ“, вступившій, какъ извѣстно, въ дѣловыя сношенія съ Россійской соціалъ-демократической партіей и польскими революціонерами разныхъ оттѣнковъ, устроилъ 4-й съѣздъ, въ которомъ участвовало 24 представителя Комитетовъ и входящихъ въ Бундъ отдѣльныхъ организацій. Предметомъ съѣзда было обсужденіе слѣдующихъ вопросовъ: 1) пересмотръ взгляда на стачки; 2) объ экономическомъ террорѣ; 3) о средствахъ веденія политической борьбы; 4) о демонстраціяхъ; 5) о попыткахъ правительства направить еврейское рабочее движеніе на легальный путь; 6) національный вопросъ программы Бунда; 7) отношенія между комитетами Бунда и комитетами партій въ тѣхъ городахъ, гдѣ таковыя дѣйствуютъ параллельно; 8) объ отношеніяхъ Бунда къ вновь возникающимъ революціоннымъ организаціямъ; 9) средства къ привлеченію симпатій общества къ дѣятельности Бунда; 10) о центральныхъ и мѣстныхъ органахъ Бунда; 11) о партійной дисциплинѣ; 12) взаимныя отношенія комитетовъ Бунда; 13) юбилейный 25-й номеръ „Arbeiter Stimme“; 14) о средствахъ борьбы съ насиліемъ со стороны полиціи и т. д.

По отзывамъ компетентныхъ эмигрантовъ „Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ“ успѣлъ организоваться въ сильную, дисциплинированную и вполнѣ

обезпеченную денежными средствами партію. Какъ таковая, она пользуется большимъ авторитетомъ среди существующихъ въ Россіи революціонныхъ организацій, взаимно обмѣниваясь съ ними революціонными и матеріальными услугами. Фактъ этотъ обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что къ данному времени евреи въ процентномъ отношеніи являются въ рядахъ нашей оппозиціи чуть ли не преобладающимъ элементомъ, какъ въ Имперіи, такъ и за границей, при чемъ преимущественно контингентъ ихъ состоитъ, повидимому, изъ недоучившихся молодыхъ людей безъ опредѣленнаго соціальнаго положенія.

Редакторъ издававшагося въ Женевѣ „Бунда“ эмигрантъ Кремеръ, вслѣдъ за высылкой его изъ Швейцаріи за участіе въ демонстраціи противъ зданія русскаго консульства въ Женевѣ, водворился въ Лондонѣ, куда и будутъ перенесены редакція и типографія названнаго органа.

Наряду съ существующими уже революціонными организаціями, въ Россіи возникла мысль объ изданіи за границей ежемѣсячнаго спеціальнаго революціоннаго органа, въ которомъ будутъ принимать участіе наши конституціоналисты, народовольцы и соціалъ-демократы. Иниціатива помянутаго изданія принадлежитъ извѣстному литератору Венгерову, который прибылъ въ Лондонъ для окончательныхъ переговоровъ съ Бурцевымъ, Волховскимъ и Чайковскимъ. Какой-то революціонный пріятель эмигранта Турскаго долженъ получить, или уже получилъ, въ Россіи наслѣдство, изъ котораго жертвуетъ 100.000 рублей для осуществленія проектируемаго предпріятія.

Представителемъ конституціоналистическаго движенія въ Россіи, имѣющимъ, повидимому, связи съ радикальными элементами земства, является нѣкій Липницкій, который и будетъ третьимъ дѣйствующимъ лицомъ задуманнаго Венгеровымъ органа. Фамилія жертвователя

тщательно скрывается Турскимъ и вообще названное предпріятіе обставляется крайне конспиративно. Поэтому впредь до выясненія дальнѣйшихъ подробностей этого дѣла, я позволю себѣ убѣдительно просить Ваше Превосходительство не приступать къ какимъ-либо дѣйствіямъ, могущимъ скомпрометировать одного изъ моихъ лучшихъ сотрудниковъ, который по своему положенію имѣетъ полную возможность держать насъ въ курсѣ намѣченной затѣи, тѣмъ болѣе, что возникновеніе таковой обязано своимъ происхожденіемъ сложившимся въ Россіи условіямъ дѣятельности оппозиціи и если мы немедленно помѣшаемъ осуществленію плана, задуманнаго Венгеровымъ, Липницкимъ и невыясненнымъ пока третьимъ лицомъ, то на смѣну имъ могутъ явиться новые дѣятели, которыхъ быть можетъ намъ не удастся обставить столь благопріятно, какъ это представляется возможнымъ сдѣлать теперь (прим. 116).

По идеѣ основателей органа предполагается сгруппировать около такового всѣ оппозиціонно-настроенные элементы русскаго общества, которые не нашли себѣ мѣста, или разошлись съ программами существующихъ революціонныхъ организацій въ Россіи. Ближайшая задача нарождающейся организаціи — политическая борьба въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и стремленіе добиться какой-бы то ни было, хотя бы самой умѣренной конституціи. Народовольцы и соціалъ-демократы войдутъ въ эту организацію въ качествѣ независимыхъ работниковъ, при чемъ каждый изъ оппозиціонистовъ будетъ печатать статьи безъ предварительной цензуры партійнаго комитета.

Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что вышеназванный Липницкій состоитъ предсѣдателемъ, или членомъ, одной изъ земскихъ управъ и къ данному времени не могъ еще пріѣхать за границу. Что же касается жертвователя, то Турскій ждетъ его со дня на день за границей и послѣ свиданія съ нимъ намѣ-

ренъ отправиться для переговоровъ: въ Цюрихъ — съ Аксельродомъ и Эрисманомъ, въ Люцернъ — съ Аксовымъ, въ Женеву — съ Плехановымъ, Сущинскимъ, Бахомъ и Билитомъ и въ Божи — съ Лазаревымъ и Христофоровымъ. Изъ Швейцаріи Турскій поѣдетъ въ Парижъ для свиданія съ мѣстными эмигрантами, а затѣмъ вернется обратно въ Лондонъ, гдѣ и приступитъ къ подготовительнымъ работамъ по предстоящей публикаціи.

Независимо вышеизложеннаго предполагается ассигновать въ распоряженіе Бурцева, Теплова, Кашинцева и Турскаго 25.000 для печатанія „Народовольца“, о чемъ уже сообщено Кашинцеву, который по полученіи сказанной суммы упомянутыми эмигрантами прибудетъ въ Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы принять участіе въ проектируемомъ органѣ въ качествѣ секретаря редакціи.

Въ заключеніе считаю долгомъ почтительнѣйше присовокупить, что конфиденціальная записка Министра Финансовъ С. Ю. Витте, отпечатанная въ Штутгартѣ, съ предисловіемъ неизвѣстнаго автора и озаглавленная „Самодержавіе и Земство“, была передана невыясненнымъ еще пока „либераломъ“ редакторамъ „Зари“ и скопированной съ подлинника рукописи, при чемъ „либералъ“ вручилъ Плеханову и Аксельроду на изданіе названной брошюры 6000 рублей, изъ коихъ на расходы по отпечатанію и брошюровкѣ было истрачено всего 1800 рублей, а остальные 4200 руб. поступили въ кассу редакціи „Зари“. Личность „либерала“ извѣстна лишь Плеханову, Аксельроду и Нахамкису, которые тщательно скрываютъ его фамилію, но, принимая во вниманіе появленіе въ Швейцаріи профессора Фаминицына, который видѣлся съ Плехановымъ приблизительно въ моментъ печатанія брошюры „Самодержавіе и Земство“, можно думать, что рукопись доставлена за границу именно упомянутымъ профессоромъ (прим. 117).

Докладывая о вышеизложенномъ, смѣю увѣрить Ва-

ше Превосходительство, что точное выясненіе личности автора предисловія названной брошюры, а также и лица, доставившаго эмигрантамъ рукопись, о которой идетъ рѣчь, составляетъ лишь вопросъ времени.

Приложенія: отдѣльная записка о положеніи дѣлъ среди нашихъ революціонеровъ, дѣйствующихъ за границей и одинадцать конвертовъ, изъ коихъ шесть съ письмами революціонеровъ.

Записка о положеніи дѣлъ среди революціонеровъ, дѣйствующихъ за границей.

Соціалъ-демократы.

3/16-го марта въ Цюрихѣ, подъ руководствомъ Чулка, Троли, Ролау, Глазберга, Некрасова, Майзеля, Сары Тонконоговой, дѣвицы Елизаветы Рабиновичъ (изъ Симферополя), Родіонова и Варшавской образовалась группа русскихъ студентовъ-революціонеровъ, поставившая себѣ задачей: а) печатать всѣ подробности сенсаціоннаго характера о происшедшихъ волненіяхъ и продолжающихся студенческихъ броженіяхъ; б) подчеркивать въ нихъ роль, принимаемую въ упомянутыхъ волненіяхъ рабочими, которые, будто-бы, сознательно и давно уже стали на сторону студентовъ; в) воспользоваться 1-мъ маемъ такъ, чтобы оставшіеся на свободѣ студенты могли участвовать въ рабочихъ манифестаціяхъ и тѣмъ самымъ доказать, что дѣло освобожденія рабочаго класса есть дѣло освобожденія всего интеллигентнаго и прогрессивнаго русскаго общества, при чемъ имѣлось въ виду указать студентамъ на необходимость поддержанія рабочихъ и такимъ образомъ объединить разъ на всегда всѣ классы русскаго общества; г) помѣстить рядъ обличительныхъ и завѣдомо ложныхъ статей въ иностранной прессѣ противъ русскаго правительства, принимающаго, будто-бы, драконовскія мѣры въ видахъ подавленія уличныхъ безпо-

рядковъ; д) пригласить желающихъ ѣхать въ Россію изъ учащейся за границей молодежи съ цѣлью помочь ихъ русскимъ товарищамъ въ предѣлахъ надобности и возможности и е) признать переживаемое время за наиболѣе удобный моментъ для всякой агитаціи, пропаганды и какой-бы то ни было другой революціонно-дѣятельности (прим. 118).

Вслѣдъ за симъ названная группа, вступившая въ сношенія по упомянутымъ вопросамъ со своими товарищами въ Бернѣ, Женевѣ и Лозаннѣ, выпустила гектографированную прокламацію подъ названіемъ „Бѣглые наброски очевидца воскресенья 4-го марта“.

На собраніи 3/16 марта Аксельродъ не присутствовалъ, но третій пунктъ былъ проведенъ черезъ Ролау и Чулка, въ предположеніи устроить въ Россіи небывалыя манифестаціи 1-го мая съ оружіемъ, такъ, чтобы, въ случаѣ прекращенія таковыхъ войсками или полиціей, отвѣтить на насиліе насиліемъ.

Для достиженія цѣли, намѣченной программой студентовъ-революціонеровъ, одна соціалъ-демократическая группа за границей отпечатала до 20.000 экземпляровъ прокламацій. Главными пунктами для агитаціи предполагались С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Лодзь, Кіевъ, Екатеринославъ и Варшава, при чемъ имѣлось въ виду разбросать прокламаціи въ Николаевѣ, Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Иваново-Вознесенскѣ и Ростовѣ на Дону. Въ общемъ, всѣми революціонными группами, дѣйствующими за границей, отпечатано до сорока тысячъ экземпляровъ прокламацій.

Въ половинѣ минувшаго апрѣля соціалъ-демократической группой студентовъ-революціонеровъ были отпечатаны слѣдующія публикаціи: 1) отдѣльный оттискъ изъ шестого номера „Листка Рабочаго Дѣла“ подъ названіемъ: „Историческій поворотъ“; 2) „Протестъ русскихъ литераторовъ и ученыхъ“, съ приложеніемъ письма Толстого; 3) „Воззваніе Союза русскихъ соціалъ-демо-

кратовъ“ отъ 3-го марта 1901 г. и 4) номеръ 6-й „Листка Рабочаго Дѣла“, посвященный исключительно безпорядкамъ въ Россіи.

Въ интересахъ конспираціи, типографія печатавшагося въ Мюнхенѣ соціалъ-демократическаго органа „Искра“ перенесена въ Штутгартъ, гдѣ извѣстный тамъ издатель Диць (Dietz) взялъ „Зарю“ и „Искру“ подъ свое покровительство, при чемъ отвѣтственнымъ редакторомъ „Зари“ онъ избралъ своего пріятеля К. Фенца (Fentz). Иниціаторами такой постановки дѣла являются Аксельродъ и Плехановъ. Наборщикомъ въ типографіи „Искра“ состоитъ по прежнему Блюменфельдъ, мѣсто котораго въ типографіи революціонной организаціи „Соціалъ-Демократъ“ (Женева, 7, Chemin des Tramways) занялъ нѣкій Бородкинъ, извѣстный болѣе подъ кличкой „Петьки“. Всѣми сношеніями между русскими соціалъ-демократами, проживающими въ Швейцаріи и Германіи, завѣдываетъ Гинсбургъ, проживающій въ Женевѣ: 8, Chemin des Pitons. . . . . (Прим. 119).

Въ виду того, что „Искра“ спеціально предназначается для Россіи, отдѣльные номера этой публикаціи поступаютъ въ продажу за границей лишь мѣсяцемъ или двумя спустя послѣ водворенія этого органа въ Имперію. Вслѣдствіе этого, кромѣ Плеханова, Аксельрода и Нахамкиса, никто даже изъ самыхъ выдающихся эмигрантовъ не знаетъ о днѣ выхода „Искры“. Составъ редакціи и мѣстопребываніе сотрудниковъ ея также никому не извѣстны, но я предполагаю, что во главѣ означенной организаціи стоятъ Цедербаумъ и Потресовъ, которые, проживая въ Мюнхенѣ или Штутгартѣ, руководятъ названнымъ изданіемъ въ качествѣ членовъ комитета дѣйствующей въ Имперіи „Россійской соціалъ-демократической группы“.

Въ настоящее время мною принимаются соотвѣтствующія мѣры къ выясненію наличнаго состава редакціи и точнаго его мѣстопребыванія. Я найду средство, дѣй-

ствуя навѣрняка, ликвидировать эту крайне опасную организацію и поставить ее въ совершенную невозможность дальнѣйшаго печатанія „Искры“ при существующихъ конспиративныхъ условіяхъ, въ высшей степени затрудняющихъ борьбу съ ней (прим. 120).

По иниціативѣ Плеханова и при непосредственномъ участіи Бончъ-Бруевича и Вѣры Величкиной въ Женевѣ вышелъ одинъ или два номера газеты „L'Etudiant Russe“, спеціально посвященный студенческому движенію въ Россіи и вмѣщающій въ себѣ массу ложныхъ и сенсаціонныхъ извѣстій.

Въ первой половинѣ минувшаго мая между Нахамкисомъ и Гольдендахомъ — съ одной стороны, Плехановымъ и Аксельродомъ — съ другой возникли серьезныя пререканія по программнымъ вопросамъ „Искры“ и „Зари“, изъ за которыхъ Нахамкисъ и Гольдендахъ выступили изъ означенныхъ двухъ организацій. Разногласіе вышло вслѣдствіе того, что, какъ было рѣшено предварительно, органы эти ставили себѣ задачей объединеніе всѣхъ соціалъ-демократическихъ группъ въ одну общую партію, при чемъ наличныя народовольческія организаціи должны были войти въ эту партію на извѣстныхъ условіяхъ; между тѣмъ, Плехановымъ въ этомъ смыслѣ ничего сдѣлано не было. Въ виду этого Нахамкисъ, расчитывая, очевидно, на свои связи съ Россіей, задался мыслью поставить новый органъ, подъ названіемъ „Борьба“, который имѣлъ-бы цѣлью объединить всѣ соціалъ-демократическія группы въ Россіи въ одну партію. Оставаясь за симъ представителемъ таковой за границей, онъ надѣялся убѣдить народовольцевъ присоединиться къ названной организаціи на почвѣ активной политической борьбы съ самодержавіемъ. „Впрочемъ, выразился Нахамкисъ, всѣ эти вопросы будутъ разрѣшены на предстоящемъ соціалъ-демократическомъ съѣздѣ въ Россіи“. Энергичная оппозиція Нахамкиса сильно встревожила „Рабочее Дѣло“ и

Плеханова, который вынужденъ былъ уступить, присоединивши организацію „Рабочее Дѣло“ къ организаціи „Заря“ и „Искра“. (Прим. 121).

14-го минувшаго іюня (стараго стиля) Кіевскимъ Комитетомъ россійской соціалъ-демократической рабочей партіи выпущена прокламація, въ коей восхваляется единодушіе, съ которымъ арестованные студенты, въ видахъ ускоренія допроса ихъ, отказались отъ пищи и тѣмъ вынудили, яко-бы, генерала Новицкаго и кіевскаго губернатора Трепова поспѣшить ускореніемъ рѣшенія ихъ участи. „Единеніе и настойчивость,— говорится въ прокламаціи,— сила передъ которой не устоятъ ни замки, ни рѣшетки, ни генералы, ни стража. Будемъ же дѣйствовать дружно, пойдемъ неуклонно по пути нашего освобожденія и побѣда будетъ за нами!“

Въ заключеніе о соціалъ-демократахъ считаю долгомъ почтительнѣйше присовокупить, что по mot d'ordr'y изъ Россіи, гдѣ, очевидно, состоялось предварительное соглашеніе среди всѣхъ оттѣнковъ соціалъ-демократическаго лагеря, къ данному времени за границей образовалась общая соціалъ-демократическая группа, въ которую вошли мѣстныя организаціи „Искры“, „Знамени“ и „Рабочаго Дѣла“, составляющія, такимъ образомъ, отдѣленіе „Россійской соціалъ-демократической партіи“, дѣйствующей въ предѣлахъ Имперіи. Упомянутое сліяніе въ одну партію работавшихъ до сихъ поръ порознь многочисленныхъ революціонныхъ фракцій произвело на эмигрантовъ весьма благопріятное впечатлѣніе и фактъ этотъ они разсматриваютъ какъ результатъ усиленія соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи.

Народовольцы.

Въ Россіи образовалась террористическая группа „Двадцати“, поставившая себѣ задачей „казнить“ г. г. Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, генерала Клейгельса, пол-

ковника Пирамидова и г. Зубатова. Первое извѣстіе о народившейся въ Россіи группѣ было получено эмигрантомъ Добровольскимъ въ маѣ мѣсяцѣ; слухи о возникновеніи этой группы были подтверждены проживающими въ Женевѣ Бончъ-Бруевичемъ и Вѣрой Михайловой Величкиной, которые прибавили, что, по ихъ мнѣнію, Лаговскій и Ивановъ примыкали къ этой группѣ.

Своевременно я имѣлъ честь донести Вашему Превосходительству объ организаціи въ Парижѣ, по иниціативѣ изъ Россіи (посредникъ Левитъ) новой народовольческой группы, выразителемъ мнѣній которой будетъ спеціальный органъ, подъ названіемъ: „Соціально-революціонный Вѣстникъ“. Въ качествѣ редактора выступилъ Русановъ, при непосредственномъ участіи Аркадакскаго и Рубановича, при чемъ первый номеръ „Вѣстника“ уже отпечатанъ Бохановскимъ въ Женевѣ, но пріостановленъ выходомъ до окончанія дѣла Паули.

Въ первой половинѣ минувшаго апрѣля въ Парижѣ организовался особый комитетъ изъ представителей всѣхъ русскихъ революціонныхъ группъ, который поставилъ себѣ задачей агитировать среди французской публики по поводу событій, происходящихъ въ Россіи. Съ этой цѣлью комитетъ предполагаетъ издать нѣсколько брошюръ на французскомъ языкѣ, въ которыхъ будетъ вкратцѣ изложено „дѣйствительное“ положеніе дѣлъ въ Россіи. Помимо сего рѣшено организовать спеціальный комитетъ изъ нѣсколькихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей Франціи, который взялъ бы въ свои руки агитацію въ предѣлахъ французской территоріи по вопросу о политической свободѣ въ Россіи. Для достиженія намѣченной цѣли предполагается устраивать митинги, чтенія рефератовъ и открытыя подписки въ пользу освободительнаго движенія въ Россіи. Среди учащейся молодежи въ Парижѣ и Швейцаріи ходятъ уже по рукамъ сборные листки въ пользу означеннаго предпріятія.

Для борьбы съ упомянутой затѣей эмигрантовъ я, въ

свою очередь, организовалъ небольшой кружокъ французскихъ газетчиковъ и съ осени намѣренъ приступить къ печатному воздѣйствію противъ смѣло задуманнаго предпріятія нашихъ выходцевъ. Но для этого мнѣ необходимы денежныя средства, далеко превышающія тѣ пятьсотъ франковъ, ежемѣсячныхъ, которые Ваше Превосходительство предполагали ассигновать на веденіе этого дѣла. Если вообще Вашему Превосходительству благоугодно будетъ одобрить задуманный мною планъ и противопоставить затѣѣ революціонеровъ, имѣющей цѣлью дискредитироватъ въ общественномъ мнѣніи Франціи франко-русскій союзъ и позорить наше правительство всевозможными измышленіями, правильно организованное противодѣйствіе, то на это дѣло потребуется до трехъ тысячъ франковъ въ мѣсяцъ, считая съ перваго октября по первое апрѣля будущаго года. При этомъ Ваше Превосходительство не откажете, вѣроятно, въ сообщеніи необходимыхъ для даннаго случая матеріаловъ. Съ своей стороны я доставлю своимъ сотрудникамъ всѣ компрометирующія эмигрантовъ свѣдѣнія изъ ихъ практики и частной жизни. (Прим. 122).

По иниціативѣ Левиди, Паули и Волховскаго предполагается къ осени объединить, въ виду крайне возбужденнаго и приподнятаго въ Россіи настроенія, всѣ дѣйствующіе за границей революціонные элементы въ одну общую группу. Пока не существуетъ еще никакихъ конкретныхъ представленій о томъ, на какой почвѣ, подъ какимъ именемъ и съ какимъ практическимъ дѣломъ въ рукахъ должно состояться таковое объединеніе. Существуетъ, однако, предположеніе, что оно можетъ охватить слѣдующія группы: соціалистовъ-революціонеровъ, революціонную организацію „Соціалъ-Демократъ“, молодыхъ и старыхъ народовольцевъ, Аграрную Лигу и организацію „Наканунѣ“. Выдающіеся дѣятели вышеприведенныхъ фракцій заявили, что, въ принципѣ, они вполнѣ раздѣляютъ означенную постановку вопроса. Но

успѣхъ этого предпріятія будетъ зависѣть отъ того, найдутъ ли заинтересованныя организаціи какое-нибудь общее практическое дѣло для объединительной дѣятельности. Что же касается чисто нравственнаго вліянія, каковое могло-бы произвести въ Имперіи извѣстіе о подобномъ объединеніи, то оно, какъ полагаютъ Русановъ, Рубановичъ, Гнатовскій, Лазаревъ и Богдановскій, было бы несомнѣнно и большое значеніе имѣло бы особенно въ томъ случаѣ, если бы таковое совершилось подъ знаменемъ „Народной Воли“.

Вопросъ объ объединеніи всѣхъ народовольческихъ фракцій въ одну общую организацію партіи „Народной Воли“ всѣ выдающіеся эмигранты полагаютъ тѣмъ болѣе безусловно необходимымъ, что до настоящаго времени лишь одни соціалъ-демократы представляли собою „революціонную Россію“ и что народовольцамъ, не конкурировавшимъ до сихъ поръ съ соціалъ-демократическимъ движеніемъ, угрожаетъ, какъ они полагаютъ, большая опасность.

Говоря по этому поводу (прим. 123), Лазаревъ выразился слѣдующимъ образомъ: „При переживаемомъ Россіей интенсивномъ, но крайне неопредѣленномъ броженіи и исканіи выхода изъ данныхъ стѣснительныхъ условій, появленіе за границей такой организаціи, какъ проектируемая народовольческая группа, могло бы, конечно, имѣть свое значеніе, но лишь какъ примѣръ, какъ напоминаніе о томъ славномъ прошломъ, которому наступило время вернуться; но что думаютъ объ этомъ въ Россіи? И отчего бы намъ не справиться, какъ относится къ нашему предпріятію группа „Двадцати“?

Въ настоящее время въ Парижѣ образовался спеціальный комитетъ изъ Рубановича, Гнатовскаго, Шишко, Нахамкиса и Русанова, имѣющій цѣлью вырѣшить всѣ вопросы, касающіеся намѣченной организаціи. Комитетъ этотъ выпустилъ уже брошюру на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „La Russie en révolte“, въ которую

вошли слѣдующія статьи: „Qu'est ce qu'est la Russie“? Рубановича, „Les troubles universitaires“ Раппопорта и „Le présent, le passé et l'avenir du mouvement révolutionnaire en Russie“ Нахамкиса. Помимо этой брошюры, названный комитетъ издалъ прокламацію: „Къ русскимъ офицерамъ“.

Въ концѣ марта Бурцевъ приступилъ къ печатанію набирающагося у Сущинскаго въ Женевѣ второго номера историко-революціоннаго сборника „Былое“.

Приложенія: а) корректурные листы второго номера сборника „Былое“ и б) добытое агентурнымъ путемъ письмо Бурцева (прим. 124).

Лицо, о которомъ Бурцевъ справляется въ этомъ письмѣ — Биске; подъ иниціаломъ „С. О.“ подразумѣвается извѣстная Департаменту Сыщянко; „Таръ“— Русановъ; „съ Волги“, т. е. докторъ Долгополовъ, Анненскій, Щеглова (урожденная Могула); „адвокатъ“— Кулябко-Корецкій въ Ставрополѣ; „здѣсь Т.“, т. е. Турскій, проживающій въ Англіи; „на дняхъ здѣсь былъ одинъ членъ Союза соціалъ-демократовъ, который, по собственнымъ словамъ, былъ ярымъ врагомъ народовольцевъ“ — относится къ Александрову, Алексѣеву, или еще третьему соціалъ-демократу, извѣстному въ Лондонѣ подъ названіемъ „Феди“. Есть нѣкоторое основаніе полагать, что двое изъ означенныхъ лицъ вернутся въ Россію, съ тѣмъ, чтобы примкнуть къ народовольческому движенію.

Революціонно-соціалистическая группа „Свобода“.

Возникшая въ минувшемъ маѣ мѣсяцѣ въ Женевѣ революціонно-соціалистическая группа „Свобода“ приступила къ изданію органа того-же имени, опубликованію котораго она сочла полезнымъ предпослать „во избѣжаніе недоразумѣній“, обращеніе къ соціалистической ин-

теллигенціи. Въ обращеніи этомъ редакція упомянутой публикаціи заявляетъ, что, по ея мнѣнію, насущнѣйшею потребностью даннаго времени является борьба съ самодержавіемъ, „съ которымъ немыслимы никакія соглашенія, никакіе переговоры объ уступкахъ".

Группа „Свобода" задалась мыслью „сразу" осуществить и „сегодня-же" нижеслѣдующія политическія задачи: представительство интересовъ трудящихся классовъ населенія; полную неприкосновенность личности; свободу слова и печати, полную свободу собраній, сходокъ и ассоціацій, свободу религіи и право самоуправленія Польши и Финляндіи. Не входя въ оцѣнку тѣхъ или другихъ формъ правленія, означенная революціонно-соціалистическая группа ставитъ, на первое время, своей ближайшей задачей возбужденіе ненависти рабочихъ массъ противъ существующаго государственнаго строя и поднятіе ихъ самосознанія путемъ демонстрацій и печатнаго слова.

Вопросъ о воспитаніи политическаго самосознанія массы—пунктъ, на которомъ, по мнѣнію „Свободы", должны бы объединиться, для совмѣстной и дружной работы, соціалистическія группы и фракціи всѣхъ безъ исключенія оттѣнковъ. „Ничего мы такъ не желаемъ, заканчиваетъ редакція „Свободы" свое обращеніе, какъ объединенія всѣхъ существующихъ нынѣ политико-соціалистическихъ группъ и партій въ одну единую соціалистическую партію съ центральнымъ органомъ управленія и центральнымъ органомъ печати".

Объясняя своевременность и необходимость для рабочаго класса органа „Свобода" тѣмъ фактомъ, что рабочіе начали уже, будто-бы, „дѣйствовать", редакція обѣщаетъ постоянно указывать на четыре пункта, которые, по ея убѣжденію, „нужно знать и помнить каждому рабочему", а именно: 1) что онъ долженъ быть соціалистомъ, 2) что новые порядки могутъ быть завоеваны благодаря сознательной и организованной посто-

янной борьбѣ съ капиталистами и правительствомъ, 3) что „сейчасъ необходимѣе всего покончить съ царскимъ своеволіемъ“ и 4) что онъ борется не только за себя, но за все трудящееся населеніе Россіи, за его „правду, честь и свободу“.

. . . . . (Примѣч. 125).

Тою же группою „Свобода“ приступлено будетъ въ скоромъ времени къ изданію сборника для простого народа, подъ названіемъ „Лучина“, въ которомъ предполагается давать, главнымъ образомъ, статьи о положеніи русскаго крестьянства и объ отношеніи къ нему правительства, равно какъ и помѣщать корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ по интересующимъ крестьянство вопросамъ. Инціаторомъ этого органа является какая-то невыясненная и довольно темная личность, по поводу которой Анароповъ высказался слѣдующимъ образомъ „Изъ двухъ источниковъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, видно, что съ представителемъ „Свободы“ (мужъ) необходимо быть очень осторожнымъ. Въ его прошломъ есть какіе-то грѣшки; но не они такъ важны, какъ важно его легкомысліе; его не считаютъ провокаторомъ, но находятъ возможнымъ, чтобы онъ оказался орудіемъ въ рукахъ провокатора. Подозрительно то, что онъ обладаетъ большими средствами, въ то время, какъ онъ самъ пролетарій. Вообще совѣтуютъ быть съ нимъ осторожнымъ. Его товарищъ женщина, человѣкъ безусловно честный, но очень увлеченная способностями этого господина и не хочетъ слушать никакихъ предостереженій. Если-бы мнѣ не сообщили люди опытные — и при томъ съ разныхъ сторонъ, то я не придалъ бы этому значенія. Вотъ почему я совѣтую всѣмъ вамъ, господа, принять это къ свѣдѣнію; главное — остерегайтесь завязывать съ нимъ сношенія и посвящать его въ тайны вашихъ организацій. По его словамъ, онъ знаетъ многихъ дѣятелей въ Россіи, къ которымъ я и Сущинскій обратились уже за справками объ этой странной личности“.

Означенный субъектъ тщательно скрываетъ отъ всѣхъ эмигрантовъ свою фамилію и мѣсто пребыванія. Въ общемъ, таинственный незнакомецъ, пріемами своими во многомъ напоминаетъ извѣстнаго „Псевдонима“. По примѣру послѣдняго, онъ въ одно и тоже время и соціалъ-демократъ, и конституціоналистъ, и сторонникъ террора. При такомъ образѣ дѣйствій со стороны иниціатора „Свободы“ мнѣ не трудно будетъ провалить его, какъ только его личность будетъ установлена. (Прим. 126).

Оффиціальнымъ представителемъ редакціи „Свободы“ состоитъ Бохановскій, а ближайшими сотрудниками: Успенскіе—мужъ и жена, Масленниковъ, Михаилъ Сущинскій и Анна Моргулева, въ качествѣ наборщицы. Помимо названныхъ лицъ къ организаціи „Свободы“ примыкаютъ также Суровцева, Шостакъ, Архипіанцъ, Заславская, Рубинштейнъ, Кременчуцкая и сестра Анны Моргулевой—Ента. Въ кассѣ редакціи имѣется въ настоящее время около 2.000 франковъ.

Для водворенія въ Имперію программы и самого органа, корректурные листы котораго (прим. 127) при семъ прилагаются, заказаны чемоданы приблизительно одинаковаго типа, слѣдующихъ размѣровъ: въ длину—60 центиметровъ, въ ширину — 36, а въ вышину—25 центиметровъ. Всѣ они обиты сѣрой, весьма плотной парусиной, снабженной по угламъ кожанными треугольниками; ремешки и ручки кожанные, желтаго цвѣта, убраны гвоздями со стальными шляпками; запираются обыкновенными внутренними стальными замками. Прокламаціи и другія публикаціи имѣютъ вдѣлываться въ самый остовъ чемодана. О вышеизложенныхъ примѣтахъ чемодановъ слѣдовало-бы, какъ я смѣю думать, сообщить для свѣдѣнія во всѣ пограничные пункты.

Первый номеръ въ пятнадцать печатныхъ листовъ будетъ заключать въ себѣ юмористическія статьи, подъ заглавіемъ: „Смерть Николая II“ и „Побѣдоносцевъ, Клейгельсъ и Ванновскій“. Означенный органъ будетъ

выходитъ въ количествѣ около 2.000 экземпляровъ. По увѣреніямъ Масленникова (прим. 128) ихъ группа въ Россіи состоитъ изъ весьма энергичныхъ и очень серьезныхъ людей, которые вскорѣ перейдутъ, будто-бы, къ активной революціонной дѣятельности. Такого мнѣнія не раздѣляютъ, однако, выдающіеся эмигранты, полагая, что увѣренія Масленникова слишкомъ преувеличены.

Уличная демонстрація передъ русскимъ консульствомъ въ Женевѣ.

Въ пятницу 5-го апрѣля по н. ст. состоялось собраніе русскихъ эмигрантовъ по поводу выдачи федеральнымъ правительствомъ анархиста Іаффегъ и мѣропріятій русскаго правительства въ дѣлѣ студенческихъ безпорядковъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ. На означенномъ собраніи присутствовали почти всѣ русскіе студенты и студентки, равно, какъ и множество итальянскихъ анархистовъ и швейцарскихъ соціалъ-демократовъ. Манифестація противъ нашего консульства была рѣшена еще наканунѣ въ четвергъ, но о рѣшеніи этомъ никто не зналъ, кромѣ Ивалшина, Кричевскаго, Махновца, Плеханова и недавно прибывшаго изъ Америки анархиста Желковскаго. Подъ конецъ собранія названные эмигранты роздали нѣсколько десятковъ экземпляровъ гектографированной записки, которою всѣ присутствующіе приглашались отправиться къ дому, занимаемому русскимъ консульствомъ, произвести шумную демонстрацію, выбить стекла, сорвать консульскій гербъ и уничтожить его. Обрадовавшись случаю манифестировать, учащаяся молодежь отправилась къ нашему консульству съ криками: „Долой деспота царя, да здравствуетъ свободная Россія!“ За неимѣніемъ подъ рукою камней, демонстрантамъ не удалось выбить стекла и они ограничились изступленными криками. при чемъ особенное вниманіе обращали на себя своимъ неистовымъ визгомъ студентки. Ивашинъ, Желковскій, Абрамъ Бахъ, Бончъ-Бруевичъ и Сущинскій

руководили этой оргіей, въ концѣ которой Желковскій и Иваншинъ, вскарабкавшись до высоты герба, сорвали его, ко всеобщему восторгу изступленной толпы (прим. 129). Не будучи въ состояніи поломать металлическій гербъ, толпа, при тѣхъ же возмутительныхъ крикахъ, направилась къ Ронѣ, въ которую и бросила его. Помимо упомянутыхъ лицъ, въ дѣлѣ демонстраціи наиболѣе активное участіе принимали студентки сестры Моргулевы, Кременчуцкая (изъ Одессы), Котикъ, Тихановичъ, Меланія Итина, Вѣра Величкина, мужъ и жена Успенскіе и Сергѣевъ. На мѣстѣ происшествія женевская полиція появилась слишкомъ поздно, вслѣдствіе чего никто изъ выдающихся эмигрантовъ не подвергся аресту, кромѣ Сергѣева, Кремера и Эдельмана.

На третій день, въ воскресенье, эмигранты узнали о намѣреніи женевскаго правительства произвести разслѣдованіе. Желая ввести въ заблужденіе кантональныя власти, эмигранты начали принимать мѣры къ устройству alibi наиболѣе скомпрометированнымъ лицамъ, привлекши къ каждому изъ нихъ по два благородныхъ свидѣтеля, которыя дали завѣдомо ложныя показанія. Такимъ образомъ, наиболѣе виновные въ демонстраціи: Иваншинъ, Желковскій, Махновецъ, Плехановъ, Кричевскій, Бахъ, Бончъ-Бруевичъ, Кременчуцкая, Сущинскій и Успенскіе оказались отсутствовавшими въ моментъ произведенія ея. Не привлечена была къ отвѣтственности и студентка Котикъ, несшая импровизированный красный флагъ и хотя полиція и замѣтила ее, но не могла установить ея личности, такъ какъ послѣ демонстраціи она безвыходно сидѣла дома.

Главнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ устройства alibi былъ Зигъ (Zigg), секретарь „Рабочаго Комитета“, находящійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ „Министромъ“ женевской юстиціи и полиціи Фаволемъ. Означенный Зигъ положительно увѣрилъ Плеханова, Сущинскаго и

Иваншина, что имъ сдѣлано все необходимое, чтобы они не были высланы изъ предѣловъ Швейцаріи (прим. 130).

Русскіе анархисты.

Къ данному времени группа русскихъ анархистовъ администрируется слѣдующимъ образомъ: завѣдывающій сношеніями и корреспонденціей — Желковскій; складомъ и архивомъ — Дайновъ; наборщикъ — Михаилъ Сущинскій; отвѣтственный редакторъ брошюръ и проектируемаго органа — иностранецъ Held.

Польскіе революціонеры.

Главнымъ центромъ дѣятельности польскихъ революціонеровъ по прежнему является Варшава и Галиція. Проживающіе въ Лондонѣ единомышленники ихъ, задавшись цѣлью придать манифестаціямъ перваго мая исключительный характеръ, рѣшили, въ свою очередь, выпустить рядъ прокламацій, призывающихъ польское общество присоединиться къ рабочимъ массовымъ безпорядкамъ. Такъ Польская соціалистическая партія (Іендржеевскій, Плохоцкій и компанія), „Пролетаріатъ“ (Кульчицкій, Гольдбергъ-Кобылянскій и комп.), Польская соціалъ-демократическая организація (прежняя организація — „Sprawa Robotnicza“ — Грозовскій и Роза Люксембургъ) отпечатали рядъ спеціальныхъ прокламацій, присоединивши къ таковымъ двѣ брошюры, появившіяся въ свѣтъ въ 1895 году, но не водворенныя въ Россію, подъ заглавіемъ: „Swieto pierwszego Maja“ и „Nie podlegla Polska“, изданныя бывшей „Рабочей Партіей“.

Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ.

„Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ“ недавно выпустилъ летучій листокъ, помѣченный шестымъ іюля, № 22. Въ гектографированномъ

листкѣ этомъ, при семъ прилагаемомъ, помимо помянутой прокламаціи Кіевскаго Комитета Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, помѣщены болѣе или менѣе тенденціозныя извѣстія изъ Симферополя, Минска и Варшавы (прим. 131).

Толстовцы.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ графъ Толстой прислалъ эмигранту Лазареву, съ которымъ онъ находится въ сношеніяхъ, „Письмо къ царю“ по сущности котораго Лазаревъ выразился (прим. 132) слѣдующимъ образомъ: „Письмо это можетъ повлечь за собой высылку Толстого за границу. Это будетъ для него самое ужасное. Припомнимъ участь Василія Флеровскаго: заграница убила его (прим. 133). Ничто такъ гибельно не дѣйствуетъ на такихъ людей, какъ Толстой и Флеровскій, какъ отрѣзанность отъ родины, отъ всего живого, отъ своихъ друзей. Эти люди не конспираторы, не революціонеры, для которыхъ за границей всегда найдется серьезное дѣло; это народные вожди, заграница ихъ уничтожаетъ. Впрочемъ, Толстого не выслали до сихъ поръ, побоятся выслать и теперь“.

До послѣдняго времени заграничная фракція толстовцевъ выпустила нѣсколько номеровъ „Свободной Мысли“, равно какъ и отдѣльныхъ изданій. Въ виду охватившаго Россію революціоннаго броженія, Бирюковъ, Бончъ-Бруевичъ, Чертковъ, Вѣра Величкина, Дудченко и Шарапова рѣшили не только продолжать печатаніе „Свободной Мысли“, но и придать ему вполнѣ революціонное направленіе. (Прим. 134).

Списокъ лицъ, замѣченныхъ, по свѣдѣніямъ агентуры, въ сношеніяхъ съ эмигрантами.

1) Вяземскій, князь, членъ Государственнаго Совѣта. При посредствѣ какого-то своего знакомаго сообщилъ Бирюкову всѣ подробности драки, происшедшей между

полиціей и студентами, во время послѣднихъ безпорядковъ въ Петербургѣ. (Прим. 135).

2) Эттингеръ, дѣвица (именуетъ себя Евгеніей Самойловой, розыскной списокъ № 611). Принадлежитъ къ организаціи „Соціалъ-Демократъ". Живетъ въ Цюрихѣ, часто бываетъ въ Женевѣ и Бернѣ. Въ Цюрихѣ особенно близка съ Аксельродомъ и компанія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ проживала въ Божи у Лазарева, который въ это время находился въ Лондонѣ. (Прим. 136).

3) Биске, мужъ и жена (Исаакъ Соломоновъ, потом. почетн. гражданинъ, циркуляръ о розыскѣ 22-го іюня 1901 г., № 2235, и Ольга Моисеева, урожденная Брейтбартъ). Съ ноября мѣсяца 1900 г. до половины апрѣля проживали у Лазарева въ Божи, а затѣмъ переѣхали въ Женеву. Биске членъ кіевской соціалъ-демократической организаціи, пользуется репутаціей активнаго революціонера, прибывшаго изъ Россіи по дѣламъ партіи; находится въ сношеніяхъ съ Плехановымъ, Иваншинымъ, Аксельродомъ, Бурцевымъ и Левентисомъ. Для свиданія съ нимъ пріѣзжалъ изъ Цюриха нѣкій Шау. (Прим. 137).

4) Кауфманъ, — характеризуется человѣкомъ серьезнымъ и весьма конспиративнымъ. Проживалъ въ апрѣлѣ у Лазарева. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой личности не имѣется. (Прим. 138).

5) Ладонко, кандидатъ правъ Кіевскаго университета. Соціалъ-демократъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ появился въ Женевѣ, видѣлся у Лазарева, въ Божи, почти со всѣми представителями соціалъ-демократическаго движенія за границей; въ концѣ апрѣля по новому стилю собирался уѣхать въ Россію черезъ Границу или Подволочискъ. (Прим. 139).

6) Иваницкая Ольга Петровна, (дочь священника, прибыла 16 апрѣля (ст. ст.) въ Н.-Новгородъ, гдѣ подчинена негласному надзору полиціи). Въ апрѣлѣ жила у Лазарева. Часто бываетъ въ Женевѣ, гдѣ видѣлась съ Плехановымъ и Гинсбургомъ. (Прим. 140).

7) Лопатина Нина. Въ настоящее время проживаетъ въ Лейпцигѣ. Въ концѣ марта пріѣзжала къ Лазареву, но, не заставши его, оставила пакетъ. (Прим. 141).

8) Ролау Эрнестъ Христофоровичъ (арестованъ). Въ началѣ апрѣля находился въ Цюрихѣ, гдѣ ожидалъ изъ Лондона одного литовца-транспортиста, вмѣстѣ съ которымъ собирался доставить на русскую территорію массу прокламацій, предназначавшихся для рабочихъ манифестацій по случаю 1-го мая и для борьбы, совмѣстно со студентами, путемъ стачекъ и призыва къ уличнымъ манифестаціямъ. 5/18 мая Кузьма Ляхоцкій выслалъ въ Мемель Ролау на имя часовыхъ дѣлъ мастера Трептау (12-13, Friedrichwilhelmstrasse) тюкъ съ народовольческими, украинскими и литовскими изданіями. За время пребыванія своего въ Мемелѣ, Ролау получилъ массу подпольной литературы изъ разныхъ эмигрантскихъ центровъ. Вообще на Ролау надо смотрѣть какъ на одного изъ самыхъ важныхъ транспортистовъ, когда-либо существовавшихъ за границей. Аккуратной прослѣдкой за нимъ мы могли бы на долгое время обезпечить себя отъ безконтрольнаго водворенія въ Россію подпольной литературы. Независимо отъ этого намъ представлялась полная возможность выяснить всѣ пути, черезъ которые революціонныя изданія распространяются въ предѣлахъ самой Имперіи. Въ виду необычайной трудности быть въ курсѣ транспортнаго дѣла за границей, ведомаго личностями исключительными, дѣйствующими, къ тому же, вполнѣ самостоятельно, я не могу не выразить сожалѣнія, что розыскные органы, на которыхъ была возложена прослѣдка за водвореніемъ въ Россію означеннымъ Ролау транспортовъ, слишкомъ поспѣшили арестомъ столь драгоцѣннаго показателя. (Прим. 142).

9) Безходарный — находился въ революціонныхъ сношеніяхъ съ проживающими въ Цюрихѣ соціалъ-демократами (Аксельродъ и Эрисманъ). Скоропостижно скончался.

10) Кирпичникова Наталья Александрова, дочь про-

фессора (цирк. о досмотрѣ—августъ, 1901 г.). Пріятельница Эрисмана; въ концѣ марта уѣхала на мѣсяцъ въ Россію.

11) Лебедева Александра Ивановна, мѣщанка гор. Мурома. Въ концѣ мая выѣхала изъ Петербурга въ Муромъ, прося своихъ знакомыхъ прекратить съ ней переписку.

12) Грозовскій. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ проживалъ въ Берлинѣ подъ фамиліей Іогихесъ (Vielandstrasse, 23, Friedenau, bei Berlin, у г-жи Neufeld).

13) Левентисъ. Поселился въ Цюрихѣ: 16, Pestalozzistrasse. Женится на Варшавской (двѣ сестры: Дора и Берта Ларионовы).

14) Махновецъ. Въ ожиданіи результатовъ рабочихъ демонстрацій въ Россіи, жилъ до первыхъ чиселъ мая во второй соціалистической типографіи: 7, Chemin de la Cluse, Женева. Тамъ же проживали одно время Кричевскій, Перчикъ и нѣкій Сергѣевъ, прибывшій къ нимъ изъ Россіи.

15) Иваншинъ. До студенческихъ безпорядковъ жилъ въ Женевѣ: 35, rue de la Cluse.

16) Лурье. Изъ вполнѣ достовѣрнаго источника извѣстно, что онъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ членами комитета Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ, — въ Варшавѣ, Лодзи, Домбровѣ и Бѣлостокѣ. Въ представляемой при семъ, въ подлинникѣ (прим. 143), части письма Маслова-Стокоза, отъ 2-го минувшаго мая, послѣдній, по поводу ареста Лурье, пишетъ слѣдующее: „Имѣю тебѣ сообщить, между прочимъ, довольно печальную новость: Лурье арестованъ въ Россіи, о чемъ недавно Толстой сообщилъ Черткову, а Чертковъ — его женѣ. Положеніе послѣдней не изъ блестящихъ: весьма вѣроятно, что дѣло Лурье протянется годъ-полтора, а потомъ его сошлютъ въ Якутку. Ей на выборъ остается: или ѣхать за нимъ въ Сибирь, или ожидать въ роли „соломенной

вдовы“ пока онъ отбудетъ срокъ. Хорошо еще, что дѣтей у нихъ нѣтъ. Вообще его поѣздка была очень легкомысленнымъ и эгоистическимъ поступкомъ. Хотѣлъ заниматься революціей, не надо было жениться на англичанкѣ, которой это дѣло „постороннее“. А теперь исковеркалъ жизнь женщины“.

Въ настоящее время Лурье содержится въ Московской центральной пересыльной тюрьмѣ. Его товарищи узнали, что департаменту полиціи извѣстны террористическіе планы этого революціонера; поэтому предполагается его — говорятъ они — сослать въ Якутскую область, или даже куда-нибудь подальше, откуда бѣжать невозможно. Но эмигранты надѣятся устроить ему побѣгъ съ пути слѣдованія въ Сибирь, что, по ихъ мнѣнію, при наличности денежныхъ средствъ весьма легко привести въ исполненіе. Польская соціалъ-демократическая группа, особенно озабоченная благопріятнымъ исходомъ этого предпріятія, снеслась уже со своими русскими товарищами на предметъ снабженія означеннаго революціонера деньгами и установленія сношеній съ Лурье, который успѣлъ уже дать о себѣ знать изъ мѣста заключенія, какъ Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ въ подлинникѣ его письма. (прим. 144). Въ смыслѣ устройства побѣга Лурье надѣются на содѣйствіе Андропова и Новоселова, которые отправились въ Москву съ тѣмъ, чтобы убѣдить своихъ товарищей по „Рабочему Знамени“ примкнуть къ „Россійской соціалъ-демократической партіи“.

17) Андроповъ Сергѣй Васильевъ и Новоселовъ Викторъ Павловъ, полтавскій уроженецъ (цирк. о досмотрѣ 1901 года, № 2235). Первый изъ нихъ въ половинѣ апрѣля переѣхалъ изъ Лондона въ Hunts, Albin-Tucktone house, christchurch. Сильно тоскуетъ по родинѣ и стремится, во что-бы то ни стало, въ Россію. Бурцевъ прожилъ у него съ 21-го апрѣля по 10 мая. Къ послѣднему времени стало извѣстно, что Андроповъ

тайно выбылъ изъ Англіи, захвативъ съ собою Новоселова. Вскорѣ за симъ было получено свѣдѣніе, что упомянутыя два эмигранта пребываютъ въ Штуттартѣ, откуда намѣрены отправиться, или уже отправились, въ Москву. (Прим. 145).

18) Петрова Агнеса Александрова (возвратилась въ Россію и подчинена секретному наблюденію). 7 мая по новому стилю выѣхала въ Берлинъ, откуда черезъ Александрово и Варшаву намѣревалась отправиться въ Москву, Нижній и Казань. Въ Берлинѣ предполагала прожить около недѣли по слѣдующему адресу: Woskanoff. Stutgarter Platz, I, a Hoffauer Gebende, Erste Treppe, bei Kopzke. (Прим. 146).

19) Мальцева Олимпіада Маркова (возвратилась въ Россію и подчинена секретному наблюденію). Проживала въ Парижѣ: 54, Bd St-Marcel. 24 іюня выѣхала въ Россію черезъ Берлинъ и Александрово. Намѣревалась побывать въ Москвѣ, Муромѣ, Нижнемъ, Казани, Самарѣ и затѣмъ на Уралѣ. Личность интересная по сношеніямъ съ выдающимися эмигрантами въ Парижѣ, которые, несомнѣнно, снабдили ее явками въ Россію. (Прим. 147).

20) Лившицъ. Живетъ: 28, Seidenveg, Бернъ. Занимается переправой революціонныхъ изданій въ Россію въ спеціально заказанныхъ для этой цѣли чемоданахъ.

21) Карказъ Евгенія Александровна (домашняя учительница, извѣстная по своей политической неблагонадежности). Учительница школы при Обуховскомъ заводѣ. Въ первой половинѣ іюня прибыла въ Женеву для свиданія съ Плехановымъ, которому вручила статью о послѣднихъ безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ. Съ нею вмѣстѣ пріѣхала также Ольга Кобаленская, которая тотчасъ же отправилась въ Бернъ, къ Чернову. (Прим. 148).

22) Гончаренко Александръ Павловъ. Въ качествѣ лакея перешелъ отъ Бирюкова къ Лазареву.

23) Кременчуцкая (изъ Одессы) Хана Липова, дочь купца. Проживая въ Женевѣ, находилась въ безпрерыв-

ныхъ сношеніяхъ съ Сущинскимъ, Плехановымъ, Масленниковымъ, Гинсбургомъ и Анной Моргулевой. 9/22 іюня выѣхала въ Одессу черезъ Бернъ и Цюрихъ, гдѣ она должна была повидаться съ Аксельродомъ.

24) Миличъ (Жуковъ) Константинъ Николаевъ, учитель рисованія. Находится въ настоящее время въ Москвѣ и старательно поддерживаетъ переписку съ Гнатовскимъ, который, однако, относится къ нему съ большимъ недовѣріемъ.

25) Пильсудскій Іосифъ Іосифовъ, дворянинъ. Послѣ побѣга, при содѣйствіи доктора Мазуркевича, изъ Петербургской больницы Николая Чудотворца, водворился въ Лондонѣ и временно проживаетъ у Іендржеевскаго: 67, Solwarth Road, Leytonstone.

26) Васильевъ Антонъ Васильевъ, бывшій чиновникъ министерства финансовъ. Одно время проживалъ въ Германіи, а затѣмъ пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ поселился: 5, rue Amiral Mouchet, во второмъ этажѣ. Его примѣты: роста ниже средняго, тѣлосложенія слабаго, шатенъ, глаза темносиніе, носитъ усы, носъ правильный, черты лица довольно красивые, выраженіе лица интеллигентное".

VIII.

Докладъ Рачковскаго отъ 2/15 Августа 1901 г.

„Въ дополненіе къ телеграммѣ объ арестѣ и высылкѣ эмигранта Николая Паули, считаю долгомъ почтительнѣйше доложить Вашему Превосходительству нижеслѣдующее.

Въ письмѣ отъ 4 апрѣля минувшаго года Паули обратился ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ. По имѣвшимся въ то время свѣдѣніямъ, названный эмигрантъ находился въ сношеніяхъ лишь съ народовольцами, про-

жившими въ Парижѣ и Швейцаріи, дѣятельность которыхъ мнѣ въ точности была извѣстна (прим. 149) и, слѣдовательно, въ пріобрѣтеніи Паули не встрѣчалось особенной надобности. Тѣмъ не менѣе мѣсяцъ спустя я поручилъ Губернскому Секретарю Милевскому войти съ нимъ въ сношенія на предметъ выясненія мотивовъ, побудившихъ его предложить мнѣ свои услуги, и той роли, которую онъ могъ бы занять въ нашей организаціи, если бы онъ пожелалъ дѣйствовать честно и прямодушно. Свѣдѣнія, сообщенныя имъ г. Милевскому, отличались нѣкоторою праздностью и потому я согласился вмѣсто 1000 франковъ, которые онъ запросилъ, платить ему ежемѣсячно по 600 франковъ. При такихъ условіяхъ онъ прослужилъ два мѣсяца.

Въ этотъ промежутокъ времени до меня начали доходить слухи, что Паули, распространяя въ латинскомъ кварталѣ свѣдѣнія обо мнѣ, сталъ высказывать недоумѣніе по поводу того, что эмигранты относятся съ преступною индифферентностью къ моей личности, принесшей имъ, за мою долголѣтнюю дѣятельность за границей, столько вреда. Далѣе я узналъ, что онъ началъ розыскивать моихъ секретныхъ агентовъ, останавливая свое вниманіе то на одномъ, то на другомъ эмигрантѣ, при чемъ не переставалъ упрекать русскихъ революціонеровъ въ халатности и отсутствіи дисциплины въ организаціяхъ, настаивая на тщательной провѣркѣ лицъ, съ которыми они находятся въ сношеніяхъ. Поселивши необычайную панику въ революціонной средѣ, онъ началъ убѣждать эмигрантовъ въ необходимости замкнутыхъ организацій, въ которыя не допускался бы ни одинъ посторонній человѣкъ, въ особенности, по его мнѣнію, необходимо было относиться съ крайней осторожностью къ разнымъ личностямъ, появлявшимся изъ Россіи, подъ разными предлогами, въ Парижѣ, Лондонѣ и Швейцаріи. Не довольствуясь этимъ, онъ отправился въ Швейцарію, гдѣ ему также удалось поселить взаимное недовѣріе и

безпокойство среди тамошнихъ революціонеровъ. Все это вмѣстѣ взятое вынудило меня поручить Милевскому прекратить съ нимъ сношенія.

Впослѣдствіи я узналъ, что свѣдѣнія обо мнѣ и моей дѣятельности были сообщены Паули нѣкіимъ Бродскимъ (проживаетъ съ женой въ Парижѣ, улица Кастелянъ, № 6), бывшимъ до нѣкоторой степени въ курсѣ моей дѣятельности, благодаря участію въ немъ Особъ Императорской Свиты за время пребыванія Ихъ Величествъ въ Парижѣ, гдѣ Бродскій познакомился съ Паули на послѣдней Всемірной Выставкѣ.

Подъ воздѣйствіемъ Паули въ Парижѣ образовался замкнутый народовольческій кружокъ, поставившій себѣ задачей выпустить въ свѣтъ новый партійный органъ, подъ заглавіемъ „Вѣстникъ Русскихъ Революціонеровъ“, изданный Русановымъ, Рубановичемъ и Аркадакскимъ, по иниціативѣ Левиди и на средства, полученныя изъ Россіи. Упомянутый журналъ поступилъ уже въ продажу, при чемъ, вслѣдствіе участія Паули въ этомъ органѣ, листокъ съ страницами 95 и 96 былъ вырванъ и впослѣдствіи будетъ доставленъ мною Вашему Превосходительству. (Прим. 150).

Образовавшаяся ранѣе „Аграрная Лига“ расширила сферу своей дѣятельности также благодаря, главнымъ образомъ, настойчивымъ требованіямъ Паули; подъ его же вліяніемъ состоялось и объединеніе народовольческихъ группъ въ Парижѣ и Швейцаріи въ одну общую организацію.

Въ разговорахъ съ соціалъ-демократами Паули настаивалъ на безусловной необходимости объединенной организаціи и солидарномъ образѣ дѣйствій съ народовольцами. Благодаря такой предпріимчивости и рвенію, онъ сразу пріобрѣлъ себѣ репутацію энергичнаго и способнаго революціонера. Не было ни одного эмигранта, который бы не преклонялся передъ талантами Паули,

съумѣвшаго въ короткій приблизительно промежутокъ времени оживить заснувшіе эмигрантскіе кружки.

По возвращеніи его изъ Россіи я узналъ, что онъ предложилъ Шишко, Аркадакскому и Нахамкису, а впослѣдствіи и Лазареву, организовать противъ меня покушеніе, съ каковою цѣлью онъ обратился въ одно изъ частныхъ агентствъ въ Парижѣ съ просьбою выяснить мое мѣстожительство и уяснить мои примѣты, равно какъ и часы, въ которые я бываю въ посольствѣ. Тому же агентству онъ поручилъ набросать съ меня эскизъ, что и было удачно выполнено наемнымъ агентомъ. Покушеніе предполагалось совершить на улицѣ Ст. Симонъ, при чемъ Нахамкисъ и Паули намѣревались выждать меня въ кафе, находящемся на углу ул. де-Гренель и Ст. Симонъ. (Прим. 151).

Желая положить конецъ затѣямъ Паули, я воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ скрывалъ отъ своихъ единомышленниковъ непосредственное сношеніе съ нами, объясняя свѣдѣнія, полученныя обо мнѣ, случайнымъ знакомствомъ съ Бродскимъ, и опубликовалъ первое письмо его ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ, разославши калькированную копію такового всѣмъ эмигрантамъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Швейцаріи. Затѣмъ, чтобы скомпрометировать его окончательно, я обратился къ парижскимъ властямъ съ ходатайствомъ о высылкѣ его изъ Франціи, какъ сотрудника, положеніе котораго въ революціонныхъ кружкахъ я желалъ реабилитировать, въ виду мнимой нескромности двухъ фиктивныхъ агентовъ, разоблачившихъ, будто-бы, его сношенія съ нами. Въ результатѣ этой мѣры появился въ соціалистическихъ органахъ французской печати рядъ статей, авторъ которыхъ выступилъ въ защиту Паули; но вслѣдствіе откровенныхъ показаній, даннымъ послѣднимъ своимъ товарищамъ въ Швейцаріи, дѣло получило вполнѣ желательный намъ оборотъ, какъ Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ послѣдующаго

хода событій, и нападки соціалистическихъ газетъ сразу прекратились.

На эмигрантскомъ собраніи въ Парижѣ 3 іюля Рубановичъ и Гуревичъ заявили, что имъ получено отъ швейцарскихъ товарищей письмо, въ которомъ сообщается, что Паули сдѣлалъ имъ чистосердечное сознаніе въ сношеніяхъ съ русской полиціей. Члены „Слѣдственной комиссіи“ Хононъ Рапопортъ и Кричевскій заявили, что этого факта совершенно достаточно для изгнанія Паули изъ ихъ среды и прекращенія съ нимъ товарищескихъ отношеній. Принимавшіе участіе въ собраніи Иваншинъ и Антовъ предложили немедленно же опубликовать во французскихъ газетахъ, что русскіе революціонеры ошиблись въ Паули и что они ничего общаго съ нимъ не имѣютъ; Нахамкисъ же высказалъ мнѣніе, что полезнѣе было бы не помѣщать этой замѣтки до предварительныхъ переговоровъ съ французскими товарищами Жоресомъ и Вальяномъ, принимавшими участіе въ составленіи сочувственныхъ статей по дѣлу Паули. Къ предложенію Нахамкиса присоединилось большинство эмигрантовъ, которые назначили новую сходку на 6-е іюля.

Показаніе Паули, данное имъ въ Швейцаріи Лазареву, Житловскому и Христофорову, сводится къ слѣдующему:

„Письмо, опубликованное шпіонами, — утверждалъ онъ — не вполнѣ соотвѣтствуетъ подлиннику, такъ какъ изъ послѣдняго извлечено лишь то, что для даннаго момента шпіонамъ было необходимо. Я дѣйствительно,—показывалъ Паули—послалъ Рачковскому весною 1900 г. письмо, начинающееся приблизительно слѣдующими словами: „измученный жизнью за границей, я желалъ бы вернуться въ Россію и за это могъ бы оказать серьезныя услуги“. Письмо это я послалъ съ цѣлью вступить въ сношенія съ Рачковскимъ, дабы впослѣдствіи убить его, какъ весьма опаснаго правительственнаго агента. Сдѣлалъ это я на свой рискъ и страхъ; о своихъ же сношеніяхъ съ русской полиціей я никому

не сообщалъ, а заявилъ только Шишко, Нахамкису и Лазареву, при проѣздѣ послѣдняго черезъ Парижъ въ Англію, что-де я выслѣдилъ до извѣстной степени Рачковскаго и могъ бы его убить; но я хотѣлъ бить наверняка, а такъ какъ Рачковскій очень остороженъ, то я рѣшилъ съѣздить въ Россію и убить Зволянскаго, или Зубатова, но тамъ, въ виду обстановки, дѣло оказалось еще труднѣе и потому я опять остановился на Рачковскомъ. Въ задуманное мною предпріятіе, помимо Шишко, Нахамкиса и Лазарева, былъ посвященъ также и Аркадакскій; вѣроятно, кто-нибудь изъ нихъ проговорился и до Рачковскаго дошелъ слухъ о готовившемся противъ него покушеніи. Желая отъ меня избавиться, онъ опубликовалъ извѣстное вамъ письмо и выслалъ меня изъ Франціи. Вся моя вина въ томъ, что я скрылъ отъ товарищей свои прямыя сношенія со шпіонами и это меня погубило. Я, точно, видѣлся съ его помощникомъ въ ресторанѣ Дюрандъ, бесѣдовалъ съ нимъ, но никого не выдалъ, денегъ не бралъ и въ сношенія съ русской полиціей рѣшился вступить лишь съ революціонной цѣлью".

Назначенное на 6 іюля второе собраніе эмигрантовъ по дѣлу Паули состоялось, какъ и первое, въ русской читальнѣ. Кричевскій и Рапопортъ заявили, что ими полученъ изъ Швейцаріи еще одинъ, подписанный Лазаревымъ, Житловскимъ и Черновымъ, документъ, въ которомъ сообщалось новое показаніе Паули, значительно видоизмѣненное. Вслѣдъ за прочтеніемъ названнаго показанія Кричевскій сказалъ: „О своихъ сношеніяхъ съ агентами русской полиціи Паули никому не говорилъ, а когда были получены разосланныя агентами русской полиціи письма, то Паули ничего не сказалъ, но смѣялся, говоря, что это шпіонскія продѣлки, въ которыхъ нѣтъ ни слова правды. Во время ареста и высылки его Гуревичъ сносился съ нимъ, при посредствѣ его жены, спрашивая, что дѣлать. Паули сказалъ, что все это ложь

и настаивалъ, чтобы товарищи защищали его. Вслѣдствіе этого мы обратились къ Жоресу и Вальяну, которымъ удалось поднять на ноги всю прессу, съ цѣлью протеста противъ мѣропріятій французскаго правительства въ угоду русскому. Паули могъ предупредить, что бы ничего не предпринимали и не компрометировали себя передъ французскими товарищами, но онъ не сознавался и протестовалъ. Лишь по пріѣздѣ въ Швейцарію и только подъ вліяніемъ товарищей онъ, наконецъ, сознался въ прямыхъ сношеніяхъ со шпіонами. Теперь онъ даетъ новое показаніе, отличающееся отъ перваго; на эти противорѣчія я и прошу васъ обратить вниманіе".

Большинство собранія предложило опубликовать Паули какъ шпіона, но Гольдбергъ (Кобылянскій), Рубановичъ, мужъ и жена Юделевскіе, Коганъ-Симановскій и Назарбекъ протестовали, заявивши, что при такомъ оборотѣ дѣла они окажутся судьями Паули, на что собраніе не уполномочено. Юделевскій же произнесъ защитительную рѣчь Паули, доказывая, что онъ поступалъ честно и что революціонеры могутъ иногда принимать на свою отвѣтственность подобныя дѣйствія въ защиту партіи отъ вредныхъ людей. Въ концѣ рѣчи Юделевскій упалъ въ обморокъ; Шишко же не явился на собраніе, заболѣвши отъ волненія. Въ заключеніе собраніе рѣшило, что вступать въ сношенія съ тайной полиціей революціонеръ отнюдь не можетъ безъ предварительнаго на то рѣшенія партіи. (Прим. 152).

Упомянутое выше второе показаніе Паули, о которомъ шла рѣчь на собраніи 6-го іюля, сводится къ слѣдующему:

„Задавшись мыслью — утверждалъ онъ — убить г. Зволянскаго, Зубатова или Рачковскаго, того, кого скорѣе позволитъ обстановка, я завязалъ на свой рискъ и на свою отвѣтственность сношенія съ Рачковскимъ и написалъ ему именно то письмо, которое онъ опубликовалъ. Я долго не получалъ отвѣта, но замѣчалъ за собою не-

отступное слѣженіе. Наконецъ, получилъ письмо, которымъ мнѣ назначалось свиданіе. Я явился въ условленное мѣсто въ условный часъ, но никто не пришелъ. Я вернулся домой въ убѣжденіи, что агенты не увѣрены въ моей искренности и подозрѣваютъ меня въ игрѣ. Спустя нѣкоторое время, я получилъ новое письмо, въ которомъ мнѣ назначалось свиданіе въ ресторанѣ Дюрандъ. Къ моему крайнему удивленію на свиданіе явился не Рачковскій, а какой-то господинъ, впослѣдствіи оказавшійся его помощникомъ. На мой вопросъ, почему не пришелъ Рачковскій, тотъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ въ отъѣздѣ. За завтракомъ мы говорили о дѣлѣ; помощникъ Рачковскаго требовалъ немедленныхъ выдачъ и главнымъ образомъ народовольцевъ; я тогда ему объяснилъ, что серьезныя дѣла за границей только у соціалъ-демократовъ, а у народовольцевъ пока еще ничего нѣтъ. Видя, что Рачковскій мнѣ не довѣряетъ, я послалъ въ Департаментъ Полиціи то самое письмо, въ которомъ писалъ, что, измучившись жизнью за границей, я хотѣлъ бы вернуться въ Россію, за что могъ бы оказать серьезныя услуги и т. д. Въ этомъ случаѣ я полагалъ, что меня вызовутъ въ Россію и тогда я убилъ бы г. Зволянскаго, или же, что Рачковскому прикажутъ вступить въ непосредственныя сношенія со мною и тогда я убилъ бы его. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ я руководствовался революціонными соображеніями и если никому ничего не сказалъ о непосредственныхъ сношеніяхъ съ полиціей, то только потому, что въ такомъ серьезномъ дѣлѣ не хотѣлъ никому довѣриться.“

Препровождая это показаніе, Лазаревъ, Житловскій и Черновъ выразили убѣжденіе, что Паули внѣ всякихъ подозрѣній, ибо онъ дѣйствовалъ какъ революціонеръ; по мнѣнію означенныхъ эмигрантовъ онъ совершилъ одну лишь роковую ошибку, а именно, что никого не поставилъ въ извѣстность о своихъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ агентами русской полиціи.

Въ виду такого заключенія своихъ швейцарскихъ единомышленниковъ, собраніе постановило не предрѣшать вопроса о Паули до суда надъ нимъ, дабы не впасть въ непоправимую ошибку. Всѣ ждутъ полнаго осужденія Паули, т. е. исключенія его изъ революціонныхъ организацій, къ которымъ онъ примыкалъ и удаленія изъ русской революціонной среды. Въ ожиданіи суда надъ нимъ, Паули вновь видоизмѣнилъ свои показанія и это окончательно убѣдило эмигрантовъ въ корыстности мотивовъ, побудившихъ его войти въ сношенія съ русской полиціей.

Что же касается вопроса объ опубликованіи дѣла Паули, то мнѣнія расходятся: одни думаютъ, что преданіе гласности этого дѣла послужитъ только къ тому, что мнѣ, какъ они выражаются, „повѣсятъ Владиміра“; другіе же утверждаютъ, что опубликованіе этого представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что замалчиваніемъ они дадутъ мнѣ возможность предать гласности компрометирующія ихъ передъ французскими соціалистами обстоятельства дѣла.“ (Прим. 153).

IX.

Донесеніе Гартинга отъ 8-го іюля 1903 г. № 201. (Прим. 154).

„Въ дополненіе къ моему донесенію отъ 13/26 іюня, за № 178, о Донскомъ комитетѣ, обязываюсь доложить Вашему Превосходительству нижеслѣдующія свѣдѣнія, полученныя агентурнымъ путемъ.

Почти вся прежняя редакція „Донской Рѣчи“ состояла изъ членовъ Донского Комитета. Во-первыхъ — Балабановъ, бывшій неоффиціальный редакторъ этой газеты, нынѣ выѣхавшій, кажется, въ Екатеринославъ, гдѣ онъ, несомнѣнно, будетъ продолжать свою преступ-

ную дѣятельность. Я докладывалъ уже о немъ осенью минувшаго 1902-го года. Помимо него въ Комитетѣ состояли: Александръ Локерманъ, пользующійся кличкою „Адама Юрьевича“, въ настоящее время живетъ, подъ именемъ Базиленкова, въ Женевѣ, 4, Chemin des Epinettes; Ширманъ (братъ Софіи Ширманъ) — находится проѣздомъ въ Берлинѣ,—оба бывшіе сотрудники „Донской Рѣчи“; Драбкинъ (извѣстный подъ кличкой „Павла“); Зека (именуется „Николаемъ Соколовымъ“, имѣется предположеніе, что Зека — это первыя буквы его настоящей фамиліи); „Афанасій Ивановичъ“ — „Амвросій“, (трое послѣднихъ живутъ въ Женевѣ); Ставскій, живетъ подъ именемъ „Михайлова“ въ Бернѣ. Изъ прежняго состава Донского Комитета въ Ростовѣ находится на свободѣ Станчинскій, временно, кажется, вышедшій изъ Донскаго Комитета, считая теперь опаснымъ для послѣдняго оставаться въ рядахъ его членовъ, такъ какъ онъ уже отчасти скомпрометированъ, и принимающій только участіе въ кружкѣ пропагандистовъ Южной Группы.

Изъ старыхъ членовъ Комитета въ Ростовѣ остался еще одинъ рабочій-косой, кажется, со стекляннымъ глазомъ, о которомъ сотрудникъ мой Ростовцевъ сообщалъ осенью минувшаго года въ цѣломъ ряду писемъ на имя Чиновника Особыхъ Порученій Л. А. Ратаева. Вообще онъ сообщалъ тогда довольно много свѣдѣній о Ростовской революціонной молодежи, которыми, кажется, не воспользовались. (Прим. 155).

Въ настоящее время весь составъ Донского Комитета возобновленъ, помимо вышеупомянутаго рабочаго-косого, и состоитъ изъ лицъ, пріѣхавшихъ въ Ростовъ изъ другихъ мѣстъ. По словамъ Ширмана (прим. 156), члены теперешняго Комитета народъ болѣе зрѣлый, болѣе опытный, съ серьезной литературной подготовкой, такъ что Комитетъ имѣетъ въ виду приступить къ изданію нелегальной газеты въ Ростовѣ.

Существующая въ Ростовѣ большая тайная типографія находится, повидимому, въ одной и той-же квартирѣ, какъ я докладывалъ уже, а не переносится съ мѣста на мѣсто. Бѣжавшимъ за границу ростовцамъ извѣстно, что Александръ Локерманъ розыскивается теперь для привлеченія къ отвѣтственности по дѣлу Ростовскихъ демонстрацій. Имъ, будто-бы, такъ-же извѣстны нѣкоторыя розыскныя мѣры, предпринимаемыя Начальникомъ Донского Охраннаго Отдѣленія. (Прим. 157).

Въ настоящее время тактика Ростовскихъ революціонеровъ перемѣнена. Вмѣсто кружковыхъ собраній они устраиваютъ теперь ночныя загородныя „агитаціонныя“ собранія въ 150—200 человѣкъ, для распропагандированія рабочей массы.

Относительно Организаціоннаго Комитета имѣются свѣдѣнія, что его центръ, резиденція и всѣ его связи находятся въ Кіевѣ и все идотъ черезъ сказанный городъ.

Въ Берлинѣ былъ на-дняхъ „Неизвѣстный“, бѣжавшій изъ Полтавы до приговора, очень серьезный „искровецъ“, еврейскаго происхожденія, блондинъ, бороду брѣетъ, носитъ золотые очки, женатый. Узнавши, что онъ приговоренъ только къ двухлѣтнему надзору, поѣхалъ обратно въ Россію, имѣя въ виду явиться къ властямъ на границѣ и заявить о своемъ желаніи подчиниться приговору. Въ Берлинѣ онъ былъ очень интименъ съ Руновымъ — „Степаномъ Ивановичемъ“ (настоящее имя и отчество проживающаго въ Берлинѣ члена Организаціоннаго Комитета), уроженцемъ города Воронежа. (Прим. 158).

Относительно переправы нелегальной литературы контрабандными путемъ имѣются свѣдѣнія, что контрабандистъ Мюллеръ, или Миллеръ, проживающій въ одной изъ деревень близъ Вержболово, о которомъ я уже докладывалъ, является весьма активнымъ пособникомъ Берлинскихъ „искровцевъ“ въ дѣлѣ перевозки политической контрабанды въ Россію. Извѣстно, что недѣли

три тому назадъ ему отправили нѣсколько чемодановъ нелегальщины для доставки въ Россію. Очевидно, что послѣ переправы черезъ границу, онъ, или его сообщники, пересылаютъ ихъ далѣе, почтой, или по желѣзной дорогѣ. На прошлой недѣлѣ, т. е. съ 20 по 30 іюня должно быть переправлено тѣмъ-же Мюллеромъ 50 пудовъ нелегальщины и „искровцы“ увѣряютъ, что съумѣютъ переправлять тѣмъ-же путемъ каждыя двѣ недѣли по 40 пудовъ названной литературы.

Въ Берлинъ пріѣхалъ, бѣжавшій изъ Россіи, важный нелегальный, занимавшійся революціонной дѣятельностью въ разныхъ городахъ Россіи, повидимому — интеллигентъ, изъ крестьянъ, служившій на фабрикахъ, южанинъ, или изъ Воронежа, такъ какъ хорошо знаетъ „Степана Ивановича“ (Рунова) еще изъ Россіи. Его примѣты слѣдующія: выше средняго роста, брюнетъ, 28-30 лѣтъ, лицо чистое, блѣдное, носитъ небольшую, круглую бородку, русскаго происхожденія. Онъ разсказывалъ, что сидѣлъ 3 раза въ тюрьмѣ и былъ освобожденъ 10 мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ перешелъ границу черезъ Волковышки, въ обществѣ другого нелегальнаго и еще одного лица, имѣвшаго при себѣ важные для революціонеровъ документы. Послѣдній былъ, будто-бы, задержанъ мѣстной полиціей, доставленъ въ участокъ, гдѣ его узнали какъ мѣстнаго жителя и отпустили, не обыскивая его, чѣмъ спасли ихъ бумаги. Судя по словамъ этого нелегальнаго, южной границей (австрійской) завѣдываетъ „ Борисъ Николаевичъ “ — очевидно Блюменфельдъ. Послѣдній только номинально считается проживающимъ въ Женевѣ и въ дѣйствительности разъѣзжаетъ вдоль австрійской границы. (Прим. 159).

Революціонная молодежь разсказываетъ, что бѣжать изъ Россіи вовсе не трудно и указываетъ на Крохмаля, который послѣ побѣга изъ Кіевской тюрьмы оставался два дня въ Кіевѣ, въ теченіи которыхъ гулялъ по Крещатику, перемѣнивъ прическу, т. е. съ расчесанной

бородой и въ чиновничьей фуражкѣ, а Нина Леманъ послѣ побѣга изъ той-же тюрьмы, такъ же расхаживала по Крещатику, но съ перекрашенными волосами и въ элегантномъ платьѣ.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, Василій Ивановъ Червинскій (Петръ Гермогеновъ Смидовичъ) находится нелегально въ Россіи, приблизительно недѣли три.

Завѣдывающій Берлинской Агентурой А. Гартингъ".

X.

Записка для памяти, составленная Ратаевымъ 28 іюля 1903 года.

„Въ докладѣ за № 93 было донесено, что 5-го сего августа нов. ст. въ Женевѣ, въ квартирѣ эмигранта Виктора Чернова начался съѣздъ членовъ группы „соціалистовъ-революціонеровъ". По нѣкоторымъ указаніямъ означенный съѣздъ долженъ былъ происходить въ квартирѣ эмигрантовъ Добровольскихъ (Женева, бульваръ Понтъ д-Арвъ, № 22), но, какъ выше упомянуто, наружнымъ наблюденіемъ выяснено, что собранія происходятъ ежедневно въ квартирѣ вышеупомянутаго Чернова (16, улица Карубье). На съѣздѣ присутствуютъ: Эли Рубановичъ и Яковъ Юделевскій, пріѣзжіе изъ Парижа; Миноръ; Гоцъ, прибывшій съ озера Туна на автомобилѣ; Пасманикъ; нѣкій Ефимовъ; Билитъ; Михаилъ Гендельманъ (прибывшій изъ Берлина); Зеленскій (Надеждинъ); Петръ Ключинскій; Рубинъ Альперштейнъ; Екатерина Брешковская и пока еще не выясненые: 1) мужчина и женщина, близкіе пріятели Рубановича, остановившіеся недалеко отъ желѣзнодорожной станціи въ „Отель-де-Бургонь", 2) двое мужчинъ, по внѣшнему виду принадлежащіе къ рабочему классу, и, наконецъ, 3) какой-то мужчина, очень хорошо одѣтый, черная бородка, постриженная клиномъ, который находится почти неразлучно съ Черновымъ и Рубановичемъ. (Прим. 160).

Домъ Чернова окруженъ со всѣхъ сторонъ садомъ и комната, въ которой происходитъ съѣздъ, помѣщается въ нижнемъ этажѣ; засѣдаютъ при открытыхъ окнахъ, слышны произнесеніе рѣчей, аплодисменты и звонки предсѣдателя. Вокругъ дома производится на далекомъ разстояніи охрана черезъ велосипедистовъ. Охранные посты провѣряются часто Викторомъ Черновымъ и Владиміромъ Азевымъ (Филипповичемъ). Въ общемъ, число членовъ съѣзда доходитъ до 18 человѣкъ.

Немедленно по прибытіи въ Парижъ я получу объ этомъ съѣздѣ освѣщеніе со стороны внутренней агентуры". (Прим. 161).

XI.

Донесеніе Ратаева отъ 18/31 августа 1903 г., № 96.

Въ дополненіе къ сообщеніямъ за №№ 94 и 95, обязываюсь доложить, что Краковъ съ Малкиной находятся въ настоящее премя въ Спицѣ (Spiéz), на озерѣ Тунъ, куда 27 сего августа прибылъ также и Бурцевъ. Сотрудникъ же возвратился въ Женеву, но, по приглашенію Кракова, вернется съ женою, приблизительно къ 10 сентября, погостить нѣсколько дней у Кракова въ Спицѣ. (Прим. 162).

Между прочимъ, Краковъ, очевидно, получаетъ, или будетъ получать въ Спицѣ корреспонденцію на имя Александра Зарубина, такъ какъ передалъ сотруднику прилагаемый при семъ клочекъ съ просьбой сходить на почту и узнать, нѣтъ ли писемъ до востребованія на эту фамилію. Слова „Alexandr Zarubin" написаны собственноручно Краковымъ. (Прим. 163).

Вчера, т. е. 30 августа, берлинскій филеръ долженъ былъ уже быть на мѣстѣ. Какъ я и предвидѣлъ, коллежскій регистраторъ Гартингъ, не смотря на категори-

ческое распоряженіе Департамента, не преминулъ вступить въ полемическую переписку и 29 августа прислалъ мнѣ слѣдующую телеграмму: „Tous mes hommes occupés, enverrai un demain pour huit jours seulement avec ordre revenir, après, Berlin. J'adresse raisons justificative Département". По счастью, эта телеграмма застала еще въ Парижѣ Господина Директора, который, ознакомившись съ содержаніемъ моихъ докладовъ за № 94 и 95, послалъ по телеграфу господину Гартингу категорическое предписаніе командировать за Краковымъ серьезнаго человѣка, который долженъ оставаться при немъ до конца, на случай попытки его тайно проникнуть въ Россію черезъ Германскую границу. (Прим. 164).

Сіонистскій съѣздъ въ Базелѣ закончился инцидентомъ по поводу напечатаннаго въ Вѣнскомъ Сіонистскомъ журналѣ „Die Welt" письма Господина Министра къ доктору Герцлю, отъ 30 минувшаго іюля (12 августа). Одинъ изъ русскихъ делегатовъ, нѣкто Сойкинъ, взошелъ на трибуну и сказалъ, что помѣщеніе въ сіонистскомъ органѣ письма врага еврейскаго народа позоритъ всю партію и даже самую идею сіонизма. Большинство не одобрило выходки Сойкина, вслѣдствіе чего онъ заявилъ, что выходитъ изъ сіонистовъ и примыкаетъ къ Бунду.

Прилагаю при семъ № 140 „Послѣднихъ Извѣстій", съ изложеніемъ результатовъ послѣдняго съѣзда Бунда.

Болѣзнь сотрудника (прим. 165) задержала сообщеніе о результатахъ съѣзда соціалистовъ-революціонеровъ въ Женевѣ и оно будетъ представлено въ концѣ будущей недѣли. Пока-же, по свѣдѣніямъ, идущимъ изъ достовѣрнаго, но соціалъ-демократическаго источника (примѣч. 166) на съѣздѣ побѣдило террористическое направленіе — и терроръ теперь будетъ выдвинутъ на первый планъ. „Логика террора оказалась непреодолимой" (это подлинныя слова).

Кстати, нѣсколько словъ по поводу самоубійства

Петра Поливанова. (Прим. 167). Дня за четыре до смерти онъ явился къ проживавшему въ то время въ Кимперлей (Quimperley, Bretagne) секретному сотруднику, съ рекомендаціей отъ эмигранта Рубановича. Сначала онъ нѣсколько конспирировался и назвался „Владиміромъ Александровичемъ“, но затѣмъ, подъ большой тайною, сообщилъ. что онъ бывшій шлиссельбуржецъ Поливановъ и сталъ распространяться о широкихъ революціонныхъ планахъ. По его мнѣнію, революціонная партія должна, главнымъ образомъ, сосредоточить всѣ усилія на пропагандѣ въ арміи и, преимущественно, среди офицеровъ. По словамъ Поливанова, у него, будтобы, имѣлись связи среди офицеровъ и онъ намѣревался въ непродолжительномъ времени ѣхать нелегально въ Россію, дабы формировать офицерскіе террористическіе кружки. Затѣмъ располагалъ поѣхать въ Сибирь, гдѣ у него остались тоже большія связи. При всемъ томъ, однако, онъ жаловался на тяжкіе приступы болѣзни сердца, которые ему мѣшаютъ жить и работать. По словамъ сотрудника, въ нѣкоторыхъ фразахъ Поливанова сквозило недовольство современными революціонными дѣятелями, носившее характеръ брюжжанія. Тѣмъ не менѣе самоубійство Поливанова было для сотрудника неожиданно. (Прим. 168).

P. S. Сейчасъ получилъ телеграмму Вашего Превосходительства о молодомъ евреѣ, пытавшемся заручиться согласіемъ телеграфнаго агентства Аафана въ Берлинѣ, для распространенія извѣстій въ революціонномъ духѣ. Я немедленно же оповѣщу объ этомъ всѣхъ секретныхъ сотрудниковъ, но былъ бы признателенъ Вашему Превосходительству, если-бы Вы нашли возможнымъ сообщить мнѣ почтою подробнѣе обстоятельства дѣла, такъ какъ изъ телеграммы я не усматриваю, гдѣ собственно происходило это событіе, откуда явился этотъ человѣкъ, хотя какихъ-либо его примѣтъ и т. п.“

XII.

Доклады Гартинга о съѣздѣ русскихъ соціалъ-демократовъ.

А.

„Въ серединѣ іюля мѣсяца 1903 года, до средины августа, въ Брюсселѣ происходилъ съѣздъ дѣятелей представителей революціоннаго соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи и представителей заграничныхъ соціалъ-демократическихъ группъ. Всего на съѣздѣ было около 44-хъ делегатовъ, съ 57 голосами. Каждый Комитетъ былъ представленъ 2-мя голосами, „Южный Рабочій“ — 4-мя; Бундъ былъ представленъ 5-ю голосами. Изъ лицъ, извѣстныхъ, какіе комитеты они представляли, слѣдующія: Николаевскій комитетъ — Колофатти 1); Донской комитетъ—Александръ Локерманъ 2), (онъ же Василенковъ или Базиленковъ) и Драбкинъ (Лебедевъ); Саратовскій—Мандельштамъ (Лидинъ); „Бундъ“: Гольдманъ (Исаковъ) 3), Владиміръ Медемъ (Давидовичъ), Цемахъ Копельзонъ („Тимофей“); Группа Освобожденія Труда — Дейчъ (Коганъ); Союзъ Русскихъ Соціалъ-демократовъ—Пиккеръ (Мартыновъ) и Владиміръ Махновецъ (Акимовъ); Лига Русскихъ соціалъ-демократовъ — Ульяновъ (Ильинъ, Ленинъ); Внутренняя Организація Искры — Цедербаумъ (Мартовъ, Сергѣевъ); редакція „Искры“ и „Зари“: Плехановъ, Засуличъ (Кирова), Аксельродъ и Потресовъ (Старовѣръ); Сибирскій Союзъ — Троцкій; Администрація Лиги: Валлахъ (Литвиновъ) и Надежда Константиновна Ульянова (Ленина). Кромѣ того присутствовали: Іосифъ Бассовскій (Дементьевъ) и его жена Сура-Рейзель Гальберштадтъ (Костя); Бауманъ (Полетаевъ); „Наталья Ивановна“, (кажется псевдонимъ Любови Николаевой Радченко); Іосифъ Блюменфельдъ; Гурскій (Барабанъ); Лалаянцъ (Инса-

ровъ I-й); Инсаровъ II-й (псевдонимъ); „Игнатъ"—Красиковъ, нынѣ арестованный въ Берлинѣ; Шварцъ (псевдонимъ); Гинзбургъ (Кольцовъ); Галкинъ (былъ въ протокольной комиссіи 4).

Съѣздъ обошелся въ 27,000 рублей.

Въ предсѣдательствующее бюро были избраны, по предложенію Ленина, и вопреки предложенію Мартова избрать 9 лицъ, чтобы ежедневно были три другихъ лица въ бюро, — постоянныя три лица, именно: Плехановъ, Ленинъ и Г-нъ Т. (какъ называли его въ отчетѣ), псевдонимъ его—„Игнатъ", фамилія—Красиковъ. Tagesordnung Съѣзда и уставъ Партіи были выработаны Ленинымъ и утверждены остальной редакціей; вообще нужно сказать, что душой всего былъ Ленинъ.

Прежде чѣмъ говорить о дебатахъ на Съѣздѣ, отмѣчу нѣкоторые факты изъ прежняго положенія. Редакція „Искры" состояла до Съѣзда изъ 6 человѣкъ: Плеханова, Ленина, Мартова, Аксельрода, Потресова и Засуличъ. За все время существованія „Искры" эта коллегія собиралась очень рѣдко, такъ какъ всѣ жили по разнымъ городамъ очень часто, и нѣкоторые, какъ Аксельродъ, въ редактированіи часто не участвовали по болѣзни; кромѣ того очень часто при обсужденіи разныхъ вопросовъ голоса раздѣлялись поровну и многіе вопросы не могли очень долго обсуждаться на страницахъ „Искры". Поэтому Ленинъ всегда былъ недоволенъ составомъ редакціи и имѣлъ въ виду уменьшить ее на Съѣздѣ до трехъ лицъ, но зато поручить остальнымъ постоянное завѣдываніе какимъ нибудь отдѣломъ. У Мартова же были виды на увеличеніе редакціи и онъ предложилъ пригласить Троцкаго, какъ седьмого. Троцкій былъ принятъ, но потомъ было рѣшено объявить ему объ этомъ послѣ съѣзда, а пока, въ виду присутствія въ Женевѣ „Игната", послѣдній временно былъ приглашенъ въ соредакторы „Искры". Кромѣ того, нужно отмѣтить еще тотъ фактъ, что при обсужденіи во-

просовъ въ редакціи Ленинъ и Мартовъ постоянно бывали вмѣстѣ, т. е. ихъ мнѣнія совпадали, мнѣніе же Плеханова очень часто противорѣчило; благодаря этому, создалось такое положеніе, что Ленинъ и Мартовъ противъ Плеханова. Поэтому, когда Ленинъ поставилъ въ уставъ пунктъ, что въ редакцію Центральнаго органа и въ Центральный Комитетъ Съѣздъ долженъ избрать по тройкѣ, то Мартовъ ничего не имѣлъ, надѣясь, что кооптировать въ редакцію можно будетъ всѣхъ, кого угодно, такъ какъ-де тройка въ редакціи, само собою разумѣется, будетъ: Плехановъ, Ленинъ и Мартовъ, а Ленинъ и Мартовъ составятъ большинство (Плехановъ былъ противъ пріема Троцкаго). Еще нужно замѣтить, что Ленинъ болѣе дѣловой человѣкъ, болѣе прямой и рѣзкій, а Мартовъ болѣе слабохарактерный и большое значеніе придаетъ хорошему знакомству, дружбѣ и т. п.

Передъ началомъ Съѣзда происходили собранія организаціи „Искры“; такъ какъ она имѣла рѣшительное вліяніе на весь Съѣздъ, то всѣ рѣшенія раньше обсуждались и принимались въ ней; кромѣ того собранія организаціи „Искры“ происходили также параллельно собраніямъ Съѣзда. Обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ шло гладко и мирно до обсужденія пункта устава партіи о составѣ ея, т. е. партіи. Ленинъ предлагалъ такую формулировку: пунктъ 1. „Членомъ партіи считается всякій, признающій программу, дѣлающій взносъ, регулярно оказывающій ей помощь и работающій въ одной изъ ея организацій“. Мартовъ же предлагалъ замѣнить „работающій въ“... словами „работающій подъ контролемъ одной изъ ея организацій“, мотивируя, что, во-первыхъ, Ленинъ съуживаетъ партію до организаціи; что партія есть болѣе широкое понятіе, чѣмъ организація; и, во-вторыхъ, что есть масса людей, которые не могутъ вступить въ организацію по разнымъ причинамъ, какъ, напримѣръ, профессора, и этимъ пунктомъ они будутъ лишены возможности считаться членами партіи,

хотя работать для насъ они могутъ. Ленинъ возражалъ, что тогда всякій, кто заявитъ, что онъ признаетъ программу и дѣлаетъ взносъ и разъ въ полгода будетъ бросать конспиративное письмо въ почтовый ящикъ, получаетъ право на членство и вмѣстѣ съ тѣмъ право уже на образованіе группъ и т. д., а въ виду его неучастія въ самой организаціи нѣтъ возможности контролировать, дѣйствительно ли онъ соціалъ-демократъ и именно искровецъ; вообще Ленинъ высказался такъ, что вездѣ и всюду должны быть искровцы, и что въ партію не искровцы не должны проникать, поэтому и уставъ долженъ быть въ этомъ духѣ. Мартовъ же высказался такъ, что въ партію должны входить всѣ направленія. По этому пункту соглашенія не произошло; часть — за Мартова, въ томъ числѣ: Аксельродъ, Засуличъ, Потресовъ, а также Троцкій. Рѣшили, чтобы каждый на Съѣздѣ агитировалъ за свое мнѣніе.

Голоса въ организаціи „Искры“ раздѣлились приблизительно такъ:

1) Плехановъ, Ленинъ, Литвиновъ, Бауманъ, Инсаровъ I-й, Инсаровъ II-й, Ленина, „Игнатъ“, Шварцъ.

2) Мартовъ, Аксельродъ, Засуличъ, Потресовъ, Гурскій, Блюменфельдъ, Загорскій, Троцкій, Дейчъ, Кольцовъ.

На собраніяхъ съѣзда тоже все шло гладко и мирно, рѣшенія всѣ принимались искровскія, противъ мнѣній представителей Рабочаго Дѣла и Бунда. Когда же дошло до обсужденія пункта 1 устава партіи, то Мартовъ выступилъ съ рѣзкой рѣчью противъ Ленина. Произошелъ обмѣнъ рѣзкостей, рабочедѣльцы и бундисты заявили, что они выбираютъ меньшее зло и примкнули къ мнѣнію Мартова, почему послѣднее и прошло. Но тутъ уже почувствовалось разногласіе въ самой организаціи „Искры“.

Слѣдующіе пункты шли объ автономіи Бунда, о распущеніи „Союза Русскихъ Соціалъ-Демократовъ“, „Жи-

зни“ и другихъ соціалъ-демократическихъ группъ, объ языкахъ разныхъ національностей, о признаніи „Искры“ центральнымъ органомъ, о компетенціи Центральнаго Комитета, о назначеніи Верховнаго Совѣта, для разрѣшенія споровъ между Центральнымъ Органомъ и Центральнымъ Комитетомъ и состоящаго изъ 5-ти лицъ (2 — изъ Ц. К. и 1 лицо постоянное, назначаемое Съѣздомъ) и т. д. Все Съѣздомъ принималось такъ, какъ предлагалъ уставъ Ленина; Бундъ не согласился на права обыкновенныхъ Комитетовъ партіи и вышелъ совсѣмъ изъ партіи. Рабочедѣльцы ушли со Съѣзда, хотя объявили, что всѣ его постановленія они признаютъ. И вотъ тутъ уже составилось „большинство“ Ленинское: 22 голоса — „твердыхъ искровцевъ“ и „меньшинство“, Мартовское, 20 голосовъ „мягкотѣлыхъ“, или „искровцы зигзаговой линіи“. Но въ это самое время шли собранія (по утрамъ) организаціи „Искры“ и тамъ уже расколъ былъ во всю, именно: по вопросу о составѣ редакціи Ц. О. и Ц. К. Послѣдній пунктъ устава былъ „выборы“ въ Ц. О. и въ Ц. К. Началось съ Ц. К.: „меньшинство“ предложило такую тройку: Крохмаль-Загорскій, Троцкій и Наталья Ивановна (Любовь Радченко). Ленинъ не согласился, говоря, что Загорскій нѣсколько скомпрометировалъ себя своей малой конспиративностью; таская постоянно при себѣ листъ со всѣми адресами (у него плохая память) онъ всадилъ весь Кіевскій Комитетъ и Московскій, изъ за него пропало много связей и т. д.; поэтому для Ц. К. онъ не годится. Кромѣ того Загорскій скомпрометировалъ себя тѣмъ, что, будучи въ „Организаціонномъ Комитетѣ“ и уже послѣ того, какъ „Орг. Ком.“ считалъ себя распущеннымъ, онъ вдругъ рѣшилъ дать мандатъ Рязанову (Гольдендаху), но Съѣздъ отвергнулъ. Троцкій же слишкомъ молодъ и необразованъ, что бы занять такой отвѣтственный постъ, и одна лишь Наталья Ивановна подходитъ, но такъ какъ она высказалась по пункту 1 за Мартова, то Ленинъ былъ

и противъ нея. (Троцкій два года назадъ былъ въ Николаевѣ и не участвовалъ въ движеніи, занимался культурничествомъ, постепенно втянулся въ движеніе, но былъ взятъ вскорѣ и сосланъ въ Сибирь, тамъ принималъ участіе въ легальной газетѣ, выдѣлялся какъ блестящій фельетонистъ; вскорѣ бѣжалъ; въ „Искрѣ“ былъ сотрудникомъ). Съ своей стороны Ленинъ предложилъ свою тройку; эта тройка не извѣстна навѣрное, но приблизительно можно опредѣлить. Это: 1-й — Лалаянцъ (Инсаровъ I-й), извѣстно навѣрное; 2-й — „Борисъ Николаевичъ“-Сѣверскій—весьма вѣроятно; о третьемъ точныхъ указаній нѣтъ; быть можетъ — „Игнатъ“, а скорѣе кто-нибудь другой. (Инсаровъ 1-й—навѣрное, такъ какъ его называютъ всѣ „генераломъ“, ему возятъ для просмотра „Искру“, при чемъ употребляютъ выраженіе „Ц. К.“ одобрилъ номеръ).

Извѣстно, что изъ предложенной тройки, только одинъ Инсаровъ I-й присутствовалъ на Съѣздѣ, остальные же двое отсутствовали и одинъ изъ остальныхъ двоихъ (а быть можетъ и оба) находились въ Россіи. Съ другой стороны извѣстно, что „Борисъ Николаевичъ“ находился и находится теперь еще въ Россіи, гдѣ онъ очень много и серьезно работаетъ 5).

Мартовъ и меньшинство ни за что не хотѣло сойтись на этой тройкѣ, говоря, что „мы съѣзду должны предложить такихъ лицъ, которыя извѣстны съѣзду всему на основаніи того, какъ и что они говорятъ. Тутъ произошли споры; доходило, какъ всегда у этой публики, желающей постоянно играть генераловъ, чуть ли не до драки. Мартовъ защищалъ Загорскаго; Загорскій хотѣлъ дать объясненія организаціи, почему провалъ съ нимъ произошелъ, но требовалъ почему-то удаленія съ собранія „Игната“ на время этихъ разъясненій; „Игнатъ“ вышелъ, но Ленинъ обозлился и тоже вышелъ; Загорскій объяснился, но еще больше запуталъ и „большинство“ не удовлетворилось. Сойтись не могли; Ленинъ

предложилъ тогда 5 лицъ въ Ц. К. (2 изъ „большинства“, 2 изъ „меньшинства“ и 1 по соглашенію), затѣмъ предлагалъ 7 лицъ, но онъ все время гнулъ, чтобы большинство въ Ц. К. было изъ „твердыхъ“, а Мартовцы не соглашались, и тогда было рѣшено, что каждый на Съѣздѣ будетъ за свою тройку агитировать. Тутъ нужно отмѣтить, что Мартовъ самъ особенно не выступалъ за тотъ или иной составъ Ц. К., тутъ главнымъ образомъ работали его „друзья“, такъ называемые „практики-дѣятели“, его же они выдвинули, какъ „лидера“, нарочно, что бы дѣйствовать на сердца слабыхъ. Больше всѣхъ шумѣли тамъ Загорскій и Троцкій, оба крайне самолюбивые и обиженные.

Мартовъ же самъ выступилъ противъ Ленина въ вопросѣ о редакціи. Видя, что у него съ Ленинымъ разногласіе о составѣ партіи и о закрѣпленіи искровскаго направленія во всѣхъ организаціяхъ черезъ посредство разныхъ административныхъ мѣръ, онъ сразу почуялъ, что онъ въ редакціи будетъ не въ большинствѣ, какъ онъ раньше разсчитывалъ, а въ меньшинствѣ, такъ какъ Плехановъ по всѣмъ организаціоннымъ вопросамъ высказывался за Ленина, слѣдовательно ни Старовѣръ, ни Засуличъ, ни Аксельродъ, а тѣмъ болѣе Троцкій, всѣ бывшіе за Мартова, не попадутъ въ редакцію, какъ „мягкотѣлые“ и Ленинъ ни за что не согласится быть въ меньшинствѣ. Тогда Мартовъ перемѣнилъ фронтъ и началъ требовать не выбора редакціи Ц. О., а утвержденія старой редакціи „Искры“. Соглашеніе по этому пункту тоже не состоялось и обѣ части организаціи „Искры“ разстались врагами, рѣшивъ на Съѣздѣ бороться всѣми мѣрами. Дѣйствительно, каждый агитировалъ за свой списокъ Ц. К. и Ц. О, но у Ленина было рѣшительное большинство на 2 голоса и меньшинство даже не голосовало. При этомъ, когда начали выбирать редакцію, Мартовъ обрушился на Ленина съ крайне рѣзкой рѣчью, говоря, что Съѣздъ долженъ признать „Искру“

такой, какой она создалась, всю, значитъ, литературную коллегію, какой она была, такой и оставить, и что Ленинъ, желая уменьшить редакцію, совершаетъ некрасивую операцію надъ ней, стремясь занять въ ней первенствующее мѣсто, и что если бы онъ, Мартовъ, согласился на эту операцію, т. е. вступилъ бы въ урѣзанную редакцію, то это было бы самымъ позорнымъ пятномъ на всей его политической дѣятельности, поэтому онъ отказывается отъ редакціи, если Съѣздъ рѣшитъ избрать только тройку въ редакцію Ц. О.

Но съѣздъ избралъ все-таки тройку (тройка въ Центральный Органъ — Плехановъ, Ленинъ и Мартовъ) и Мартовъ вторично отказался. Въ Ц. К. была избрана тройка Ленина и 5-мъ постояннымъ членомъ Верховнаго Совѣта избранъ Плехановъ.

Послѣ этого „меньшинство“, состоящее изъ недовольныхъ „теоретиковъ“ и недовольныхъ „практиковъ“, рѣшило оказывать „пассивный бойкотъ“ Центральному Комитету и Центральному Органу. Всѣ „теоретики“ отказались писать на „Искру“, а всѣ „практики“ отказались работать на Центральный Комитетъ. Отъ этого бойкота „меньшинство“ готово отказаться, если въ редакцію Ц. О. кооптируются остальные 4 лица и если въ Ц. К. будутъ кооптированы какія нибудь 2 лица изъ 4, именно: Загорскій, Троцкій, Наталья Ивановна и д-ръ Гурвичъ (Данъ). Но Ленинъ и Ц. К. не соглашаются.

Тогда Мартовъ съ К° рѣшили организовать особую литературную группу и именно при „Лигѣ“. Дѣло въ томъ, что „Лига“ признана заграничнымъ Комитетомъ Партіи на правахъ всякаго Комитета, имѣющаго право на издательство, но состоящее подъ контролемъ Ц. К. Поэтому Ленинъ и Ц. К. были противъ этого и рѣшили запретить имъ особую группу. Вотъ какъ 26 октября въ Женевѣ былъ созванъ II-й очередной Съѣздъ „Лиги“ 6).

Предсѣдательствующимъ Бюро были избраны Кольповъ (Гинзбургъ), Данъ (д-ръ Федоръ Гурвичъ) и В. И. Засуличъ, но послѣдняя отказалась въ пользу Ортодокса (Любовь Исаак. Аксельродъ). Референтомъ явился Ленинъ; онъ прочелъ докладъ о Съѣздѣ Партіи, причемъ ожесточенно напалъ на Мартова и К°, обвинялъ ихъ въ оппортунизмѣ, во внесеніи разлада и раскола въ партію и т. д. Мартовъ отвѣчалъ, защищался, нападалъ въ свою очередь; словомъ — произошла ссора; Мартовцы настаивали на порицаніи Ленина, на открытіи особой группы, и такъ какъ въ „Лигѣ“ у Мартовцевъ большинство (22 голоса у Мартовцевъ и 18 у Ленинцевъ), то Ленинъ и К° ушли со Съѣзда, а присутствовавшій членъ Ц. К. объявилъ засѣданія „Лиги“ недѣйствительными. Мартовцы заявили, что Ц. К. не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла „Лиги“ и продолжали Съѣздъ. Выбрали администрацію и рѣшили основать литературную группу. Кто избранъ — пока неизвѣстно.

И такъ, во главѣ всей заграничной части партіи находятся:

Плехановъ, Ленинъ, Литвиновъ и, пока, Инсаровъ 1-й, Майеръ.

Плехановъ — передовицы въ „Искрѣ“ и главное редакторство и постоянный 5-й членъ Верховнаго Совѣта.

Ленинъ — принципіальныя статьи, полемика, главное редакторство, контроль надъ всей административной частью и русскимъ Ц. К.

Литвиновъ — экспедиція, контроль надъ типографіей, веденіе всѣхъ сношеній.

Лалаянцъ-Инсаровъ 1-й — членъ Ц. К.

Майеръ — частичное завѣдываніе сношеніями и транспортъ.

Фрейтагъ — транспортъ.

Лебедевъ (Драбкинъ) — сотрудникъ (статьи изъ заграничной хроники, корреспонденція) и корректоръ.

Шварцъ — сотрудникъ (статьи изъ общественной русской и заграничной жизни, отчеты о стачкахъ и съѣздахъ за границей) и главный корректоръ.

Подъ псевдонимомъ Шварца скрывается литераторъ, жившій долго въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Сидѣлъ въ тюрьмѣ, кажется въ Москвѣ, знаетъ нѣсколько языковъ. Шварцъ женатъ. Онъ другъ Николая Баумана. Его примѣты: немного выше средняго роста, темный блондинъ, длинные сверху головы волосы, зачесаны назадъ, носитъ длинноватую бороду, глаза голубые, носитъ туловище впередъ, ноги рахитическія, ходитъ съ переваломъ, носитъ пенснэ, живетъ въ Женевѣ, Av. du Mail, 15, pension Morhard, комната № 1.

Бончъ-Бруевичъ — сотрудникъ (статьи о духовенствѣ, церкви и сектантствѣ), завѣдываніе брошюровочной

Любовь Исаакова Аксельродъ — сотрудникъ и соредактированіе (ею написана статья о Толстомъ въ № 50 „Искры“).

Полетаевъ (Бауманъ) — завѣдуетъ заграничными сношеніями, участвуетъ во всѣхъ протокольныхъ комиссіяхъ (уѣзжаетъ скоро въ Россію).

а) Левенсонъ и еще одинъ б) рабочій-еврей, крайне маленькаго роста, почти брюнетъ, съ круглой бородкой, завѣдуютъ типографіей.

в) Каценельсонъ (Михаилъ Давидовъ) работаетъ въ типографіи съ 9-ю рабочими и въ томъ числѣ Каменскій 7) и одна работница, бундистка, помимо а) и б). Слѣдовательно въ типографіи работаетъ всего 11 человѣкъ.

Александръ Машецкій и жена его сдѣлались искровцами, работаютъ въ брошюровочной съ тремя другими рабочими.

Прежній завѣдующій типографіей Блюменфельдъ ушелъ оттуда послѣ раскола, уѣзжаетъ вскорѣ в Россію.

Прежній корректоръ — Дымкевичъ — Инна Леманъ ушла послѣ раскола.

Въ редакціи Ц. О. и въ Ц. К. существуетъ проектъ о реорганизаціи каждой заграничной группы при „Лигѣ“ въ группу, непосредственно работающую на Ц. К., и теперь уже, послѣ раскола въ самой „Лигѣ“, къ каждой группѣ прикомандированъ вмѣсто прежняго представителя „Лиги“ агентъ Центральнаго Комитета. Такимъ образомъ въ Берлинѣ назначенъ Мандельштамъ-Лидинъ.

Группа прежнихъ рабочедѣльцевъ, съ Мартыновымъ и Акимовымъ во главѣ, сначала желавшая войти въ „Лигу“, такъ какъ за границей существуетъ только одна она, теперь разсчитываютъ открыть особую литературную группу при Воронежскомъ Комитетѣ, который до сихъ поръ остался рабочедѣленскаго направленія и который, какъ и всякій Комитетъ, имѣетъ право на издательство. Осуществленію этого проекта можетъ помѣшать арестъ въ Воронежѣ сестры Махновца (членъ Воронежскаго Комитета).

Бѣжавшій изъ Сибири д-ръ Гурвичъ на дняхъ долженъ пріѣхать изъ Женевы въ Берлинъ.

Бѣжавшій Михаидъ Коганъ, вмѣстѣ съ своею невѣстой Сурой-Софьей Ширманъ (членъ Донского Комитета), живутъ въ Мюнхенѣ; тамъ же живетъ Рязановъ-Гольдендахъ.

Нахамкисъ-Невзоровъ живетъ въ Clarens'ѣ.

Миндлинъ (по Таганрогскому процессу о Ростовской демонстраціи) живетъ въ Женевѣ — Rue Hugo de Senger, 5, -- подъ именемъ Павлова.

Въ Россіи (возможно въ Саратовѣ) имѣется большая тайная типографія „Центральнаго, (бывшая Организаціоннаго) Комитета“. Въ ней работаютъ человѣкъ 15.

Примѣчанія.

1) Колофатти, служилъ въ Николаевѣ на какомъ то заводѣ. Былъ въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ въ Берлинѣ. Присталъ къ „Меньшинству“.

2) Александръ Локерманъ. Находится теперь въ Одессѣ, гдѣ служитъ въ какой то конторѣ и получаетъ 75 рублей въ мѣсяцъ жалованья (свѣдѣніе абсолютно секретное, такъ какъ объ этомъ знаетъ только „Центральный Комитетъ“ и мой сотрудникъ). (Прим. 169).

3) Гольдманъ (псевдонимъ Исаковъ), братъ искровца Гольдмана-Римана, арестованнаго въ Кишиневской тайной типографіи.

4) Галкинъ. Былъ въ Сибири вмѣстѣ съ Лидинымъ-Мандельштамомъ.

5) Примѣты „Бориса Николаевича — Сѣверскаго“: средняго роста; крѣпкаго тѣлосложенія; довольно полное, матовое, благородное лицо; голова въ плечахъ; блондинъ, длинныя брови, голубые глаза, типъ чисто русскій, бородка блондина, внизу раздвоеная, волосы гладкіе, лѣтъ 30-32. „Сѣверскій“ кажется близкій родственникъ Ленина-Ульянова.

6) Члены „Лиги“, по ихъ принадлежности къ Ленину и Мартову (не всѣ), всего 44 члена.

Ленинцы: Плехановъ; Ленинъ; Литвиновъ; Люб. Ис. Аксельродъ и Ида Ис. Аксельродъ; Инсаровъ 1-й; Инсаровъ II-й; Полетаевъ; Майеръ-Коняга (Гальперинъ); Петровъ (Бобровскій); Фрейтагъ (Таршисъ); Литъ-Эйзенъ (представитель Парижской группы); Короневскій; Тара — псевдонимъ, изъ Лондона, бывшій редакторъ „Рабочей Мысли“ (въ Петербургѣ); быть можетъ — Иваншинъ съ женой; Ленина (Над. Конст.); еще 11 членовъ (неустановленныхъ) и 2 въ Россіи, чьи голоса не считаются.

Мартовцы: Мартовъ; Засуличъ; Аксельродъ Павелъ; „Старовѣръ“; д-ръ Гурвичъ; Хинчукъ (недавно бѣжавшій изъ Сибири, былъ тамъ вмѣстѣ съ Лидинымъ); Гуревичъ Абрамъ (зять П. Аксельрода), жилъ раньше въ Дармштадтѣ, теперь въ Цюрихѣ; Кольцовъ; Загорскій; Дементьевъ; Блюменфельдъ; Гурскій; Вечесловъ; Шерговъ — состоитъ, повидимому, давно членомъ „Лиги“;

Дымкевичъ; Дейчъ. Только примыкающіе: профессоръ Рейхесбергъ изъ Берна; Полинковскій изъ Лозанны; Галкинъ; еще пять неизвѣстныхъ членовъ и Петръ Гермогеновъ Смидовичъ — Василій Ивановичъ Червинскій („Матреновъ"), находится теперь въ Сибири (въ Томскѣ или Иркутскѣ) и работаетъ въ „Сибирскомъ Союзѣ". Примѣты его: выше средняго роста, широкоплечій, имѣетъ темно-красную среднюю бороду клиномъ, носитъ очки со свѣтлыми стеклами, темные волосы, широкое красноватое лицо, зимою одѣтъ въ темно-синее пальто съ бархатнымъ воротникомъ и черный котелокъ; одѣтъ сносно; ходитъ скоро и дѣлаетъ большіе шаги; держится прямо.

7) Каменскій былъ въ Сибири, работалъ въ Кіевѣ и былъ пріятелемъ умершаго недавно въ Женевѣ Гусева".

Б.

„На съѣздѣ русскихъ соціалъ-демократовъ, происходившемъ лѣтомъ 1903 года въ гор. Брюсселѣ, было всего 42 делегата съ 51 мандатомъ и 12 человѣкъ съ совѣщательнымъ голосомъ, въ качествѣ гостей.

Первыя двѣ недѣли засѣданія съѣзда происходили въ Брюсселѣ, въ „Народномъ Домѣ", но такъ какъ мѣстная полиція удивилась значительному наплыву иностранцевъ, при чемъ заподозрила 10 человѣкъ въ анархическихъ происках и послѣдніе опасались высылки, то засѣданія съѣзда были прерваны и перенесены въ Лондонъ.

Въ скоромъ времени будутъ отпечатаны отдѣльной брошюрой протоколы Съѣзда, при чемъ, какъ мѣсто Съѣзда, такъ и имена участниковъ будутъ измѣнены.

Въ Бюро Съѣзда входили: Плехановъ, Ленинъ, Павловичъ, („Игнатъ", Красиковъ, членъ Организаціоннаго Комитета и представитель Кіевскаго Комитета), секретарь Фоминъ (Бауманъ-Полетаевъ).

Комиссія по опредѣленію состава Съѣзда: Дейчъ, Кольцовъ-Гинзбургъ, Ленинъ, Саблина (полагаю — псевдонимъ), Юдинъ (бундистъ Цемахъ Копельзонъ, онъ же „Тимофей“).

Программная комиссія: Аксельродъ, Егоровъ (женщина, извѣстная подъ именемъ „Наталіи Ивановны“, членъ Организаціоннаго Комитета и представительница „Южнаго Рабочаго“, — вѣроятно Любовь Радченко), Ленинъ, Мартыновъ, Плехановъ, Старовѣръ (Потресовъ) и Юдинъ (Копельзонъ).

Организаціонная комиссія: Ленинъ, Мартовъ, Егоровъ — „Наталія Ивановна“, Глѣбовъ, Поповъ (членъ Организаціоннаго Комитета и второй делегатъ Кіевскаго Комитета, — теперь въ Россіи, вожакъ „меньшинства“, быть можетъ тотъ, которому присвоена кличка „Дѣдъ“ или „Дѣдушка“; Глѣбовъ и Поповъ, кажется — псевдонимы).

Комиссія по пересмотру делегатскихъ докладовъ: Фоминъ-Бауманъ, Засуличъ и Поповъ.

Комиссія для обсужденія проекта договора съ Соціалъ-Демократической Партіей Польши и Литвы (изъ польской партіи были приглашены два делегата съ совѣщательнымъ голосомъ): Фоминъ, Мартовъ, Егоровъ, Плехановъ и Русовъ (делегатъ съ Кавказа, выдающійся ораторъ).

Порядокъ дня съѣзда.

1) Конституированіе Съѣзда. Выборы Бюро. Регламентъ Съѣзда и порядокъ дня. Докладъ Организаціонной Комиссіи и выборъ комиссіи для опредѣленія состава Съѣзда. 2) Мѣсто Бунда въ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи. 3) Программа Партіи. 4) Центральная Организація партіи. 5) Делегатскіе доклады. 6) Организація партіи. 7) Районы и національныя Организаціи. 8) Отдѣльная группа партіи. 9) Національные вопросы. 10) Экономическая борьба и про-

фессіональныя движенія. 11) Празднованіе 1-го Мая. 12) Международный соціалистическій конгрессъ въ Амстердамѣ въ 1904 году. 13) Демонстраціи и возстанія. 14) Терроръ. 15) Внутренніе вопросы партійной работы: постановка: а) пропаганды, б) агитаціи, в) партійной литературы, г) работы въ крестьянствѣ, д) работы въ войскѣ, е) работы среди учащихся, ж) работы среди сектантовъ (имѣется въ виду изданіе еженедѣльнаго органа для сектантовъ). 16) Отношеніе Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи къ соціалистамъ-революціонерамъ. 17) Отношеніе къ русскимъ либераламъ. 18) Выборы Центральнаго Комитета и редакціи Центральнаго Органа Партіи. 19) Выборы Совѣта Партіи. 20) Порядокъ оглашенія рѣшеній и протоколовъ Съѣзда, а равно и порядокъ вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей избранныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій.

Фамиліи делегатовъ (измѣненныя):

Русовъ — 2 голоса, Бековъ — 2 голоса, Карскій — гол., (эти три делегата съ Кавказа, изъ нихъ настоящая фамилія одного Рубенъ), Маховъ — 2 гол., Гусевъ (Лебедевъ-Драбкинъ, изъ Ростова на Дону), Царевъ, Осиповъ, Костичъ („Костя"-Сура-Рейзель Гальберштадтъ, любовница Іосифа Бассовскаго), Медвѣдевъ, Ивановъ, Павловичъ, Степановъ, Панинъ, Сорокинъ, Бѣловъ, Лядовъ-Лидинъ (Мартинъ Мандельштамъ), Горинъ, Фоминъ-Бауманъ, Муравьевъ, Ланге, Дѣдовъ, Троцкій, Посадовскій, Ленскій, Орловъ, Поповъ, Егоровъ („Наталья Ивановна"), Горскій, Брукеръ (представитель Петербургскаго Комитета), Акимовъ (вѣроятно Владиміръ Махновецъ), Мартыновъ, Плехановъ, Дейчъ, Ленинъ — 2 голоса, Мартовъ — 2 голоса, Герцъ, Браунъ, Штейнъ.

Бундисты: Гофманъ, Гольдблятъ, Юдинъ (Копельзонъ),

Либеръ (Исаковъ-Гольдманъ), Абрамсонъ (Медемъ-Давидовичъ).

Ссора между „Большинствомъ“ и „Меньшинствомъ“ Лиги продолжается. Каждая изъ сказанныхъ группъ разослала во всѣ „группы содѣйствія партіи“ листы кандидатовъ, предлагаемыхъ ими въ „Лигу“. Выборы новыхъ членовъ должны скоро происходить. Листы должны быть обратно отосланы въ „Лигу“ 15 января нов. ст.

Кандидаты въ члены Лиги со стороны „Ленинцевъ“ (36 человѣкъ).

Рубенъ съ женою (грузины), живутъ въ Женевѣ; Рубенъ былъ представителемъ кавказскаго Союза на Съѣздѣ, въ точности неизвѣстно: отъ Бакинскаго, Батумскаго или Тифлисскаго Комитета (скорѣе отъ послѣдняго). Лейбовичъ, сибирякъ, проживаетъ въ Женевѣ, завѣдуетъ экспедиціей „Искры“. Ильинъ, Ильина — оба въ Женевской группѣ. Сиротининъ, въ Женевѣ. Аронъ Долматовскій, изъ Ростова н/Д и Николай Андреевъ, — оба въ Гейдельбергѣ. Троцкій въ Карлсруэ-Гейдельбергѣ. Лидинъ-Мартинъ-Мандельштамъ. Яковъ Житомирскій. Александровъ-Квятковскій-Сонинъ, ѣздившій недавно въ Вѣну и Италію, по конспиративному порученію (эти послѣдніе три находятся въ Берлинѣ).

Кандидаты въ члены Лиги со стороны „Мартовцевъ“.

Кричевскій — въ Парижѣ. Ольхинъ. Ольхина. Мартыновъ — въ Берлинѣ, бывш. членъ Союза Соц.-Демократовъ. Невзоровъ-Нахамкисъ и Доневичъ-Гуревичъ, — оба въ Швейцаріи, бывшіе члены „Борьбы“. Дикштейнъ — въ Лозаннѣ, секретарь Лозанской группы. Фоминъ (другой, не Бауманъ) — работалъ въ Москвѣ, Мюнхенѣ и Парижѣ. Докторъ Викторъ Мандельсбергъ-

Бюловъ, въ Берлинѣ. Майеръ, французскій соціалъ-демократъ, гедистъ, говорящій по русски, по паспорту котораго жилъ Гальперинъ. Колофатти, изъ Николаева. Мееръ. Валахъ-Литвиновъ и Драбкинъ-Лебедевъ, бывшій корректоръ „Искры“, уѣхали изъ Женевы въ Парижъ, съ цѣлью обработать мѣстную колонію, для привлеченія къ „Большинству“ Лиги. Мартовъ-Цедербаумъ также находится въ настоящее время въ Парижѣ.

Циркулировавшій слухъ, будто-бы Съѣздъ происходилъ въ Шпицѣ, на Тунскомъ озерѣ, объясняется тѣмъ, что съѣхавшіеся на съѣздъ разные делегаты, въ интересахъ конспираціи, до начала Съѣзда были разселены группами въ разные города и человѣкъ 10 прожили нѣсколько дней въ Шпицѣ. Затѣмъ, по окончаніи Съѣзда, въ дѣйствительности происходившаго въ Брюсселѣ и Лондонѣ, всѣ делегаты поѣхали на Тунское озеро и нѣкоторые вновь жили въ Шпицѣ (прим. 170).

Завѣдывающій Берлинской Агентурой А. Гартингъ.

4/17 Января 1904 г.“

XIII.

Докладъ Ратаева отъ 9/22 октября 1904 г., за № 282.

„Съ 30 сентября по 8 октября сего года въ г. Парижѣ состоялась, по иниціативѣ нѣсколькихъ членовъ Финляндской оппозиціи, Конференція представителей россійскихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ группъ и организацій для обсужденія способовъ возможнаго согласнаго дѣйствія для достиженія противоправительственныхъ цѣлей, которыя могли бы оказаться общими для всѣхъ этихъ организацій.

Въ докладѣ моемъ объ Амстердамскомъ Международ-

номъ Соціалистическомъ Конгрессѣ подробно изложены обстоятельства, при коихъ возникла мысль о созывѣ подобной Конференціи, но для полноты картины я считаю не лишнимъ вкратцѣ повторить историческій ходъ переговоровъ, предшествовавшихъ съѣзду делегатовъ въ Парижѣ.

Делегаты Польской соціалистической партіи на Амстердамскомъ Конгрессѣ Іодко и Малиновскій предложили делегатамъ партіи Соціалистовъ-революціонеровъ, въ особенности Екатеринѣ Брешко-Брешковской и Виктору Чернову, воспользоваться тяжелымъ положеніемъ правительства, вовлеченнаго въ войну съ Японіей и, объединившись между собою, принять цѣлый рядъ совмѣстныхъ дѣйствій, дабы нанести самодержавію болѣе чувствительный ударъ. При этомъ польскіе делегаты настаивали на необходимости насильственныхъ террористическихъ дѣйствій въ формѣ, напримѣръ, взрывовъ поѣздовъ, переправляющихъ на театръ военныхъ дѣйствій аммуницію, снаряженіе и военные припасы; съ этою цѣлью они предлагали соціалистамъ-революціонерамъ, доказавшимъ существованіе у нихъ прочной организаціи въ Россіи, принять на себя руководство означеннымъ предпріятіемъ, обязуясь съ своей стороны представить въ ихъ распоряженіе силы многочисленныхъ членовъ польской партіи, преимущественно изъ среды инженеровъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ, къ сожалѣнію лишенныхъ соотвѣтствующей связи и организаціи. При этомъ указывалось, что, благодаря содѣйствію этихъ служащихъ, польская соціалистическая партія обладаетъ значительнымъ запасомъ динамита и другихъ взрывчатыхъ веществъ. Въ самый разгаръ переговоровъ прибылъ въ Амстердамъ извѣстный дѣятель Финляндской оппозиціи Кони Цилліакусъ. Будучи посвященъ въ подробности дѣла, Цилліакусъ нашелъ мысль о совмѣстномъ дѣйствіи противъ Правительства нѣсколькихъ группъ весьма удачною и заявилъ, что она уже обсуждалась въ началѣ текущаго

года на многочисленномъ, совершенно частномъ, совѣщаніи въ Копенгагенѣ между съѣхавшимися тамъ нѣсколькими финляндцами и поляками. При этомъ, однако, онъ добавилъ, что частное соглашеніе между двумя группами онъ находитъ недостаточнымъ и что представляется, по его мнѣнію, настоятельно необходимымъ воспользоваться настоящимъ затруднительнымъ положеніемъ правительства извнѣ и внутри, дабы нанести ему смертельный ударъ путемъ совмѣстнаго дѣйствія не двухъ или нѣсколькихъ группъ, а безусловно всѣхъ существующихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ организацій. При этомъ онъ выразилъ увѣренность, что всѣ группы охотно откликнутся на такой призывъ и выражалъ сомнѣніе лишь въ согласіи представителя Россійской Соціалъ-демократической рабочей партіи Георгія Плеханова, какъ въ виду склоннаго къ противорѣчію характера послѣдняго, такъ и въ особенности въ виду происходящихъ среди ея членовъ внутреннихъ раздоровъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній Цилліакусъ употребилъ все свое умѣніе и краснорѣчіе, дабы склонить Плеханова не нарушать общей гармоніи и согласиться принять участіе въ предлагаемой Конференціи, которая должна была, по конспиративнымъ соображеніямъ, собраться въ одномъ изъ модныхъ мѣстъ морскихъ купаній, Біаррицѣ, или Остэндэ, гдѣ за многолюдствомъ публики съѣздъ делегатовъ и засѣданія Конференціи имѣли болѣе шансовъ ускользнуть отъ ока русской полиціи. Убѣжденный доводами Цилліакуса, Плехановъ, послѣ нѣкотораго колебанія, выразилъ согласіе и по окончаніи Амстердамскаго конгресса начались дѣятельныя приготовленія къ созыву Конференціи.

Приглашеніе было послано нижеслѣдующимъ группамъ и организаціямъ:

1) Россійская соціалъ-демократическая Рабочая Партія, 2) Партія Соціалистовъ-революціонеровъ, 3) Польская Соціалистическая Партія, 4) Всеобщій Еврейскій

Союзъ въ Россіи, Польшѣ и Литвѣ, 5) Соціалъ-демократы Польши и Литвы, 6) Польская соціально-революціонная партія „Пролетаріатъ“, 7) Литовская Соціалистическая Партія, 8) Латышская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія, 9) Союзъ Латышскихъ Соціалъ-демократовъ, 10) Финляндская Рабочая Партія, 11) Украинская Соціалистическая Партія, 12) Грузинская Партія Соціалистовъ-Федералистовъ-Революціонеровъ, 13) Армянская Соціалъ-демократическая Рабочая Организація, 14) Бѣлорусская Соціалистическая Громада, 15) Армянская Революціонная Федерація, 16) Группа Русскихъ Конституціоналистовъ, 17) Польская Національная Лига и 18) Финляндская Оппозиціонная Партія.

Изъ перечисленныхъ группъ, выразившихъ сначала принципіальное согласіе участвовать въ конференціи, явились нижепоименованные представители всего лишь 8-ми организацій, а именно:

1) „Финляндская Оппозиціонная Партія“: Кони Цилліакусъ и Арвидъ Неовіусъ. 2) „Группа Русскихъ Конституціоналистовъ“: Петръ Струве; бывшій предсѣдатель Суджанской уѣздной земской управы князь Петръ Дмитріевичъ Долгоруковъ (Анисимовъ); отставной поручикъ Василій Яковлевъ (Глѣбовъ) и бывшій профессоръ Павелъ Милюковъ (Александровъ). 3) „Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ“: Викторъ Черновъ (Гарденинъ) и Евно Азефъ (Диканскій). 4) „Польская Соціалистическая Партія“: Малиновскій (Коневскій), Іодко (Ульрихъ) и баронъ Келлеръ-Краузе (Люсня). 5) „Польская Демократическая Національная Лига“: Романъ Дмовскій и Сигизмундъ Балицкій. 6) „Армянская Революціонная Федерація“ — Редакторъ газеты „Дрошакъ“ Варандіанъ. 7) „Грузинская Партія Соціалистовъ-Федералистовъ-Революціонеровъ“: Георгій Деканозовъ и Габунія. 8) „Латышская Соціалъ-демократическая Рабочая партія“ — Оссольсъ.

Три организаціи, а именно: Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія", „Соціалъ-демократы Польши и Литвы" и „Украинская Революціонная Партія" прислали мотивированные отказы отъ участія въ Конференціи, резолюція которой по этому поводу помѣщается въ приложеніи къ представляемому при семъ протоколу. Извѣстный Вашему Превосходительству отказъ „Бунда" Конференція почему-то не получила. Остальные группы, по причинамъ Конференціи неизвѣстнымъ, не прислали своевременно ни своихъ делегатовъ, ни отказа отъ участія.

Засѣданія Конференціи происходили въ помѣщеніи, занимаемомъ Цилліакусомъ въ „Hotel d'Orleans", 50, rue Jacob. На первомъ же засѣданіи была избрана комиссія для выработки соотвѣтствующихъ резолюцій касательно потребностей современнаго положенія Россіи и для редактированія протоколовъ засѣданій. Въ составъ Комиссіи вошли: Черновъ, Милюковъ, Іодко, Краузе, Цилліакусъ и Дмовскій.

Путемъ наблюденія за Цилліакусомъ были выяснены его постоянныя сношенія съ Коганомъ-Семеновскимъ, проживающимъ въ Аньерѣ, близъ Парижа, Евгеніемъ Вольфомъ (1, rue Léopold Robert) и высокимъ сѣдымъ старикомъ въ золотыхъ очкахъ, весьма представительной наружности, съ которымъ Цилліакусъ почти ежедневно, по окончаніи засѣданій Конференціи, завтракалъ или обѣдалъ съ глаза на глазъ, въ отдѣльномъ кабинетѣ, въ ресторанѣ „Lucas", на площади Мадлэны. Наблюденіе провело этого старика въ „Hôtel la Pérouse", 40, rue la Pérouse, при чемъ оказалось, что это есть извѣстный сенаторъ Михелинъ, являющійся, по отзыву Цилліакуса, главою Финляндской Оппозиціонной Партіи. Въ засѣданіяхъ Конференціи Михелинъ участія не принималъ, но всѣ занятія комиссіи происходили въ его помѣщеніи въ „Hôtel la Pérouse", гдѣ также останавливался и Неовіусъ. (Прим. 171)

Группы, принимавшія участіе въ Конференціи, пришли къ заключеніямъ, изложеннымъ въ нижеслѣдующемъ протоколѣ, скрѣпленномъ въ оригиналѣ подписями всѣхъ участвовавшихъ въ совѣщаніяхъ делегатовъ, при чемъ представитель „Латышской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи“ заявилъ, что принимаетъ всѣ результаты Конференціи ad referendum.

Прежде всего собраніе согласилось положить въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ разсужденій слѣдующіе руководящіе мотивы и принципы:

1) Настоящій моментъ политической жизни Россіи является моментомъ особеннаго обострения политической борьбы. Съ одной стороны быстрый ростъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ, съ другой — фактическая дезорганизація существующей власти и вырожденіе существующаго режима дѣлаетъ вопросъ о его ликвидаціи и насущнымъ и своевременнымъ. Въ виду этого согласованное дѣйствіе различныхъ группъ, борющихся противъ этого режима, является особенно желательнымъ.

2) Настоящая попытка соглашенія оппозиціонныхъ и революціонныхъ группъ является первой и желательно обставить ее такъ, чтобы результатомъ ея было не констатированіе всѣмъ извѣстныхъ принципіальныхъ разногласій, раздѣляющихъ партіи, а выясненіе тѣхъ общихъ пунктовъ, которые могутъ послужить основой для согласованнаго дѣйствія въ данный историческій моментъ.

3) Для достиженія этой цѣли Конференція признала необходимымъ:

а) Ограничить сужденіе настоящихъ совѣщаній установленіемъ того минимума общихъ идей и цѣлей, который уже въ настоящее время входитъ въ составъ программъ совѣщающихся партій и выясненіе котораго оставляетъ неприкосновенными всѣ пункты программы и всѣ тактическіе пріемы каждой отдѣльной партіи.

б) Поставить, однако, задачей при установленіи этого общаго фонда идей и цѣлей не одно только конста-

тированіе общности нѣкоторыхъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ принциповъ, но также, по возможности, — достиженіе конкретнаго соглашенія по нѣкоторымъ очереднымъ вопросамъ политической борьбы.

Исходя изъ принятыхъ такимъ образомъ общихъ положеній, собраніе обсудило возможные пункты соглашенія координированнаго дѣйствія и главнымъ образомъ по слѣдующимъ тремъ рубрикамъ: политическій строй, вопросъ о національностяхъ и вопросъ о средствахъ борьбы.

1) По вопросу о политическомъ переустройствѣ, къ которому одинаково стремятся представленныя группы, оказалось возможнымъ констатировать, что совмѣстною цѣлью борьбы можетъ быть не только отрицательная задача — ниспроверженіе самодержавія, и не только общая форма политической свободы и основныхъ правъ, но что общимъ для различныхъ совѣщающихся партій является также и стремленіе осуществить политическое переустройство въ духѣ демократизма. Какъ осязательное доказательство общаго стремленія партій къ демократическому политическому переустройству, является констатированное конференціей одинаковое для всѣхъ совѣщающихся партій признаніе, что основнымъ принципомъ для народнаго представительства должно быть всеобщее избирательное право.

2) Что касается національнаго вопроса, констатировано было общее желаніе примѣнить демократическую идею и къ установленію общаго взгляда на рѣшеніе этого вопроса. Не входя въ болѣе подробное обсужденіе спорнаго пункта о той роли, которую національному вопросу суждено сыграть въ установленіи будущаго государственнаго права преобразованнаго россійскаго государства, собраніе сочло возможнымъ, однако, констатировать, что всѣ участвующія въ конференціи партіи разрѣшеніи національнаго вопроса сходятся въ признаніи за каждою народностью права на національное са-

моопредѣленіе и на гарантированную законами свободу національнаго развитія. Собраніе единодушно признало, что настоящій режимъ является не организаціей мирной совмѣстной культурной работы различныхъ національностей, а организаціей насилія, одинаково тяготѣющаго надъ всѣми національностями. Борьба противъ русификаторскихъ стремленій, извращающихъ самыя основы общественной жизни окраинъ, и противъ разжиганія національной вражды, должна быть поставлена на ряду съ борьбой противъ агрессивной внѣшней политики, такъ какъ то и другое одинаково имѣетъ цѣлью отвлечь вниманіе общественнаго мнѣнія отъ вопросовъ внутренней политики, чтобы сколько-нибудь протянуть существованіе настоящаго режима.

3) По вопросу о способахъ дѣйствія было констатировано, конечно, прежде всего то разнообразіе ихъ, которое вытекаетъ изъ различнаго характера, состава, задачъ и обстановки дѣятельности различныхъ партій, но въ то же время было констатировано и то, что самое это разнообразіе въ извѣстной мѣрѣ можетъ являться условіемъ общаго успѣха и что, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ полная свобода дѣйствій для всѣхъ партій не только не противорѣчитъ, но, напротивъ, находится въ полной гармоніи съ ихъ памѣреніями координированнаго дѣйствія. Первымъ и весьма важнымъ шагомъ на пути такихъ согласованныхъ дѣйствій конференція признаетъ уже самое опубликованіе настоящаго протокола совѣщаній представленныхъ на ней организацій. Для сообщенія рѣшеніямъ собраній еще большей публичности, конференція выработала также короткую декларацію общихъ совѣщавшимся партіямъ принциповъ; декларація эта прилагается къ настоящему протоколу. Пренія и рѣшенія по вопросу о дальнѣйшихъ согласованныхъ дѣйствіяхъ не подлежатъ опубликованію.

Декларація.

„Принимая во вниманіе:

1) что самодержавный режимъ является роковымъ препятствіемъ для прогресса и благосостоянія какъ русскаго народа, такъ и всѣхъ другихъ національностей, угнетаемыхъ царскимъ правительствомъ, и представляетъ собою, при современномъ состояніи культуры, нелѣпый и вредный анахронизмъ;

2) что борьба противъ этого режима могла бы вестись съ гораздо большей энергіей и успѣхомъ, если бы дѣйствія различныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій, какъ русскихъ, такъ и не русскихъ, были координированы;

3) что настоящій моментъ является особенно благопріятнымъ для согласованныхъ дѣйствій всѣхъ этихъ партій противъ самодержавнаго правительства, дискредитированнаго и обезсиленнаго ужасными послѣдствіями вызванной его авантюристской политикой войны, представители русскихъ конституціоналистовъ, Польской Національной Лиги, Польской Соціалистической Партіи, Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, Армянской Революціонной Федераціи и Финляндской Оппозиціи, собравшись на конференцію оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій, пришли къ единогласному рѣшенію сдѣлать отъ имени всѣхъ этихъ организацій слѣдующее заявленіе:

Ни одна изъ представленныхъ на конференціи партій, соединясь для согласованныхъ дѣйствій, ни на минуту не думаетъ тѣмъ самымъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы, или тактическихъ пріемовъ борьбы, соотвѣтствующихъ потребностямъ, силамъ и положенію тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ или національностей, интересы которыхъ они представляютъ.

Но въ то же время всѣ эти партіи констатируютъ,

что слѣдующіе основные принципы и требованія одинаково признаются всѣми ими:

1) Уничтоженіе самодержавія; отмѣна всѣхъ мѣръ, нарушившихъ конституціонныя права Финляндіи.

2) Замѣна самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ.

3) Право національнаго самоопредѣленія; гарантированныя законами свобода національнаго развитія для всѣхъ народностей; устраненіе насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ отдѣльнымъ націямъ.

Во имя этихъ основныхъ принциповъ и требованій представленныя на конференціи партіи соединятъ свои усилія для ускоренія неизбѣжной гибели абсолютизма, одинаково несовмѣстимаго съ достиженіемъ всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ разнообразныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ каждая изъ этихъ партій."

Обращаясь затѣмъ къ письму представителя Россійской соціалъ-демократической Рабочей Партіи Плеханова, обязываюсь пояснить, что свой отказъ отъ участія въ конференціи онъ мотивировалъ тѣмъ, что означенная конференція, по мнѣнію его партіи, является какъ бы спекуляціей на войну, а такъ какъ эта война ведется двумя буржуазными правительствами, то пролетаріатъ обѣихъ странъ не заинтересованъ, а потому съ его точки зрѣнія эта конференція представляется ненужною, ибо онъ, Плехановъ, и представитель Японскаго пролетаріата Котойама, найдетъ средство покончить съ этой войной и безъ посредства конференціи, которая можетъ лишь связать имъ руки. (Мнѣ извѣстно, что средство, о коемъ говорилъ Плехановъ, заключается въ томъ, чтобы во всѣхъ фабричныхъ центрахъ Имперіи поднять усиленную агитацію для подготовленія демонстрацій, которыя должны разразиться одновременно и немедленно послѣ паденія Портъ-Артура).

Конференція вынесла по сему поводу слѣдующую резолюцію:

„Выслушавъ письмо представителя Россійсской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи объ отказѣ этой партіи отъ участія въ конференціи и принимая во вниманіе:

1) что настоящая конференція оппозиціонныхъ, революціонныхъ и соціалистическихъ партій никогда не имѣла своею цѣлью устраненіе тѣхъ совершенно неизбѣжныхъ различій, которыя вытекаютъ изъ особенностей положенія этихъ партій въ борьбѣ соціалъныхъ силъ,

2) что ея цѣль, о которой были поставлены въ извѣстность всѣ партіи, состоитъ въ томъ, чтобы, считаясь съ фактомъ различія стремленій, цѣлей и средствъ борьбы отдѣльныхъ партій, попытаться опредѣлить, нѣтъ ли въ этихъ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ элементовъ, допускающихъ координированіе,

3) что русская японская война и ея послѣдствія, въ качествѣ хотя и важнаго, но лишь привходящаго момента въ процессѣ вырожденія русскаго самодержавія и обострения и усложненія борьбы противъ него являются лишь однимъ изъ поводовъ созыва конференціи,

4) что возможно болѣе скорое прекращеніе этой войны, выставляемое Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіей въ ея письмѣ, какъ „непосредственная цѣль“ текущей борьбы, политически не отдѣлима отъ требованія ликвидаціи русскаго самодержавія,

5) что намѣчаемая самою жизнью и установленная конференціей и ея результатами необходимость для всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій соединить свои усилія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ стремленія и методы ихъ не противорѣчатъ другъ другу, для ускоренія неизбѣжнаго паденія самодержавія, — что необходимость эта признается и Россійской

Соціалъ-демократической Рабочей Партіей, готовой, по ея заявленію, „поддерживать всякое дѣйствительно революціонное и даже всякое дѣйствительно оппозиціонное движеніе“,

6) и что, наконецъ, представители Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи во время предварительныхъ переговоровъ не только высказывали все время полную готовность содѣйствовать созыву конференціи, но и ни разу не потребовали отвода какой либо изъ тѣхъ организацій, которымъ было адресовано послѣ этихъ переговоровъ оффиціальное приглашеніе на конференцію и отказались отъ участія въ ней лишь въ послѣдній моментъ.

Настоящая конференція делегатовъ оппозиціонныхъ, революціонныхъ и соціалистическихъ организацій Россійскаго государства выражаетъ свое сожалѣніе по поводу отказа Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи принять участіе въ совѣщаніяхъ конференціи, полагаетъ, что высказанные въ ея письмѣ мотивы отказа являются плодомъ очевиднаго недоразумѣнія и высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что въ дальнѣйшемъ ходѣ между-фракціонныхъ отношеній эти недоразумѣнія будутъ въ интересахъ великой освободительной задачи совершенно устранены“.

Опубликованіе вышеприведеннаго протокола, декларації и резолюціи отложено, по просьбѣ представителей Группы Русскихъ Конституціоналистовъ, до 1-го будущаго Декабря. Причиною этой отсрочки является отсутствіе пока у этой группы оффиціальнаго наименованія и представители ея надѣются склонить своихъ сочленовъ, весьма, по ихъ словамъ, многочисленныхъ, принять названіе „Русской Либеральной Партіи“.

Къ тому же сроку будетъ выпущенъ за подписью всѣхъ совѣщавшихся группъ и организацій общій манифестъ по поводу войны съ требованіемъ уничтоженія

самодержавія и созыва народнаго представительства для ликвидаціи военныхъ дѣйствій.

Ваше Превосходительство, конечно, изволили обратить вниманіе, что въ пунктѣ 4-мъ протокола, въ концѣ онаго, между прочимъ упомянуто, что рѣшенія конференціи о практической сторонѣ согласованія дѣйствій опубликованы не будутъ. По имѣющимся совершенно секретнымъ указаніямъ эта практическая сторона дѣла сводится къ слѣдующему:

Русская Либеральная Партія будетъ продолжать свои дѣйствія на легальной почвѣ въ земскихъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Тотчасъ, по возобновленіи сессіи въ земскихъ собраніяхъ, будутъ заявлены громкія требованія конституціи и безусловной амнистіи всѣхъ политическихъ преступленій. Одновременно всѣ совѣщавшіяся группы будутъ принимать самое дѣятельное участіе въ организаціи студенческихъ безпорядковъ, аграрныхъ волненій и противоправительственныхъ демонстрацій среди рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Повсюду во время набора новобранцевъ и призыва запасныхъ чиновъ будутъ устраиваться враждебныя манифестаціи по поводу войны и разбрасываться одинаковаго содержанія прокламаціи за подписью всѣхъ согласившихся группъ.

Члены сихъ организацій обязываются не только въ своихъ подпольныхъ органахъ, но по возможности и въ легальной прессѣ, въ предѣлахъ условій законовъ о печати, вести упорную агитацію противъ самодержавнаго строя, выставляя систематически виновникомъ всѣхъ бѣдствій вообще, а въ особенности войны и обнаруженной ею неподготовленности, представителя этого режима — Государя Императора.

Если партія Соціалистовъ-революціонеровъ, съ ея „Боевой Организаціей“, признаетъ нужнымъ устроить террористическій фактъ, то всѣ организаціи обязаны поддерживать настроеніе одновременными сочувствен-

ными факту воззваніями и демонстраціями. Отъ этого пункта отказались лишь представители Русской Либеральной Партіи и Польской Демократической Національной Лиги, но и тѣ обязались согласовать свои дѣйствія съ прочими организаціями, т. е. въ случаѣ совершенія террористическаго факта, пріурочивать подачу своихъ петицій и заявленія домогательствъ именно къ этому моменту.

Финляндцы, съ своей стороны, сильно расчитываютъ, какъ на удобный моментъ для возбужденія усиленной агитаціи, на предстоящій 6/19 будущаго декабря созывъ Финляндскаго Сейма. Они полагаютъ и постараются, чтобы были выбраны многія лица, коимъ въѣздъ въ Финляндію по распоряженію администраціи воспрещенъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, правительство не согласится снять это воспрещеніе даже на непродолжительный срокъ засѣданій Сейма. Это послужитъ началомъ къ бурной агитаціи, при чемъ всѣ согласившіяся организаціи должны дружно поддерживать финляндцевъ и поднять безпорядки и протесты во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Объ изложенномъ долгомъ считаю представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства“ (прим. 172).

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ДОНЕСЕНІЯМЪ

РАЧКОВСКАГО, РАТАЕВА и ГАРТИНГА.

О примѣчаніяхъ.

Какъ я уже оговорился въ заявленіи объ изданіи библіотеки „Минувшее“, публикуемые документы, не всегда излагающіе дѣло въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, требуютъ комментаріевъ.

Это замѣчаніе въ особенности относится къ докладамъ Рачковскаго, обнаруживающимъ въ ихъ авторѣ и слабую освѣдомленность, и невѣжество, и пристрастіе къ выдумкамъ.

Теряя, въ виду указаннаго обстоятельства, значительную долю своей исторической цѣнности, доклады эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтаютъ значеніе въ смыслѣ классическаго образца оффиціальной лжи, ложащейся въ основу репрессивной дѣятельности русскаго правительства.

Не надо забывать, что „агентурныя свѣдѣнія“, даже пребывая въ архивѣ, сохраняютъ свою активность: входя существеннымъ элементомъ въ полицейскія справки о „благонадежности“, они часто преграждаютъ путь къ общественной и частной дѣятельности людямъ, имѣвшимъ несчастіе обратить на себя когда-либо шпіонское вниманіе.

Поэтому всякую ложь такихъ оффиціальныхъ документовъ слѣдуетъ настойчиво отмѣчать и демонстрировать. Сдѣлать надлежащія поправки и поясненія къ донесеніямъ Рачковскаго, Ратаева и Гартинга и составляетъ первую задачу „Примѣчаній“.

Долженъ, однако, оговориться, что мои комментаріи далеко не охватываютъ всего, что требуетъ критическихъ замѣчаній. Другія необходимыя исправленія сдѣлаютъ, надѣюсь, лица, въ этомъ непосредственно

заинтересованныя и достаточно для того компетентныя.

«Донесенія» заслуживаютъ вниманія и съ другой стороны: они обнаруживаютъ сокровенные пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ руководители политическаго сыска, и даютъ матеріалъ для выясненія агентурныхъ „источниковъ“ охраны. Въ послѣднемъ отношеніи многое можетъ опредѣлиться при тщательной разработкѣ показательныхъ данныхъ, заключающихся въ публикуемыхъ матеріалахъ.

Имѣя это въ виду, я проштудировалъ документы и, отмѣтивъ мѣста, гдѣ замѣтны слѣды шпіонской информаціи, поставилъ въ „Примѣчаніяхъ“ соотвѣтствующіе вопросы.

Лица, фигурирующія въ донесеніяхъ и подвергавшіяся обслуживанію „секретныхъ агентовъ“, разобравшись внимательно въ томъ, что говорится о нихъ лично и о дѣлахъ, имъ хорошо извѣстныхъ, могутъ установить рядъ весьма важныхъ обстоятельствъ.

Очень прошу такихъ лицъ отозваться на мои „Примѣчанія“. Указанія свѣдущихъ людей, даже ихъ предположительныя соображенія, могутъ, при сопоставленіи съ другими имѣющимися въ моемъ распоряженіи данными, помочь выяснить вопросъ: кто въ разсматриваемое время, въ какихъ случаяхъ и въ какихъ предѣлахъ являлся доносчикомъ?

Къ этому, въ частности, и направлены мои изысканія.

Л. Меньщиковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(Цифры обозначаютъ: первыя — номеръ примѣчанія, вторыя — страницу, на которой примѣчаніе помѣчено.)

1 — 21. Рачковскій Петръ Ивановичъ, — завѣдывалъ заграничной агентурой деп. полиціи съ 1892 г. до ноября 1902 года, когда его смѣнилъ Ратаевъ. Рачковскій умеръ, находясь въ отставкѣ, 19-го октября 1910 года (см. прим. 19, 81, 83, 114, 120, 121, 122 и 129).

2 — 21. Перечень «представителей» группы с.-р-въ того времени — невѣренъ. Въ имѣющейся у меня запискѣ Ратаева отъ 28-го декабря 1899 г. членами группы названы: Житловскій, Тепловъ, Раппопортъ, Левентисъ и Дижуръ; Соскиса, Гнатовскаго и Лазарева въ числѣ ихъ нѣтъ.

3 — 22. Около Житловскаго находился, повидимому, освѣдомитель. сообщается, что онъ сказалъ (3—22 и 41—67), что «предполагалъ» дѣлать (40—66), кто его посѣщалъ (стр. 122), какія онъ получалъ рукописи и письма (7—25, 8—27, 9—27). Этимъ освѣдомителемъ не былъ Азефъ, такъ какъ послѣдній находился въ распоряженіи Ратаева и Зубатова.

4 — 23. Рѣчь шла, вѣроятно, объ изданіи періодическаго органа: «Вѣстникъ Русской Революціи», первый номеръ котораго появился въ 1901 году, а послѣдній, 4-й — въ 1905 г.

5 — 23. «Сотрудникъ Аз.» — Евно Азефъ. Подстрочное примѣчаніе сдѣлано Ратаевымъ; оно устанавливаетъ, что Азефъ доносилъ именно ему, а не Рачковскому.

6 — 24. Опущено изложеніе содержанія брошюры Житловскаго: «Соціализмъ и борьба за политическую свободу».

7 — 25, 8 — 27, 9 — 27. См. прим. 3.

10 — 30. Ратаевъ Леонидъ Александровичъ, завѣдывалъ заграничной агентурой департамента полиціи съ ноября 1902 года по августъ 1905-го. Выйдя въ отставку, поселился въ Парижѣ, гдѣ былъ извѣстенъ и подъ фамиліей Рихтеръ.

11 — 31. Сообщеніе въ копіи письма Маслова-Стокоза и препровожденіе въ департаментъ полиціи образца его почерка и даже подлиннаго письма (31—61 и 143—147) можно было бы объяснить перлюстраціей, но то обстоятельство, что во всѣхъ случаяхъ не указанъ

адресатъ, хотя неизвѣстнымъ онъ не могъ быть, заставляетъ думать, что тутъ замѣшана агентура.

12 — 31. Типографія рабочезнаменцевъ была арестована (случайно — по даннымъ наружнаго наблюденія), въ Бѣлостокѣ 26-го іюля 1898 г.

13 — 32, 14 — 32 и 15 — 33. Несомнѣнно: съ Лурья былъ близокъ агентъ Рачковскаго (вѣроятно — Бейтнеръ, — см. пр. 130). Былъ извѣстенъ почти каждый шагъ Луріи (13—32, 14—32, 15—33, 16—35, 17—35, 25—55, 27—55, 67—97, 73—98, 87—109, 99—117, 144—148). Одновременно имѣлись свѣдѣнія и о товарищахъ Лурьи: Андроповѣ (пр. 29), Штейнѣ (пр. 103), Новоселовѣ (пр. 84). О Лурьѣ см. еще прим. 18.

16 — 35. Не агентъ ли, обслуживавшій Лурью, снабдилъ его паспортами, о которыхъ Рачковскій такъ подробно донесъ? Это излюбленный пріемъ охранниковъ для фабрикаціи и уловленія «нелегальныхъ».

17 — 35. Если такое письмо и существовало, то оно было адресовано кому-нибудь другому: Юдилевскій Лурью совершенно не зналъ и дѣлъ съ нимъ не имѣлъ.

18 — 36. Въ то время, какъ Лурья сообщалъ заграничнымъ товарищамъ: «все благополучно... я въ Петербургѣ, работаемъ во всю», — провокаторъ М. И. Гуровичъ доносилъ департаменту полиціи (5-го марта): «Лурья ѣдетъ завтра въ Москву, въ три съ половиной часа дня. Въ Москвѣ будетъ у Буланже. Сейчасъ идетъ къ Абраму Лурія, а завтра, передъ отъѣздомъ, зайдетъ ко мнѣ». 30-го марта 1901 года Лурья былъ арестованъ на станціи «Ворожба». Находясь въ ссылкѣ, Лурья участвовалъ въ якутскомъ протестѣ «Романовцевъ», былъ осужденъ на каторгу (приговоръ отмѣненъ въ 1905 году); перебравшись за границу, Лурья умеръ, отъ чахотки, 15-го апрѣля 1912 года, въ Лейзенѣ (Швейцарія).

19 — 37. Авторомъ «Credo» была Е. Кускова; эта статья была напечатана въ № 4—5 Рабочаго Дѣла (1899) и вызвала горячую полемику. Стараясь описать идейныя теченія и взаимоотношенія, существовавшія въ то время среди русскихъ эмигрантовъ-соціалъ-демократовъ, Рачковскій многое, по невѣжеству своему, путаетъ; такъ, напримѣръ, Баумана, Нахамкиса и Гольдендаха онъ характеризуетъ какъ сторонниковъ Рабочаго Дѣла, на самомъ же дѣлѣ они были его противниками; въ числѣ участниковъ женевскаго съѣзда Рачковскій называетъ Гольдендаха (въ качествѣ «депу-

тата отъ Россіи»!), а онъ на съѣздѣ совсѣмъ не присутствовалъ...

20 — 38. Корреспонденція Аксельрода, какъ виднаго соц.-демократа, конечно, перлюстрировалась, но свѣдѣнія о его разговорахъ и связахъ (42—68, стр. 120 и 122) указываютъ, что онъ попадалъ и въ «освѣщеніе» какого-то агента.

21 — 42. Газета «Впередъ» была органомъ кіевской с.-д. группы; въ декабрѣ 1900 г. эта группа выпустила номеръ 10-й газеты — опять въ своей типографіи.

22 — 43, 23 — 50. Свѣдѣнія о братьяхъ Сущинскихъ безусловно агентурнаго происхожденія. Имя Михаила Сущинскаго фигурируетъ особенно часто: сообщается о томъ, что онъ «сказалъ» (22—43 и 46—77), писалъ (23—50), «рѣшилъ» (стр 46) и дѣлалъ (стр. 40); что ему сообщали (21—42) и т. д. То-же и съ Владиміромъ Сущинскимъ: извѣстны были детали его побѣга (108—120); данныя ему россійскія явки (97—116); содержаніе его записной книжки (55—82) и писемъ близкой ему Петровой (106—119), намѣренія послѣдней (146—149). Имѣлись указанія и на Петра Сущинскаго (стр. 121). Информаторомъ могъ быть Бейтнеръ (пр. 130), дружившій съ Сущинскими. (См. прим. 45).

24 — 50. Письма на имя Гуревича, очевидно, перлюстрировались.

25 — 55. См. прим. 13.

26 — 55. Правильное названіе фракціи: «Русская соціалъ-демократическая партія»; названіе это было усвоено гораздо ранѣе: оно стояло уже на первомъ номерѣ «Рабочаго Знамени», вышедшемъ въ маѣ 1898 г.

27 — 55. См. прим. 13.

28 — 57. Рѣчь идетъ, повидимому, объ В. И. Ульяновѣ (Ильинъ-Ленинъ), который, однако, къ рабочезнаменцамъ никогда не присоединялся и прибылъ за-границу съ другими намѣреніями.

29 — 57. Хотя письма Андропова къ Шишко и Левита къ Андропову (53—81) могли быть перлюстрированы, но работала и внутренняя агентура, передававшая о разговорахъ Андропова (86—108, 87—109) и сообщившая о его выѣздѣ въ Россію (145—149). См. пр. 13.

30 — 60 и 31 — 61. В. Бурцевъ, въ качествѣ адепта террора, былъ подъ усиленнымъ наблюденіемъ заграничной агентуры. Рачковскій зналъ, какъ Бурцевъ «въ разговорахъ» (съ кѣмъ?) объяснялъ «тайную цѣль» изданія «Былого», что онъ говорилъ о Панкратьевѣ (76 —

102), кого рекомендовалъ въ Россіи (64—96). Корректуры изданій Бурцева препровождались въ департаментъ полиціи (31—61 и 124—137), вмѣстѣ съ письмами: отъ него — подлинными (71—98, 124—137) и въ копіяхъ (69—97) и къ нему (75—100, 99—117). Связи Бурцева агентурѣ были болѣе или менѣе извѣстны; въ особенности обращалось вниманіе на его знакомыхъ изъ числа пріѣзжей молодежи, которые по возвращеніи на родину поступали подъ наблюденіе и подвергались преслѣдованіямъ (Лебедева — пр. 76, Ослопова— пр. 66, Замятинъ — пр. 37, Менкесъ — пр. 73, Краковъ — пр. 162, Мальцева — стр. 149, Пальчинская, выѣхавшая 27 апрѣля въ Россію подъ присмотромъ филеровъ и др.) Въ разсматриваемый періодъ Бурцевъ былъ подъ «перекрестнымъ огнемъ» агентуры: съ одной стороны — Бейтнеръ, пользовавшійся его довѣріемъ, съ другой — Панкратьевъ, давнишній его знакомый. Нельзя ручаться, что не было и третьяго освѣдомителя — не напрасно Рачковскій хвастливо докладывалъ, что относительно народовольцевъ въ Парижѣ и Лондонѣ имъ приняты мѣры, «обезпечивающія отъ всякихъ неожиданностей» (44—73) и что дѣятельность народовольцевъ ему была «въ точности извѣстна» (149—151). См. прим. 36, 72 и 76.

32 — 62. Кому было адресовано письмо Кашинцева— не указано; тѣмъ интереснѣе знать это, такъ какъ объ адресатѣ Рачковскій умалчиваетъ, можетъ быть, не безъ умысла.

33 — 62, 34 — 62. Насколько извѣстно, Паули въ редакцію «Народовольца» не входилъ и по его иниціативѣ никакой группы народовольцевъ въ Парижѣ не образовывалось.

35 — 63. Фрейлихъ Николай Николаевичъ, — вслѣдствіе провокаціи М. Гуровича попалъ въ Сибирь (на 5 лѣтъ); по возвращеніи въ 1903 году изъ ссылки, умеръ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

36 — 64. Паули, какъ террористъ, пользовался особымъ вниманіемъ агентуры Рачковскаго — вѣроятно той же, которая обслуживала группу «старыхъ народовольцевъ» (см. пр. 30). Въ смыслѣ выясненія этой агентуры представляютъ большой интересъ разсказы Паули о петербургскомъ «делегатѣ» (51—79, 52—80); повидимому, агентъ былъ третьимъ лицомъ, въ присутствіи котораго происходилъ разговоръ между Русановымъ и Левитомъ (50—79); имѣется даже прямое

указаніе (49—78), что съ послѣднимъ «на дняхъ имѣлъ бесѣду сотрудникъ» (въ іюлѣ 1900 г.). Къ сожалѣнію, главный свидѣтель по этому дѣлу, Левитъ — умеръ.

Хотя возможно, что Паули дѣйствительно хвастался, что подготовлено все необходимое «для повторенія 1-го марта» (стр. 81), но свѣдѣнія агента о разрывныхъ снарядахъ и т. д. (39—65) отзываютъ выдумкой. (См. прим. 151).

37 — 64, 38 — 64. Сообщеніе о Замятинѣ — лживо, представителемъ петербургскихъ народовольцевъ онъ не былъ; когда онъ вернулся въ Россію (1-го августа 1900 г.) за нимъ установили наблюденіе, а затѣмъ «ликвидировали» по группѣ рабочезнаменцевъ.

39 — 65. См. прим. 36.

40 — 66, 41 — 67. См. прим. 3.

42 — 68. См. прим. 20.

43 — 72. Спеціальная агентура въ Берлинѣ была учреждена въ 1902 году, при чемъ завѣдывающимъ ею былъ назначенъ Гартингъ—Гекельманъ, бывшій агентъ Рачковскаго; помощникомъ его нѣкоторое время былъ Федоръ Ромуальдовъ Чарноцкій — старый пролетаріатецъ, сдѣлавшійся по возвращеніи изъ ссылки предателемъ. На содержаніе берлинской агентуры отпускалось, въ началѣ, около 45000 рублей. О существованіи этой организаціи германская полиція знала. Агентуру въ Галиціи организовывалъ М. Гуровичъ, на что ему былъ отпущенъ спеціальный кредитъ. Австрію же вообще «обслуживалъ» Симонъ Моисеевъ (Шимонъ Мордковъ), Вейсманъ, состоявшій агентомъ жандармовъ: съ 1890 г. — Цугалковскаго, потомъ Пирамидова, въ Одессѣ, и съ 1895 г. — Будзиловича, а затѣмъ Тржесяка, заграницею.

44 — 73. См. прим. 30.

45 — 75. Очевидно, агентура была близка къ типографщикамъ Союза русскихъ соціалъ-демократовъ: она имѣла корректуру и первые листы изданій Союза, знала, что начато печатаніемъ (48—78 и стр. 42 и 43), какіе переговоры ведутся съ наборщикомъ Ляхоцкимъ (61—90), какія изданія послѣднимъ отправлены (142—146). Отсюда же, вѣроятно, освѣдомленность и о завѣдывавшихъ типографіей Союза — М. Сущинскомъ (прим. 22) и Иваньшинѣ, относительно котораго было извѣстно не только то, что ему пишутъ (47—77), нои то, что онъ говоритъ (48—78).

46 — 77. Выступленіямъ Плеханова въ докладахъ Рачковскаго отводится немало мѣста; въ частности, сообщается о его «интимныхъ» и не интимныхъ (59—87) разговорахъ, приводятся его отзывы о товарищахъ (110—121) и отдѣльныя фразы, сказанныя «съ ироніей» (стр. 47) и безъ оной (93—113), передается содержаніе полученныхъ имъ писемъ (47—77, 93—113), указываются лица, ѣздившія къ нему на свиданіе: Галкинъ, Говоровъ, Иваницкая, Карказъ, доставившая, будто-бы, ему статью о безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ (148—149). Все это указываетъ, что сотрудникъ Рачковскаго соприкасался съ Плехановымъ.

47 — 77. См. прим. 45 и 46.

48 — 78. См. прим. 45.

49 — 78, 50 — 79, 51 — 79, 52 — 80. См. прим. 36.

53 — 81. См. прим. 29.

54 — 82. Письма къ Шишко и его слова (36—64, 54—82) доходили до Рачковскаго, вѣроятно, черезъ агента, который обслуживалъ народовольцевъ.

55 — 82. См. прим. 22.

56 — 84, 57 — 85, 58 — 85. Отчеты о разговорахъ Цихоцкаго, Ратынской, Плохоцкаго, Гольдберга, (62—96) представленіе подлиннаго письма Іендржеевскаго и пр. указываютъ на близость къ дѣятелямъ польскихъ группъ агента (Бейтнеръ?), который хотя и обнаруживаетъ нѣкоторую освѣдомленность, но и сильно привираетъ: по свидѣтельству Л. С. Кульчицкаго, Сигизмундъ Лангъ, бывшій тогда юношей (умеръ въ Ковельской тюрьмѣ 6-го сентября 1901 г.) «во главѣ» движенія (стр. 84) не былъ, Плехановъ черезъ Гинсбурга, или письменно, переговоровъ съ Кульчицкимъ не велъ и послѣдній псевдонимами Богдановскаго и Львовскаго никогда не пользовался*)

59 — 87. См. прим. 46.

60 — 88. См. прим. 56.

61 — 90. См. прим. 45.

62 — 96. См. прим. 56.

63 — 96. Нелегальнаго журнала «Свобода» въ Россіи не издавалось; рѣчь идетъ, очевидно, о бро шюрѣ

*) Уже при составленіи настоящихъ «Примѣчаній» мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что выходитъ въ свѣтъ, на нѣмецкомъ языкѣ, третій томъ упомянутаго во введеніи къ этой книгѣ труда Кульчицкаго: «Исторія русскаго революціоннаго движенія», и что готовится четвертый выпускъ ея, въ который войдутъ свѣжіе историческіе матеріалы, появившіеся за послѣдніе годы.

«Свобода», изданной въ 1900 году Партіей политическаго освобожденія Россіи—группы, возникшей въ Минскѣ подъ вліяніемъ народовольца Ефима Гальперна («Слѣпой») и, отчасти, Е. Брешковской и Д. Гершуни. Программная часть брошюры, написанной Любовью Клячко (на дознаньи дала откровенныя показанія), приведена, по имѣющемуся у меня экземпляру, С. Нечетнымъ въ его «Очеркахъ по исторіи Партіи С.-Р.» См. прим. 65.

64 — 96. См. прим. 30 и 66.

65 — 97. Типографія Партіи политическаго освобожденія Россіи арестована въ Нѣжинѣ (дѣло Конст. Иванова, Гирша Гатовскаго и др.) 5-го Марта 1901 года (а не въ 1900 г., какъ указано въ вышеупомянутой статьѣ Нечетнаго), совершенно случайно — вслѣдствіе обывательскихъ подозрѣній.

66 — 97. За Ослоповой, вернувшейся въ Россію 27-го сентября 1900 г., была усиленная слѣжка, которая выяснила ея свиданіе, въ Харьковѣ, съ Д. А. Перелешинымъ и посѣщеніе, въ Полтавѣ, М. П. Орлова и Н. М. Флерова, рекомендованныхъ ей Бурцевымъ (64—96). Относительно Ослоповой имѣлись еще агентурныя указанія, что «передъ отъѣздомъ изъ-за границы она отправила багажемъ на предъявителя деревянный чемоданъ съ двойнымъ дномъ, наполненный нелегальной литературой». (См. прим. 30).

67 — 96. Вейсманъ Фридрихъ-Карловъ, розыскивался съ 1899 г. (циркуляръ № 1263).

68 — 97, 69 — 97. Свѣдѣнія объ участникахъ собраній народовольцевъ и характеристика ихъ совѣщаній—невѣрны; письмо Бурцева (къ кому?), если содержаніе его не перевранo въ изложеніи Рачковскаго, тоже грѣшитъ неточностями.

70 — 98, 71 — 98. Открытка, въ которой Бурцевъ выражалъ опасенія «за двухъ, съ которыми онъ видѣлся», въ подлинникѣ препровожденная въ департаментъ полиціи, или была похищена, или доставлена самимъ адресатомъ—кто былъ имъ?

72 — 98. Изъ другихъ агентурныхъ донесеній было извѣстно, что ключемъ къ шифру, который въ то время употреблялся «всѣми, находившимися въ конспиративныхъ сношеніяхъ съ Бурцевымъ», была фраза: «И вотъ тебѣ коршунъ награда за жизнь воровскую твою». Съ двумя шифрованными письмами Бурцева къ Лебе-

девой былъ арестованъ на границѣ Штейнъ—Менкесъ. (См. прим. 30 и 73).

73 — 98. Штейнъ — въ дѣйствительности Вульфъ Менкесъ, — былъ замѣченъ въ сношеніяхъ съ М. Лурія, когда послѣдній укрывался, послѣ бѣлостокскаго провала, въ Полтавѣ. Попавъ за границу, Менкесъ, вмѣстѣ съ Лурія, очутился подъ дѣйствіемъ агентуры, что и повело къ тому, что его, при возвращеніи въ Россію, задержали, въ Гродненской губерніи, съ транспортомъ нелегальныхъ изданій. (См. прим. 13 и 72.)

74 — 99. Представляется страннымъ, почему Рачковскій, такъ хорошо освѣдомленный о переговорахъ, которые велъ «делегатъ» петербургскихъ народовольцевъ устно и письменно, не могъ выяснить его личности. (См. прим. 36).

75 — 100. Перлюстрація эмигрантской корреспонденціи велась не только въ Парижѣ, но и въ Лондонѣ, (хотя тамъ и нѣтъ «консьержекъ»). Изъ докладовъ видно, что Рачковскій зналъ содержаніе писемъ къ Бурцеву (75—100, 94—113, 124—137,) Гольденбергу(99—117), Теплову (101—117), Андропову (53—81).

76 — 102, 77 — 103. Петръ Эмануиловъ Панкратьевъ, получавшій отъ Бурцева транспорты «Народовольца», «руководившій революціонной дѣятельностью Лебедевой», рекомендовавшій эмигрантамъ осторожность, былъ агентомъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія, о чемъ Рачковскій не зналъ. Нельзя не отмѣтить трагическаго положенія молодыхъ энтузіастокъ, которыя, будучи «освѣщены» заграничной агентурой, при возвращеніи на родину направлялись съ рекомендаціями своихъ друзей прямикомъ къ россійскимъ шпіонамъ. Александра Ивановна Лебедева (она-же Лукьянова), характеризовавшая Панкратьева: «славный человѣкъ, умный, опытный, но уравновѣшенный», была предана послѣднимъ; ее арестовали весной 1901 г., вмѣстѣ съ Олимпіадой Марковной Мальцевой и Алексѣемъ Николаевичемъ Хавскимъ (Ленцевичемъ),—талантливымъ, начинающимъ поэтомъ; послѣдній и вышедшая за него замужъ Лебедева были сосланы, на 5 лѣтъ, въ Якутскую область, гдѣ Хавскій застрѣлился 3-го апрѣля 1904 года (некрологъ его въ «Революціонной Россіи», № 74). Панкратьевъ былъ оглашенъ, какъ предатель, въ 1901 году, въ № 11 «Искры», гдѣ былъ опубликованъ его апокрифическій «рапортъ» по начальству;

позднѣе онъ служилъ чиновникомъ департамента полиціи, а въ сентябрѣ 1911 г. умеръ.

78 — 104. Пожеланіе Рачковскаго было немедленно исполнено: 27-го ноября 1900 г. департаментъ полиціи предложилъ почтовой «цензурѣ» учредить наблюденіе за корреспонденціей Екатерины Андреевой Добровольской.

79 — 104. Махновецъ «называетъ», онъ «предполагаетъ» — явные слѣды агентуры (Бейтнеръ?), которая захватывала и его пріятелей: Иваньшина (47 — 77, 48 — 78), Алексѣева и Тахтарева. (90 — 115).

80 — 105. Будучи арестованъ на транспортномъ дѣлѣ, Розенбаумъ далъ на дознаніи подробныя показанія.

81 — 105. Рачковскій обнаружилъ въ своихъ донесеніяхъ и убогость познаній и политическую безграмотность. Онъ изобрѣтаетъ научные термины: «экономическій соціализмъ» (стр. 123) и «соціализмъ демократическій» (стр. 70); говоритъ объ «изолированной дѣятельности семидесятыхъ годовъ» и т. д. Онъ совершенно не церемонится съ номенклатурой: наряду съ удивительной «Центральной» россійской с.-д. партіей (стр. 105), встрѣчаемъ «Союзъ русской с.-д. партіи» (стр. 106) и пр. Немудрено, если у него на соц.-демократическомъ съѣздѣ собираются принять участіе: Бахъ, Житловскій, Бурцевъ, Паули, Русановъ, Левентисъ, Волховской, Лазаревъ, Антовъ — представители фракцій народовольческой и соціалистовъ-революціонеровъ (стр. 77). «Бредовыя явленія» Рачковскаго особенно сказывались, когда онъ заговаривалъ о терроръ (къ этой темѣ онъ возвращается особенно часто: см. стр. 30, 64, 72, 81, 125 и др.), при чемъ договаривается до того, что «всѣ партійныя организаціи усваиваютъ себѣ террористическую дѣятельность» (стр. 124)... Таковъ былъ Рачковскій, котораго и въ революціонной средѣ и въ обществѣ считали, по недоразумѣнію, великимъ сыскныхъ дѣлъ мастеромъ. (См. пр. 1 и 114).

82 — 105. Версія о полученіи Нахамкисомъ 30-ти тысячъ франковъ—чистѣйшая ложь. Если даже допустить, что на изданіе «Зари» были даны такія деньги, то получить ихъ могла только группа «Искры». Объединить «всѣ революціонныя фракціи безъ различія оттѣнковъ» подъ эгидой мифическаго «Союза» могла только фантазія освѣдомителей Рачковскаго, которая превращала въ опасныхъ революціонерокъ даже такихъ безобид-

ныхъ курсистокъ, какими были Гескина и Мыслинская (стр. 107).

83 — 108. Интересно, что «еврейская раб. партія», какъ выражается Рачковскій (т. е. «Бундъ») попадаетъ впервые, какъ самостоятельная организація, въ его обозрѣнія лишь въ іюлѣ 1901 года, когда союзъ считалъ уже четыре года существованія и успѣлъ выпустить 62,000 экз. своихъ изданій, изданныхъ преимущественно за-границей.

84 — 108, 85 — 108. Хотя настоящее имя «Виктора Павловича» «послѣ тщательныхъ разслѣдованій» Рачковскаго оказалось «Новоселовъ», но въ дѣйствительности это былъ В. П. Ногинъ. Все-же агентура знала не только его разговоры (85 — 108, 87 — 109), но и время выѣзда его въ Россію (145—149), гдѣ онъ 2-го октября 1901 г. и былъ арестованъ (въ Петербургѣ), съ паспортомъ на имя Назарова (см. пр. 13 и 29).

86 — 108. См. прим. 29.

87 — 109. См. прим. 13, 29 и 84.

88 — 109. Если приведены подлинныя слова Краноткина и Черкезова, то приходится допустить, что агентъ бывалъ и въ ихъ обществѣ.

89 — 111. Трушковскій Іеронимъ, находясь, по возвращеніи изъ ссылки, въ Кіевской губерніи, вошелъ въ сношенія съ жандармскимъ полковникомъ Новицкимъ, затѣмъ выѣхалъ, въ качествѣ его агента, въ сентябрѣ 1894 г., за-границу, гдѣ разсказалъ исторію своихъ похожденій въ брошюрѣ «W rekach zandarmow» (Лондонъ, 1895 г.)

90 — 111. Милевскій, изъ польскихъ выходцевъ, былъ секретаремъ Рачковскаго, велъ его письмоводство и выполнялъ иногда отдѣльныя порученія (въ Болгаріи, напримѣръ); умеръ въ 1906 году.

91 — 111. См. прим. 151.

92 — 112. Очевидно, Поповъ не былъ помощникомъ Рачковскаго.

93 — 113, 94 — 113. Авторъ писемъ къ Плеханову и Бурцеву, очевидно, одно и тоже лицо; сомнительно, чтобы это была махинація охранниковъ; вѣроятнѣе, что авторъ былъ изъ сочувствующихъ, но очень наивныхъ людей.

95 — 115. Чтеніемъ въ мысляхъ Флоровсаго (онъ «предполагалъ», «долженъ былъ» и т. д.) занимался, повидимому, агентъ, вращавшійся въ кружкѣ В. Бурцева (см. прим. 30).

96 — 115. Свѣдѣнія объ Алексѣевѣ, Тахтаревѣ и Шоурѣ шли, можетъ быть, отъ Бейтнера, который былъ знакомъ съ ихъ пріятелемъ—Махновцемъ (см. пр. 79).

97 — 116. См. прим. 22.

98 — 116. Масленниковъ попадалъ въ агентурное освѣщеніе, вѣроятно, благодаря связямъ съ Сущинскими (см. прим. 22); это подтверждается и тѣмъ еще, что когда онъ перешелъ (вмѣстѣ съ М. Сущинскимъ) къ «Свободѣ», то и по этой группѣ о немъ поступили свѣдѣнія (128 — 141).

99 — 117. См. прим. 75.

100 — 117. Фамилія Еваленко встрѣчается и въ другихъ документахъ департамента полиціи; при разсмотрѣніи, въ связи съ другими данными, копій съ этихъ документовъ, комитетъ изъ представителей соціалистическихъ организацій въ Нью-Іоркѣ пришелъ къ заключенію, что свѣдѣнія относятся къ мѣстному книгоиздателю Александру Марковичу Еваленко и вынесъ резолюцію (8-го сентября 1910 г.), что послѣдній былъ «тайнымъ агентомъ русскаго департамента полиціи», о чемъ было тогда же объявлено въ мѣстныхъ газетахъ.

101 — 117. См. прим. 75.

102 — 117. Ромбро Яковъ Боруховъ, — привлекался въ 1877 г., затѣмъ эмигрировалъ; жилъ въ Парижѣ подъ именемъ Янишевскаго, а въ Нью-Іоркѣ, гдѣ онъ издавалъ журналъ «Arbeiter Freund», назывался Филиппомъ Францемъ («Розыскной списокъ»).

103 — 118. См. прим. 73.

104 — 118. Дижуръ уже въ январѣ 1900 г. былъ подъ усиленнымъ наблюденіемъ, которое констатировало, что, находясь въ Москвѣ, онъ видѣлся, между прочимъ, съ Азефомъ, жившимъ тогда въ домѣ № 3 — Сахарова, по Богословскому переулку.

105 — 118. Благодаря этимъ свѣдѣніямъ «г-жа Равидза» попала въ перлюстраціонный списокъ (съ 28 декабря 1900 г.).

106 — 119. См. прим. 22.

107 — 120. Свѣдѣніе о томъ, что Маріенбаумъ выдалъ эмигранту паспортъ, разумѣется, интимнаго происхожденія. Н. Э. Бауманъ убитъ черносотенцами въ Москвѣ въ октябрѣ 1905 г.

108 — 120. См. прим. 22.

109 — 121. Казаринъ былъ выясненъ, повидимому, агентомъ, обслуживавшимъ Сущинскихъ.

110 — 121. Лазаревъ былъ подъ «бдительнымъ» над-

зоромъ агентовъ Рачковскаго; въ докладахъ указанъ рядъ лицъ, жившихъ у Лазарева (Вихорскій — стр. 123, Говоровъ — стр. 123, Биске — стр. 145, Кауфманъ — стр. 145, Иваницкая — стр. 145). Это можно было бы объяснить наружнымъ наблюденіемъ за резиденціей Лазарева, но въ донесеніяхъ встрѣчаются такія детали, какъ: «Ладонко видѣлся у Лазарева» и «въ апрѣлѣ собирается уѣхать» (139—145), « Лопатина пріѣзжала къ Лазареву и оставила ему пакетъ» (141—146), или: Лазаревъ, «говоря» (123—136), онъ «выразился» (132—144), что заставляетъ думать, что въ данномъ случаѣ имѣлось и «внутреннее освѣщеніе». Изъ какого источника шли такія свѣдѣнія?

111 — 122. Свѣдѣнія о Замятинѣ и Ослоповой даны, вѣроятно, однимъ и тѣмъ же агентомъ. (См. прим. 30, 37 и 66).

112 — 123, 113 — 123. См. прим. 110.

114 — 124. Характерны «философскія» разсужденія Рачковскаго. Признавая, что «было бы ошибкой думать», что въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ можно «ограничиться практиковавшимися до сихъ поръ обычными полицейскими мѣрами» и заявляя, что «новыя времена — новыя задачи», онъ ничего другого не придумываетъ, какъ реорганизацію охраны; къ выполненію задачи, «выдвигаемой жизнью», онъ рекомендуетъ приступить «чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше», надѣясь, втайнѣ, что эту миссію предложатъ ему. Первый годъ XX-го вѣка для Россіи ознаменовался реформаторскимъ движеніемъ... въ охранныхъ сферахъ, особенно встревожившихся послѣ выстрѣла Карповича. Съ проектами «преобразованій» выступили тогда три богатыря сыска: Рачковскій, Ратаевъ и Зубатовъ; побѣдилъ послѣдній: съ воцареніемъ Плеве Рачковскій удалился на покой, Ратаевъ занялъ его мѣсто. а Зубатовъ сдѣлался руководителемъ охраны.

115 — 125. Хотя Рачковскій пророчествовалъ наугадъ, но ошибся мало: «факты» начались не съ осени, а съ весны (убійство Сипягина 2-го апрѣля 1902 г.).

116 — 127. Свѣдѣнія о 100.000 р., несомнѣнно раздуты, но—«не бываетъ дыму безъ огня». Было бы важно выяснить личность одного «изъ лучшихъ сотрудниковъ» Рачковскаго, который, «по своему положенію», имѣлъ «полную возможность» держать охранниковъ въ курсѣ «литературной затѣи». Интересенъ провокаторскій аппетитъ Рачковскаго, обнаруживаемый имъ

въ опасеніяхъ, что начальство можетъ помѣшать «осуществленію плана, задуманнаго Венгеровымъ, Липницкимъ и невыясненнымъ пока третьимъ лицомъ», которыхъ ему удалось «обставить столь благопріятно». Невольно возникаетъ вопросъ: правда ли, что «третье лицо», такъ хорошо знакомой Рачковскому затѣи—не было ему извѣстно? Не въ этомъ ли обстоятельствѣ таится ключъ къ разгадкѣ объ источникѣ свѣдѣній по данному дѣлу?

117 — 128. Не говоря о другихъ, можно отмѣтить, что одно изъ названныхъ лицъ — Нахамкисъ не могъ «тщательно скрывать» фамиліи «либерала» просто потому, что онъ ея не зналъ. Со своей догадкой, что это былъ Фаминицынъ, Рачковскій попалъ, что называется, «пальцемъ въ небо».

118 — 130. Чтобы было «постановлено» помѣстить рядъ обличительныхъ «завѣдомо ложныхъ» статей — это завѣдомо ложная инсинуація охранника.

119 — 131. Выпущено пространное изложеніе передовой статьи 5-го номера «Искры».

120 — 132. Поставить, «дѣйствуя навѣрняка», «Искру» «въ невозможность дальнѣйшаго печатанія» на языкѣ Рачковскаго значило — уничтожить типографію, — такъ онъ поступилъ съ печатней народовольцевъ, которую «неизвѣстныя лица» (сыщикъ Бингъ съ компаніей) разгромили въ Женевѣ, ночью 21-го ноября 1886 г.

121 — 133. Типичный образчикъ «освѣдомленности» Рачковскаго: онъ приводитъ, какъ подлинныя, слова Нахамкиса и тутъ же сообщаетъ нелѣпое свѣдѣніе о томъ, что Плехановъ «присоединилъ» «Рабочее Дѣло» къ организаціямъ Зари и Искры.

122 — 135. Мысль Рачковскаго получила осуществленіе уже при Плеве: для закулиснаго вліянія на иностранную прессу, путемъ тенденціозной информаціи, подкупа и пр., былъ командированъ въ Парижъ Иванъ Федоровичъ Манусевичъ — Мануйловъ (онъ же нововременскій «Маска»); въ его распоряженіе былъ отпущенъ особый кредитъ (съ 6-го марта 1903 года), о которомъ мечталъ Рачковскій — 12.160 рублей въ годъ.

123 — 136. См. прим. 110.

124 — 137. См. прим. 30.

125 — 139. Опущено изложеніе статей сборника «Свобода».

126 — 140, 127 — 140. Свѣдѣнія о группѣ «Свобода» шли, повидимому, изъ типографскихъ сферъ (см. пр.

98.) Представителемъ группы былъ Евгеній Осиповичъ Зеленскій. Ратаевъ это зналъ уже въ октябрѣ 1901 года и, на основаніи своихъ агентурныхъ свѣдѣній, такъ характеризовалъ его: «талантливый человѣкъ, блестящій и увлекательный ораторъ, имѣлъ хорошее состояніе, которое все растратилъ на революцію... Страдаетъ чахоткой въ послѣднемъ градусѣ... Его издательство, какъ неимѣющее за собой никого, кромѣ него, вѣроятно и умретъ вмѣстѣ съ нимъ въ непродолжительномъ времени»... Это сбылось и Рачковскій не успѣлъ «провалить» Зеленскаго.

Подъ «Псевдонимомъ» было извѣстно лицо, сдѣлавшее пожертвованіе фонду Вольной Русской Прессы и вызвавшее своею конспиративностью неосновательныя подозрѣнія.

128 — 141. См. прим. 98.

129 — 142. И здѣсь Рачковскій привралъ: гербъ былъ сорванъ, хотя и анархистомъ, но не Желковскимъ.

130 — 143. Свѣдѣнія, вѣроятно, Бейтнера. Послѣдній въ 1894 году былъ арестованъ за участіе въ анархической демонстраціи, происходившей въ Цюрихѣ 16/28 января, но Рачковскій его высвободилъ.

Бейтнеръ Левъ Дмитріевичъ, сынъ чиновника, будучи изгнанъ изъ Нижегородскаго кадетскаго корпуса, въ 1890 году, за сбытъ украденныхъ у купца Коломнина денегъ, отсидѣлъ, по приговору Владимірскаго суда, 7 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, затѣмъ уѣхалъ за границу, поступилъ въ Цюрихскій Университетъ и въ 1892 году сдѣлался агентомъ Рачковскаго; объявленъ предателемъ въ іюнѣ 1908 г. («Революціонная Мысль» № 2). (См. прим. 13, 22, 30, 56, 79, 96, 147 и 162).

131 — 144. Листокъ («Послѣднія Извѣстія») былъ не гектографированный, а мимеографированный; это изданіе Бунда выходило потомъ печатнымъ.

132 — 144. См. прим. 110.

133 — 144. Флеровскій (Николай, а не Василій) — литературный псевдонимъ писателя В. В. Берви, автора книги: «Положеніе рабочаго класса въ Россіи» и др.

134 — 144. Сжатое изложеніе нѣкоторыхъ докладовъ Рачковскаго (1900 и 1901 г. г.) можно найти въ двухъ книжкахъ, изданныхъ А. Н. Суратъ, подъ заглавіемъ: «Обзоръ важнѣйшихъ дознаній» (отдѣлъ: «Положеніе эмиграціи»). Однако, въ обработкѣ автора этихъ «Обзоровъ» — жандармскаго генерала Шмакова, «доклады»

потеряли интимныя подробности, которыя въ подлинникахъ представляютъ наибольшій интересъ.

135 — 145. Вяземскій Леонидъ Дмитріевичъ, князь, былъ самъ въ числѣ пострадавшихъ отъ насилія полиціи, разгонявшей студентовъ.

136 — 145, 137 — 145, 138 — 145, 139 — 145, 140 — 145, 141 — 146. См. прим. 110.

142 — 146. Свѣдѣнія о томъ, что эмигранты Эрнестъ Ролау и Эдуардъ Скубикъ «пересылаютъ въ Россію революціонныя изданія въ весьма большихъ количествахъ» охрана имѣла еще въ декабрѣ 1900 г. Ролау былъ арестованъ, съ Иваномъ Клява, 21 іюня 1901 г., послѣ перехода границы, съ транспортомъ «преступныхъ изданій». При вторичномъ арестѣ, кажется въ 1906 году, Ролау былъ убитъ конвойными, подъ предлогомъ, что онъ «пытался бѣжать».

143 — 147. См. прим. 11.

144 — 148. См. прим. 13.

145 — 149. См. прим. 29 и 84.

146 — 149. См. прим. 22.

147 — 149. Свѣдѣнія о Мальцевой, Лебедевой и Пальчинской, шли, вѣроятно, изъ одного источника, повидимому — отъ Бейтнера.

148 — 149. См. прим. 46.

149 — 151. Утвержденіе Рачковскаго, что «дѣятельность народовольцевъ ему была въ точности извѣстна» пріобрѣтаетъ особое значеніе, при сопоставленіи его съ другими подобными же заявленіями (см. прим. 30).

150 — 152. «Вѣстникъ Русскихъ Революціонеровъ»— это «Вѣстникъ Русской Революціи» (см. прим. 5). Въ номерѣ 1-мъ «Вѣстника» (первое, несокращенное изданіе) на 95 и 96 страницахъ (отдѣлъ: «Современное обозрѣніе») было помѣщено воззваніе о содѣйствіи изданію бюллетеней относительно революціонныхъ событій и былъ указанъ адресъ Эмиля Бартельса (Шарлотенбургъ).

151 — 153, 152 — 156, 153 — 158. По категорическому утвержденію Ю. М. Нахамкиса — ни онъ, ни Шишко, ни Аркадакскій, (человѣкъ умѣренныхъ взглядовъ), ни Лазаревъ никакого отношенія къ затѣямъ Паули не имѣли и «онъ все дѣлалъ на свой страхъ». Повидимому, Паули дѣйствительно имѣлъ намѣреніе расправиться съ Рачковскимъ, но послѣдній узналъ о его замыслахъ. Какимъ путемъ? Хотя Рачковскій въ этой исторіи былъ довольно освѣдомленъ, но не могъ обойтись

безъ лганья, утверждая, напримѣръ, что Нахамкисъ подкарауливалъ его въ кафе и что Юдилевскій, защищая Паули, «упалъ въ обморокъ», чего на самомъ дѣлѣ не было. Кончилъ Паули позорно: отдавшись въ руки полиціи, онъ разсказалъ въ своихъ показаніяхъ все, что зналъ (по его оговорамъ привлекались къ дознанію Чарушниковъ и другія лица). Впослѣдствіи Паули жилъ въ Туркестанѣ, гдѣ редактировалъ какую-то газету.

154 — 158. Гартингъ Аркадій Михайловичъ, онъ же Ландезенъ, въ дѣйствительности Абрамъ Гекельманъ, завѣдывая берлинской агентурой, отличался тѣмъ, что успѣшно вербовалъ шпіоновъ; онъ хвалился, что передъ с.-д. съѣздомъ ему удалось «заагентурить» сразу трехъ сотрудниковъ; Гартингъ интриговалъ противъ Ратаева и, въ концѣ концовъ, занялъ его мѣсто, (по протекціи Рачковскаго, вернувшагося къ власти) и оставался завѣдывающимъ парижской агентурой до 1909 года, когда былъ, вслѣдствіе моихъ указаній, разобличенъ Бурцевымъ въ печати.

155 — 159, 156 — 159, 157 — 160, 158 — 160, 159 — 161. Докладъ Гартинга за № 201, основанъ, повидимому, на свѣдѣніяхъ сотрудника «Ростовцева»; по псевдониму и по другимъ даннымъ можно думать, что этотъ агентъ изъ бывшихъ дѣятелей Донского комитета и находился въ сношеніяхъ съ Ширманъ (стр. 159), Локерманомъ (стр. 160), «Степаномъ Ивановичемъ» (стр. 160), «важнымъ нелегальнымъ» (стр. 161) и др.

160 — 162. Свѣдѣнія о съѣздѣ—недурный образчикъ точности данныхъ «наружнаго наблюденія»: изъ числа зарегистрированныхъ соглядатаями участниковъ собраній у Чернова, Гоцъ, «пріѣхавшій на автомобилѣ», совсѣмъ на съѣздѣ не былъ, а Зеленскаго даже и не приглашали, «Филипповичъ» тоже не присутствовалъ и т. д. По заявленію В. М. Чернова охранителі ные дозоры «черезъ велосипедистовъ» — филерская выдумка.

161 — 163. Отсутствіе на съѣздѣ Азефа, «болѣзнь сотрудника» — все это похоже на то, что провокаторъ намѣренно уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей, опасаясь, вѣроятно, что излишняя освѣдомленность охранниковъ можетъ его провалить.

162 — 163, 163 — 163. Этимъ «сотрудникомъ» былъ Л. Бейтнеръ; послѣдній въ концѣ концовъ спровоцировалъ Кракова на покушеніе: далъ ему денегъ и пр. и тотъ поѣхалъ убивать министра Юстиціи Муравьева,

но, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ немедленно арестованъ съ браунингомъ въ карманѣ (въ іюлѣ 1904 г.)

164 — 164. Это мѣсто доклада свидѣтельствуетъ объ остротѣ вражды, которая существовала между дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ратаевымъ и коллежскимъ регистраторомъ Гартингомъ, кончившаяся тѣмъ, что послѣдній спихнулъ генерала и занялъ его мѣсто (см. прим. 154).

165 — 164. См. прим. 161.

166 — 164. Было бы хорошо, если бы сказавшій такую фразу соціалъ-демократъ вспомнилъ, кому онъ ее говорилъ.

167 — 165, 168 — 165. Разсказъ о послѣднихъ дняхъ Поливанова является яркимъ примѣромъ того, какъ Азефъ морочилъ свое начальство: Поливанова онъ хорошо зналъ до его пріѣзда въ Кимперлей (гдѣ именно Азефъ и «отдыхалъ»), такъ какъ они жили вмѣстѣ еще въ Парижѣ. На эту провокаторскую ложь было указано въ № 6-мъ «Революціонной Мысли».

169 — 177, 170 — 182. Это замѣчаніе Гартинга свидѣтельствуетъ еще разъ, что его сотрудникъ былъ очень близокъ съ Локерманомъ. Полнота свѣдѣній о съѣздѣ доказываетъ, что агентура стояла вплотную къ дѣлу. Донесенія Гартинга о Донскомъ Комитетѣ и съѣздѣ были мною даны, для снятія копій и принятія мѣръ къ выясненію шпіона, уполномоченнымъ Центральнаго Комитета россійской с.-д. рабочей партіи.

171 — 186. Свѣдѣнія Ратаева въ данномъ случаѣ неточны: никакихъ уединенныхъ — «съ глазу на глазъ» свиданій у Цилліакуса съ Мехелинымъ не было и засѣданія комиссіи у послѣдняго никогда не происходили; Hôtel de la Pérouse изъ членовъ конференціи посѣщали Долгоруковъ и Милюковъ для совѣщаній съ Мехелинымъ по совершенно другому поводу.

172 — 195. Отчетъ о конференціи доставленъ Азефомъ, лично въ ней участвовавшимъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ВЫПУСКУ I-му

ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ
„МИНУВШЕЕ"

Русскіе охранники въ Финляндіи.

Какъ извѣстно, въ основѣ внутренней политики русскаго правительства всегда лежалъ принципъ: „самодержавіе, православіе, народность“. Отъ этой мертвой формулы казенной государственности безпощадное время оставило очень мало. Абсолютизмъ такъ скомпрометировалъ себя, что не рѣшается уже выступать открыто въ горностаевой мантіи, а предпочитаетъ рядиться въ тогу „представительнаго строя“. Господствующая религія переживаетъ моментъ полнаго и несомнѣннаго разложенія. Такимъ образомъ, изъ краеугольныхъ камней, на которыхъ держался старый режимъ, сохранился лишь одинъ: „народность“. На этой базѣ хотятъ обосноваться сторонники автократической идеологіи, старающіеся какъ-нибудь спасти жалкія руины царизма.

Знамя „національной идеи“ водрузилъ впервые П. А. Столыпинъ; фиксаціей вниманія русскаго общества на этой проблемѣ покойный министръ расчитывалъ затѣнить вопросъ о преобразованіяхъ, выдвинутый освободительнымъ движеніемъ; онъ думалъ парализовать такимъ путемъ народную „смуту“.

Оффиціально поощряемая, щедро субсидируемая, пропаганда націонализма нашла себѣ почву въ умахъ, отравленныхъ горечью воспоминаній о позорныхъ дняхъ Мукдена и Цусимы; ею увлеклись и нѣкоторыя прогрессивныя группы русскаго общества; націонализмъ сдѣлался силою, оказывающей вліяніе на политику внутреннюю и внѣшнюю.

Но, будучи искусственно привитой, насильно внѣдряемой и съ опредѣленными политическими видами эксплу-

атируемой, идея новой государственности никакого національнаго „возрожденія“ не принесла; поступивъ на службу исключительно реакціоннымъ элементамъ, она быстро выродилась въ чисто націоналистическое движеніе, поставившее себѣ главной цѣлью подавленіе самостоятельности другихъ народностей, входящихъ въ составъ имперіи, систематическое и жестокое преслѣдованіе ихъ.

Въ числѣ многочисленныхъ пасынковъ державы россійской особымъ вниманіемъ націоналистическихъ круговъ всегда пользовалась Финляндія. Маленькій, трудолюбивый народецъ, культурность котораго не рѣшаются отрицать даже враги его, постоянно подвергался ожесточенной травлѣ со стороны реакціонной части русской прессы; финляндцевъ обвиняли и обвиняютъ въ ненависти къ русскимъ, имъ приписываютъ агрессивныя намѣренія, ихъ подозрѣваютъ въ сепаратизмѣ и т. д.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, русское правительство примѣняетъ по отношенію къ Финляндіи политику насильственной руссификаціи. Потерпѣвъ, на опытѣ Бобрикова, неудачу и сдѣлавъ въ революціонные годы нѣкоторыя уступки либеральнымъ требованіямъ, правительство, когда наступило „успокоеніе“, съ тѣмъ большей поспѣшностью вернулось къ системѣ „ежевыхъ рукавицъ“. Опираясь на реакціонное большинство третьеіюньской Государственной Думы, П. А. Столыпинъ и его сподвижники провели законы, грубо нарушившіе автономныя права финляндцевъ, отнявшіе часть ихъ территоріи, вызвавшіе рядъ актовъ вопіющаго неправосудія. Плодотворная дѣятельность законодательныхъ учрежденій страны была парализована; Финляндію наводнили шпіонами, въ ней размѣстили 80-ти тысячную армію (по солдату на 40 жителей!), за спиной которой генералъ Зейнъ водворяетъ русскіе „порядки“ — административное усмотрѣніе и безудержный произволъ...

Я прожилъ въ Финляндіи почти пять лѣтъ; былъ во

многихъ ея уголкахъ; какъ частное лицо — дачевладѣлецъ и какъ представитель оффиціальнаго міра, я имѣлъ непосредственное соприкосновеніе съ мѣстнымъ населеніемъ, находился съ нимъ въ частыхъ дѣловыхъ сношеніяхъ; меня знали и какъ чиновника департамента полиціи — учрежденія, не пользующагося симпатіями даже у русскихъ обывателей. И за весь долгій періодъ моего пребыванія въ Финляндіи я ни разу не встрѣтилъ со стороны мѣстнаго населенія простого недружелюбія, не только что оскорбленія, или насилія. Болѣе того — я не слышалъ правдивыхъ жалобъ на „финское засиліе“ даже отъ тѣхъ русскихъ людей, которые водворились въ Финляндіи на правахъ собственниковъ, хотя большинство ихъ принадлежало къ числу ура-патріотовъ.

Откуда же взялись недовѣріе и скрытая ненависть русскихъ оффиціальныхъ сферъ по отношенію къ финляндцамъ? На чемъ основана слѣпая боязнь передъ мирнымъ, безоружнымъ народомъ, уже доказавшимъ, что, не смотря на самое безцеремонное нарушеніе его правъ, онъ можетъ оставаться вполнѣ „законопослушнымъ“? Неужели центральная власть не знаетъ и не можетъ узнать о дѣйствительномъ настроеніи финляндскаго народа, объ его настоящихъ помыслахъ и желаніяхъ?

Русская правящая бюрократія привыкла знакомиться съ „духомъ народа“ при посредствѣ своихъ административныхъ органовъ; о политическомъ „состояніи умовъ“ населенія она судитъ обыкновенно по тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ ей вездѣсущая охранная организація. Представители послѣдней — русскіе жандармы, въ количествѣ одного генерала, 22-хъ офицеровъ, трехъ переводчиковъ, 20-ти вахмистровъ и 177 унтеръ-офицеровъ, покрываютъ наблюдательной сѣтью и Финляндію *). Секретные отзывы этой шпіонской

*) Въ Московской губерніи, почти равной по количеству населенія Финляндіи, всего 79 жандармскихъ чиновъ.

арміи и ложатся въ основу политики петербургскаго правительства по отношенію къ финляндцамъ. Конечно, представляется интереснымъ знать, что именно и какъ доносятъ эти русскіе охранники о результатахъ своихъ наблюденій?

Мнѣ не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Оффиціальное положеніе, которое я занималъ, дало мнѣ возможность подробно ознакомиться съ дѣятельностью русскихъ жандармовъ въ Финляндіи. Этому помогла, впрочемъ, одна случайность. Занимая въ Департаментѣ Полиціи должность Старшаго помощника дѣлопроизводителя—Завѣдывающаго Особымъ Отдѣломъ, руководящимъ, всѣмъ политическимъ сыскомъ въ Россіи, я послалъ, осенью 1905 года, партіи соціалистовъ-революціонеровъ письмо съ указаніемъ на предательскую роль видныхъ членовъ ея — Азефа и Татарова. Революціонеръ, получившій это письмо, показалъ его, вопреки тому, что я рекомендовалъ, „важному партійному дѣятелю“, котораго онъ зналъ подъ именемъ „Ивана Николаевича“. Этотъ „дѣятель“ былъ Азефъ. Послѣдній, прочитавъ письмо, немедленно сообщилъ обо всемъ Рачковскому.

Когда я явился на слѣдующій день послѣ того, какъ письмо было отправлено, въ Департаментъ Полиціи, Завѣдывающій Особымъ Отдѣломъ пригласилъ меня къ себѣ и подъ большимъ секретомъ сообщилъ о „несчастіи“, прося помочь выяснить автора анонимки. Выяснить было легко: переписку, изъ которой были заимствованы тайны, раскрытыя въ письмѣ, велъ я; здравый смыслъ подсказывалъ прямой выводъ; но смысла этого оказалось у департаментцевъ немного; исторія закончилась тѣмъ, что меня удалили изъ Департамента Полиціи, поручивъ завѣдывать финляндской розыскной агентурой, въ дѣйствительности несуществовавшей.

Назначеніе мое не имѣло серьезнаго характера. Я понималъ, что оно было мѣрой простой предосторожности. Однако, послѣ удаленія отъ центра розысковъ

дальнѣйшее мое пребываніе въ лагерѣ охранниковъ теряло смыслъ; я рѣшилъ уйти въ отставку, но назначеніе принялъ, такъ какъ оно меня временно устраивало: пользуясь въ новой роли большей свободой дѣйствій, я могъ съ полнымъ успѣхомъ подготовиться къ задуманному переселенію въ „предѣлы недосягаемости“. Кромѣ того, мнѣ представлялся случай выяснить организацію политическаго сыска въ Финляндіи, что мнѣ и удалось.

Въ моемъ распоряженіи имѣется немало секретныхъ донесеній и другихъ матеріаловъ, относящихся къ розыскамъ въ Финляндіи. Установилось прочное мнѣніе, что чины Корпуса Жандармовъ вообще не блещутъ умомъ и способностями; про финляндскихъ жандармовъ можно сказать, что въ этомъ отношеніи они отличаются лишь тѣмъ, что невѣжество ихъ и бездарность не знаютъ границъ. Можно себѣ вообразить, какіе перлы доносительной литературы создали эти „чины“, незнающіе страны, часто незнакомые съ мѣстнымъ языкомъ, презираемые всѣмъ населеніемъ и угнетаемые бездѣльемъ, такъ какъ даже дознаній, на которыхъ обычно выслуживаются жандармы, русскіе охранники въ Финляндіи не производятъ.

Нѣкоторыя донесенія стокгольмской агентуры Финляндскаго Ж. Управленія по своей дикости могутъ смѣло соперничать съ докладами Рачковскаго, приводимыми въ настоящей книгѣ. Донесенія эти будутъ опубликованы полностью, съ соотвѣтствующими комментаріями, въ слѣдующемъ выпускѣ библіотеки „Минувшее“. Здѣсь же, для примѣра, я приведу одинъ, основанный на такихъ „агентурныхъ свѣдѣніяхъ“, докладъ ротмистра Тунцельмана, отъ 8-го августа 1903 года, за № 674. Этотъ офицеръ, донося, что въ Стокгольмѣ образовался среди финляндскихъ изгнанниковъ „центръ“, пишетъ, что послѣдній постановилъ „не останавливаться передъ политическими убійствами“ и рѣшилъ „возложить всѣ надежды на русскую революціонную партію“; въ каче-

ствѣ главы этого центра въ донесеніи былъ названъ Лео Мехелинъ, а представителемъ его въ Финляндіи — фабрикантъ Августъ Черкнеръ. Такимъ образомъ однимъ росчеркомъ жандармскаго пера былъ превращенъ въ террориста и заговорщика Мехелинъ — старый конституціоналистъ, бывшій всегда противникомъ всякихъ насильственныхъ мѣръ и контакта съ русскими нелегальными дѣятелями, а мирный буржуа-эпикурееецъ сталъ вдругъ опаснымъ революціонеромъ, хотя Черкнеръ къ политикѣ имѣлъ лишь то отношеніе, что его жена доводилась сестрой Линдѣ Бремеръ, состоявшей на службѣ у русскихъ жандармовъ.

Часть документовъ, характеризующихъ подвиги русскихъ охранниковъ въ Финляндіи, я имѣлъ случай предать гласности по нижеслѣдующему поводу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Финляндіи возникло дѣло о членахъ спортивнаго общества „Войма“, по обвиненію ихъ въ подготовкѣ вооруженнаго возстанія. Исходной точкой для такихъ обвиненій послужили, между прочимъ, „циркуляры“, разсылавшіеся отъ имени помянутаго общества, за подписью его секретаря Эро Кальске. Въ свое время содержаніе этихъ „циркуляровъ“ было опубликовано на страницахъ „Новаго Времени“ въ качествѣ несомнѣннаго доказательства существованія у финляндцевъ сепаратистскихъ замысловъ. При разсмотрѣніи дѣла въ судѣ выяснилось, что инкриминируемые документы являются въ высшей степени сомнительными и обвиняемые были оправданы.

Прошли годы — времена перемѣнились: въ Россіи утвердился „правовой строй“, въ Финляндіи воскресъ бобриковскій режимъ и на сцену выплыло старое дѣло о „Воймѣ“. При новомъ разсмотрѣніи дѣла въ абосскомъ гофгерихтѣ весной прошлаго года обнаружилось одно важное обстоятельство: свидѣтельскими показаніями было установлено, что знаменитые „циркуляры“ за подписью Эро Кальске писалъ начальникъ одной же-

лѣзнодорожной станціи—Ило, заподозрѣнный въ томъ, что онъ состоялъ агентомъ Финляндскаго Жандармскаго Управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ защитѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкоторыя свѣдѣнія по дѣлу „Воймы“ имѣются въ моемъ распоряженіи. По ходатайству обвиняемыхъ, разсмотрѣніе дѣла было отложено до полученія ими дополнительныхъ свѣдѣній. Въ сентябрѣ 1913 года я былъ допрошенъ по этому дѣлу въ Стокгольмѣ; черезъ мѣсяцъ мои свидѣтельскія показанія были оглашены въ засѣданіи абосскаго суда по дѣлу „Воймы“; они вполнѣ совпали съ тѣми данными, которыя установило отчасти и судебное слѣдствіе; обвиняемые были вновь оправданы.

Выдержки изъ моихъ показаній были опубликованы въ финскихъ и шведскихъ газетахъ. Въ русской прессѣ содержаніе этихъ показаній было приведено нѣкоторыми изданіями, но — страха ради цензурнаго — въ неполномъ видѣ. Нельзя объ этомъ не пожалѣть. Дѣло въ томъ, что извѣстная часть русскаго общества, даже не принадлежащая къ черносотеннымъ элементамъ, отдавая дань модной идеѣ ложно понятаго національнализма, тоже страдаетъ нѣкоторыми предразсудками относительно политическаго положенія въ Финляндіи, что, несомнѣнно, является результатомъ плохой освѣдомленности о фактическомъ положеніи дѣла въ Великомъ Княжествѣ.

Приведимыя ниже, съ небольшими сокращеніями, показанія мои по дѣлу о „Воймѣ“ могутъ дать русскому общественному мнѣнію нѣкоторый матеріалъ для выработки правильнаго сужденія о томъ, откуда и какъ возникаютъ легенды о „сепаратизмѣ“ финляндцевъ, объ ихъ подготовкѣ къ „возстанію“ и т. д. Это является тѣмъ болѣе необходимымъ, что и впереди несчастную страну ждутъ, очевидно, тяжкія испытанія, являющіяся послѣдствіемъ клеветнической кампаніи, которая противъ нея ведется репрессивной прессой. Не напрасно „истинно-

русскіе“ Дейтрихи и Коревы *) кричатъ уже (послѣдній съѣздъ объединеннаго дворянства, дирижирующаго внутренней политикой правительства), что пора „выдѣлить“ всю Выборгскую губернію, въ виду того, что „изъ Теріокъ можно обстрѣливать Петербургъ“!

Свидѣтельскія показанія по дѣлу „Воймы“.

„Первыя свѣдѣнія о дѣятельности русскихъ сыскныхъ органовъ въ Финляндіи я почерпнулъ изъ письменныхъ и устныхъ сообщеній начальника Выборгскаго охраннаго отдѣленія Борисова. Эти свѣдѣнія пополнились во время моихъ поѣздокъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ я имѣлъ бесѣды съ начальникомъ Финляндскаго Жандармскаго Управленія генераломъ Фрейбергомъ и его помощниками: Тунцельманомъ, Лявданскимъ, Кунаковымъ и другими. Вступивши, въ началѣ 1906 года, въ завѣдываніе розыскной агентурой въ Финляндіи, я не замедлилъ переговорить со всѣми лицами, которыя могли имѣть отношеніе къ дѣлу и такимъ образомъ передо мною вырисовалась картина организаціи политическаго розыска въ Финляндіи того времени.

Собственно постояннымъ розыскнымъ органомъ въ Финляндіи являлось Жандармское Управленіе. Послѣднее, однако, не смотря на свое долговременное существованіе, не съумѣло пустить корней въ странѣ. Финляндское Жандармское Управленіе, будучи совершенно чуждымъ интересамъ мѣстнаго населенія, которое не хотѣло и не могло имѣть ничего общаго съ подобнымъ учрежденіемъ,

---

*) Н. Н. Корево—предсѣдатель особой комиссіи по дѣламъ о Финляндіи. По дѣлу каракозовцевъ былъ извѣстенъ Корейво, который, состоя, въ 60-хъ годахъ, студентомъ Московскаго университета, занимался доносами на товарищей. Не этотъ ли герой достигъ нынѣ „степеней извѣстныхъ?“.

всегда оставалось, такъ сказать, висящимъ въ воздухѣ и принуждено было пользоваться, въ качествѣ агентурныхъ свѣдѣній, газетными и обывательскими сплетнями, вздорными слухами, которые улавливали невѣжественные жандармскіе унтеръ-офицеры, и лживыми доносами немногочисленныхъ „ освѣдомителей “ — людей большей частью самой низкой нравственности.

Однимъ изъ любимыхъ занятій финляндскихъ жандармовъ было сообщеніе цитатъ изъ различныхъ повременныхъ изданій, выходившихъ за границей, какъ, напримѣръ: „Fria Ord“, „L'Europeen“, „Veckans Nyheter“, „Politiken“, „Norrtelje Tidning“ и пр. Выдержки эти тщательно собирались, тенденціозно переводились, но къ Финляндіи имѣли весьма косвенное отношеніе.

Я перечиталъ сотни донесеній Финляндскаго Жандармскаго Управленія и меня всегда поражала ихъ фактическая безсодержательность. Въ нихъ постоянно фигурировали свѣдѣнія о провозѣ оружія, о военныхъ приготовленіяхъ финляндцевъ, о близкомъ возстаніи ихъ и т. д., но свѣдѣнія эти имѣли всегда общій, суммарный характеръ и никакихъ конкретныхъ указаній не заключали. У меня сохранилось много копій такихъ донесеній и я могу привести дословно содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Вотъ, въ выдержкахъ, донесенія Начальника Финляндскаго Жандармскаго Управленія (за 1906 годъ).

1) Отъ 12-го января, за № 27: „На одномъ изъ острововъ близъ Бьерке, Выборгской губерніи, передъ самыми заморозками, выгружено до 5 тысячъ винтовокъ новѣйшаго образца и когда ледъ сталъ, этотъ грузъ былъ перевезенъ неизвѣстными лицами по направленію къ Выборгу “.

2) Отъ 13-го января (телеграмма): „По агентурнымъ свѣдѣніямъ изъ Финляндіи отправлена въ Петербургъ

партія оружія, спрятаннаго на возахъ съ дровами, можетъ быть въ вагонахъ".

3) Отъ 15-го января, за № 37: „Финляндія нынѣ окончила свое разоруженіе, отправивъ водворенныя въ послѣднее время въ край винтовки и большинство револьверовъ въ Имперію. Осталось лишь 7000 винтовокъ въ Улеаборгской губерніи... Проданное оружіе оплачено щедро и на вырученную сумму заграницей сдѣланъ новый заказъ винтовокъ, но уже болѣе усовершенствованнаго образца. Въ настоящее время производится усиленное снабженіе С.-Петербурга динамитомъ и револьверами системы Браунинга... Контрабанда отправляется въ числѣ разнаго товара и, между прочимъ, въ тюкахъ съ замороженною салакою *), на станцію Теріоки".

4) Отъ 21-го января, за № 57: „19-го января изъ города Выборга отправлено два воза съ оружіемъ (ружья и револьверы). Изъ Райсяля это оружіе въ Понедѣльникъ, 23 января, будетъ отправлено, въ возахъ съ сѣномъ, въ Россію; сани, на которыхъ повезется сѣно, имѣютъ двойное дно и тамъ будетъ уложено оружіе **).

5) Отъ 26-го января, за № 69: „Изъ города Гамла-Карлебю отправленъ транспортъ огнестрѣльнаго оружія и динамита, при чемъ, какъ передаютъ агентурныя свѣдѣнія, въ городѣ Або сильно безпокоились о благополучномъ исходѣ этого дѣла".

6) Отъ 27-го января, за № 73: Въ одномъ изъ Абосскихъ клубовъ состоялось собраніе, на которомъ выяснилось, что въ Финляндіи сосредоточено 35,000 револьверовъ Браунинга... Оружіе это находится въ разныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ городахъ Таммерфорсѣ

*) Насколько извѣстно, салака переправляется не въ тюкахъ, а въ боченкахъ, и соленой, а не замороженной.

**) Эти свѣдѣнія были доставлены агентомъ Пекка (Петромъ Контіаненъ, участвовавшимъ, 30 августа 1906 г., въ ограбленіи желѣзнодорожной кассы.

и Ловизѣ, на станціи Чакласъ (на линіи Гельсингфорсъ-Карисъ) и станціи Голицино (на линіи Выборгъ-Бѣлоостровъ); здѣсь оно хранится въ погребѣ подъ картофелемъ ".

7) Отъ 3-го февраля, за № 91: „Финляндцы отлично вооружены и имѣютъ до 200,000 людей, обученныхъ военному дѣлу, которые съ нетерпѣніемъ ждутъ открытія военныхъ дѣйствій ".

8) Отъ 7-го февраля, за № 98: „Въ одномъ изъ Абосскихъ клубовъ собралось до 30-ти человѣкъ мѣстной революціонной партіи, въ числѣ которыхъ значительный элементъ составляли банковскіе дѣятели... Изъ происходившихъ на собраніи разговоровъ видно, что сдѣланъ значительный заказъ револьверовъ системы Браунинга, револьверы эти изъ Антверпена будутъ доставлены въ Финляндію на двухъ пароходахъ, изъ коихъ назвали „Патріа". Небольшая часть ихъ будетъ отправлена въ городъ Выборгъ, въ апельсинныхъ ящикахъ, а главная масса, на пароходахъ, въ г. Ревель. Послѣ этого начинается новое вооруженіе Финляндіи, для чего заказаны винтовки самаго усовершенствованнаго образца, по разсчету на 200,000 человѣкъ... Въ это время на столѣ фигурировалъ патронъ этой винтовки съ продолговатою пулею ".

9) Отъ 14 февраля, за № 105: „Согласно слухамъ, спортовый магазинъ Маннерстама выписалъ 10,000 ружей ".

10) Отъ 27-го февраля, за № 118: „Вооруженіе края производится весьма усиленно. Изъ заказанныхъ 200,000 револьверовъ въ настоящее время получено 25,000 и въ концѣ марта ожидается новый транспортъ изъ города Антверпена, на пароходѣ „Стетинъ". Выгрузка будетъ произведена около города Котки, на льду"... *).

*) Въ это время года пароходы въ Коткѣ совсѣмъ не пристаютъ.

Приведенныя донесенія Начальника Финляндскаго Ж. Управленія касаются лишь двухъ мѣсяцевъ; если вѣрить жандармамъ, даже за этотъ краткій періодъ времени была ввезена и заказана масса оружія, котораго хватило бы на огромную армію: донесенія пестрятъ цифрами: 5,000, 7,000, 200,000 винтовокъ, 25,000, 35,000, 200,000 револьверовъ... И ни въ одномъ донесеніи нѣтъ точныхъ указаній, по которымъ можно было бы провѣрить, насколько правдивы эти „агентурныя свѣдѣнія". Не мудрено, поэтому, что, не смотря на то, что оружіе шло, будто-бы, огромными партіями: и въ возахъ, и въ вагонахъ, и на пароходахъ, что оно пряталось и въ дровахъ, и въ салакѣ, и подъ картофелемъ — по свѣдѣніямъ жандармовъ не было задержано даже пары плохенькихъ револьверовъ и не только за январь и февраль мѣсяцы 1906 года, но и за всѣ революціонные годы!...

Эта лживость сообщеній Финляндскаго Ж. Управленія объясняется характеромъ агентурныхъ источниковъ, изъ которыхъ оно черпало матеріалъ для своихъ донесеній. Среди культурнаго и патріотически настроеннаго населенія Финляндіи ни жандармское управленіе, ни существовавшее короткое время въ Выборгѣ (въ 1902 г.) охранное отдѣленіе, обзавестись сколько-нибудь „приличной" агентурой не могли: людей, согласныхъ продать свою совѣсть и свою родину, почти не находилось; помогать охранникамъ соглашались главнымъ образомъ люди испорченные и ничтожные.

Такъ, у Борисова былъ единственный „сотрудникъ" фотографъ Харфъ, котораго онъ въ концѣ концовъ прогналъ за пьянство.

У ротмистра Лявданскаго, завѣдывавшаго розысками по Нюландской губерніи, главнымъ агентомъ являлся Юганъ Хегдаль, жившій въ домѣ № 8, по Винкельской улицѣ, въ Гельсингфорсѣ. Про этого „агента" самъ Лявданскій въ имѣющемся у меня письмѣ отзывается

такъ: „человѣкъ онъ не важный, даже и очень... Надо быть съ нимъ осторожнымъ...“ Хотя Хегдаль и учился въ университетѣ, но опустился настолько, что за подачку въ 5 марокъ готовъ былъ написать доносъ на родного отца. Въ донесеніяхъ этого „агента“ неизбѣжно фигурировали оружіе и динамитъ, хотя онъ вообще ничего особеннаго знать не могъ, такъ какъ отъ него всѣ сторонились, какъ отъ человѣка падшаго.

Другой агентъ жандармскаго управленія, а потомъ Департамента Полиціи, Линда Бремеръ, жившая въ Стокгольмѣ, писала очень обширныя сообщенія, въ которыхъ ничего, кромѣ общихъ разсужденій, догадокъ и собственныхъ ея измышленій не было и быть не могло, такъ какъ она не занимала никакого положенія, которое ей позволяло бы имѣть хотя бы элементарную освѣдомленность о конспиративныхъ дѣлахъ. Бремеръ была, повидимому, особой ненормальной и попала впослѣдствіи въ пріютъ для душевнобольныхъ.

Болѣе солиднымъ освѣдомителемъ у жандармовъ былъ нѣкій Ройне*), редактировавшій какую-то народную газетку и завербованный въ агенты ландсъ-секретаремъ Рейнботомъ. Однако, роль Ройне была вскорѣ обнаружена и онъ скрылся въ Россію, гдѣ сталъ писать доносы на Финляндію въ газетѣ „Новое Время“.

Нельзя сказать, чтобы въ Департаментѣ Полиціи очень вѣрили донесеніямъ Финляндскаго Ж. Управленія о вооруженіяхъ, готовящемся возстаніи и пр. Слишкомъ очевидно было, что сообщаемыя свѣдѣнія раздуты и отзываютъ сплошной выдумкой. Потому Департаментъ Полиціи не принималъ обыкновенно по нимъ никакихъ особыхъ мѣръ. Тѣмъ не менѣе эти донесенія охотно использовывались, когда нужны были соотвѣтствующія справки при рѣшеніи вопросовъ, касавшихся Финляндіи. Въ этомъ

*) Рейне Ройне, магистръ философіи, теперь вернулся въ Финляндію и назначенъ инспекторомъ школъ въ округѣ Котки.

случаѣ „пятимарочныя“ свѣдѣнія разныхъ Хегдалей учитывались, какъ цѣнныя и достовѣрныя свидѣтелства.

Получивъ порученіе завѣдывать финляндской розыскной агентурой и рѣшивъ уйти въ отставку, я занялся почти исключительно личными дѣлами: устраивалъ свою дачу для семьи и разбирался въ своихъ бумагахъ, приготовляя ихъ къ переправѣ за границу. Въ моемъ распоряженіи тогда находились два агента „внутреннихъ“: прапорщикъ Конрадъ Шубертъ, который, желая выслужиться, писалъ кляузы на своихъ сослуживцевъ, и еврей Борисъ Зайдъ, жившій въ Гельсингфорсѣ, посылавшій мнѣ длинныя, безсодержательныя посланія. Ничего изъ сообщеній этихъ „агентовъ“ Департаменту Полиціи я не сообщилъ и письма ихъ хранятся у меня до сего времени. Обращался еще съ предложеніемъ шпіонскихъ услугъ какой-то переводчикъ при Выборгской консисторіи Щестный, но ходатайство его, какъ личности совершенно темной, было оставлено безъ всякаго вниманія.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ въ моемъ распоряженіи были четыре агента для наружнаго наблюденія: Василій Акуловъ, бывшій гельсингфоргскій городовой Питке, прогнанный со службы констабль въ Келломякахъ Карелинъ и мелкій торгашъ Карнышевъ. Филеры эти, за отсутствіемъ дѣла, занимались преимущественно пьянствомъ. Черезъ 8 мѣсяцевъ моего пребыванія въ Финляндіи „агентура“ была упразднена и я былъ командированъ въ Варшаву; по возвращеніи оттуда я подалъ въ отставку, а лѣтомъ 1909 года уѣхалъ за границу, гдѣ занялся разоблаченіемъ провокаторовъ (Азефъ, Батушанскій, Жученко, Розенбергъ, Каплинскій, Гартингъ и много другихъ).

Собственно, начиная съ 1905 года, фактически, розыски въ Финляндіи вело Петербургское охранное отдѣленіе, которое постоянно держало тамъ своихъ агентовъ, въ томъ числѣ многихъ филеровъ, знавшихъ мѣстные

языки, какъ примѣръ: Гурьяновъ, Александровъ, Лазаревъ (онъ-же Кержнеръ) и Артуръ Рекстинъ, который большей частью жилъ въ Бѣлоостровѣ. Въ распоряженіе Петербургскаго охраннаго отдѣленія поступили и нѣкоторые изъ бывшихъ финляндскихъ полицейскихъ, скрывшихся во время переворота въ Россію, съ которыми мнѣ пришлось вести переговоры. Объ этомъ стоитъ разсказать подробнѣе.

Въ концѣ лѣта того-же 1906 года Директоръ Департамента Полиціи Трусевичъ вызвалъ меня въ Петербургъ и, выслушавши мой докладъ, сказалъ: „Знаете-ли вы Пеконена, бывшаго начальника сыскной полиціи въ Гельсингфорсѣ? Онъ живетъ теперь въ Петербургѣ; это ловкій человѣкъ и можетъ многое сдѣлать. Вамъ надо съ нимъ поговорить. Только имѣйте въ виду: финляндцы его ищутъ для привлеченія къ суду за растраты, онъ скрывается здѣсь нелегально и потому, если обнаружится, что мы съ нимъ вошли въ сношенія, выйдетъ скандалъ и я заранѣе умываю руки. Я все свалю тогда на васъ“.

Это наглое заявленіе Директора Департамента Полиціи я оставилъ безъ возраженія, такъ какъ все равно рѣшилъ покинуть службу и, кромѣ того, хотѣлъ посмотрѣть бывшаго начальника финляндскихъ сыщиковъ. Съ Пеконеномъ я встрѣтился въ квартирѣ бывшаго гельсингфорсскаго полицейскаго Фонъ-Гросса, занимавшаго тогда должность младшаго помощника пристава въ Петербургѣ; онъ служилъ переводчикомъ, такъ какъ мой собесѣдникъ объяснялся по-русски несвободно.

Изъ разговора съ Пеконеномъ я вынесъ впечатлѣніе, что онъ человѣкъ неумный, нахальный и злой; относительно финляндцевъ онъ говорилъ съ нескрываемой ненавистью и увѣрялъ, что, пользуясь своими связями, можетъ навербовать агентовъ въ Финляндіи „сколько угодно“, для чего даже готовъ былъ поѣхать туда, разумѣется — инкогнито. Пеконенъ объяснилъ, что по

пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ прикомандированъ къ сыскному отдѣленію, гдѣ ему выдали паспортъ на чужую фамилію, по которому онъ и поселился на Васильевскомъ островѣ*). Пеконенъ посовѣтывалъ мнѣ познакомиться еще съ однимъ бывшимъ финляндскимъ чиновникомъ, ушедшимъ послѣ переворота въ отставку**). Вмѣстѣ съ Пеконеномъ я былъ у этого чиновника; онъ жилъ въ дачной мѣстности „Шувалово", гдѣ у него была собственная дача; изъ бесѣды съ нимъ я узналъ, что онъ информируетъ газету „Новое Время" по финляндскимъ дѣламъ, руководствуясь желаніемъ отомстить финляндскимъ „сепаратистамъ" за какія-то обиды, ему причиненныя.

Болѣе я Пеконена и его друзей не видѣлъ, такъ какъ вскорѣ уѣхалъ въ Польшу. Послѣ этого руководство розысками въ Финляндіи было сосредоточено въ Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи, которое посылало въ Выборгъ и Гельсингфорсъ своихъ особыхъ „завѣдывающихъ"; въ такой роли былъ одно время извѣстный провокаторъ Доброскокъ, а въ позднѣйшее время — чиновникъ, изъ бывшихъ филеровъ, Ксензенко. Кромѣ того въ Выборгъ былъ командированъ, въ качествѣ „имперскаго чиновника" Егоръ Сачковъ, служившій когда-то городовымъ московской полиціи, а потомъ сыщикомъ въ охранѣ. Впослѣдствіи я слышалъ, что къ Петербургскому охранному отдѣленію были прикомандированы Пеконенъ и Фонъ-Гроссъ...

Я остановился такъ подробно на деталяхъ организаціи и дѣятельности русской политической полиціи въ Финляндіи затѣмъ, чтобы было вполнѣ понятно убогое и ненормальное положеніе въ этой организаціи Финлянд-

---

*) Пеконенъ Вильгельмъ Адольфовъ, жилъ въ Петербургѣ въ кв. 38, д. No. 9—2, по Каменноостровскому проспекту. Теперь состоитъ полиціймейстеромъ въ Выборгѣ.

**) Терпквистъ Константинъ Петровъ, бывшій Теріокскій ленсманъ.

скаго Жандармскаго Управленія и чтобы была ясна особая роль, которую оно играло. Генералъ Фрейбергъ и его помощники, сообщая фантастическія свѣдѣнія о вооруженіяхъ финляндцевъ, знали, что они этимъ угождаютъ высшему начальству, которое уже съ 1906 года стало подготовлять почву для аннексіи части Выборгской губерніи (рѣчь шла даже о перенесеніи таможни на Куовала). Но финляндскіе жандармы не могли не понимать, что Департаменту Полиціи нужны были и болѣе реальные результаты ихъ дѣятельности, такъ какъ являлось несомнѣннымъ, что русскимъ революціонерамъ удавалось иногда провозить черезъ Финляндію небольшія партіи оружія. Что дѣятельность жандармовъ въ Финляндіи Департаментъ Полиціи находилъ неудовлетворительной, видно изъ того, что наряду съ ними тамъ работало охранное отдѣленіе, учреждались особыя агентуры, туда посылались спеціальные люди, напримѣръ, жандармскій полковникъ Шредель и т. д.*) Среди жандармовъ въ Финляндіи поговаривали даже о предстоящемъ упраздненіи ихъ управленія. Опасеніе лишиться мѣстъ, нетребующихъ большого труда и оплачиваемыхъ къ тому-же золотомъ, заставляло сотрудниковъ генерала Фрейберга все увеличивать размѣры прибывающихъ и заказываемыхъ (въ ихъ донесеніяхъ) браунинговъ и винтовокъ. Дойдя до ни съ чѣмъ несообразной цифры 200.000 обученныхъ военному дѣлу и вооруженныхъ финлянцевъ, жандармы сообразили, что дальше идти некуда. Тогда-то и появились на сцену новыя, не менѣе устрашающія свѣдѣнія о скорострѣльныхъ пушкахъ и пулеметахъ, но преподнесенныя уже совершенно въ другой формѣ.

Когда я, въ качествѣ завѣдывающаго финляндской розыскной агентурой, знакомился съ матеріалами, которые имѣло Финляндское Ж. Управленіе и съ тѣми источниками,

---

*) Позднѣе былъ командированъ полковникъ Карлъ-Рудольфъ Карловичъ Утгофъ.

изъ которыхъ оно добывало ихъ, меня очень заинтересовали свѣдѣнія о таинственномъ сообществѣ „Войма“ (въ переводѣ на русскій языкъ—„Сила“). Свѣдѣнія эти представлялъ исключительно помощникъ Начальника Финляндскаго Ж. Управленія ротмистръ Вячеславъ Лявданскій. Названный офицеръ завѣдывалъ агентурой управленія и мнѣ приходилось съ нимъ имѣть длинные разговоры.

Когда ротмистръ Лявданскій разсказалъ мнѣ о „Воймѣ“, я, ранѣе неимѣвшій объ этой организаціи никакого понятія, сначала повѣрилъ ему и даже сообщилъ полученныя свѣдѣнія въ Департаментъ Полиціи. Однако, прочитавъ внимательно данныя мнѣ потомъ Лявданскимъ переводы воззваній, разсылавшихся, какъ онъ мнѣ объяснилъ, обществомъ „Войма“, я тогда же убѣдился, что эти воззванія—несомнѣнная и весьма грубая фальсификація, о чемъ доложилъ подробно Департаменту Полиціи, которому мой докладъ не понравился.

Когда я проштудировалъ вышеупомянутыя воззванія, для меня стало совершенно ясно, что они являются или бредомъ сумасшедшаго, или крайне неумѣлой поддѣлкой какого-нибудь шутника. Даже неопытный человѣкъ могъ замѣтить недѣловитость воззваній, говорившихъ такъ несерьезно о такихъ важныхъ матеріяхъ, какъ динамитъ и пушки; странная болтливость составителей воззваній сразу бросается въ глаза. Въ листкахъ все было какъ-бы лишнимъ, приплетеннымъ съ какой-то посторонней цѣлью. Въ одномъ изъ листковъ ни съ того ни съ сего говорится, что финляндцамъ предстоитъ „отдѣленіе отъ Россіи и заключеніе уніи съ однимъ изъ цивилизованныхъ государствъ“; о „союзѣ“ съ такимъ государствомъ упоминается и въ воззваніи „Къ финскимъ гражданамъ союза „Сила“. Авторы воззванія пишутъ еще о „способныхъ дипломатахъ“, которые „стараются ослѣпить русское правительство“; о томъ, что „выгоняютъ бобриковскихъ ассесоровъ изъ главнаго таможеннаго

управленія"; что, не смотря на запрещеніе Монарха, вынуждаютъ уходить незаконныхъ чиновниковъ"; что „природа, крайне пересѣченная мѣстность и климатъ будутъ благопріятствовать возставшимъ финнамъ"; что Лангофъ „не отступаетъ отъ Государя", а Герардъ является „плохимъ русскимъ патріотомъ" и т. д.

На первый взглядъ представлялось совершенно непонятнымъ, почему въ прокламаціяхъ, обращенныхъ къ финнамъ, съ призывомъ „Смерть, или побѣда", авторы распространяются о всѣмъ извѣстной „пересѣченной мѣстности", объ обиженныхъ ассесорахъ, о неисполненіи воли Монарха и пр. Но для меня все сдѣлалось яснымъ, когда я сдѣлалъ предположеніе, что воззванія имѣли въ виду вовсе не тѣхъ, къ кому они были обращены, и что цѣль ихъ была совершенно особая.

Къ высказанному предположенію я пришелъ путемъ тщательнаго анализа текста воззваній. Рядъ побочныхъ обстоятельствъ убѣдилъ меня, что я не ошибся. Когда у меня зародилось подозрѣніе, что воззваніе „Истинные друзья отечества" и др. являются фальсификаціей, я сталъ выяснять, какимъ путемъ они попали къ ротмистру Лявданскому. Послѣдній, въ виду моего положенія завѣдывающаго розыскной агентурой въ Финляндіи, былъ обязанъ знакомить меня со всѣми своими секретными источниками. Когда Лявданскій объяснилъ мнѣ, что воззванія „Воймы" доставилъ ему одинъ сотрудникъ-финнъ, я заявилъ желаніе познакомиться съ нимъ. Лявданскій отнесся къ моему намѣренію весьма уклончиво; сначала онъ отговаривался тѣмъ, что агентъ его говоритъ только по-фински; на это я заявилъ, что могу объясниться съ нимъ при помощи переводчика; тогда Лявданскій сказалъ, что сотрудникъ не можетъ пріѣхать, такъ какъ, будучи начальникомъ желѣзнодорожной станціи, онъ не имѣетъ права отлучиться отъ службы. Когда я выразилъ намѣреніе съѣздить на свиданіе съ агентомъ, Лявданскій заявилъ, что онъ живетъ далеко—въ Куопіо. Въ другой

разъ я сказалъ Лявданскому, что имѣю время съѣздить и въ Куопіо, но онъ сталъ мнѣ доказывать, что тамъ русскіе такъ рѣдко бываютъ, что мое свиданіе съ агентомъ можетъ его провалить. Такъ я и не добился возможности лично увидѣть таинственнаго сотрудника ротмистра Лявданскаго. Однако, въ разговорѣ съ послѣднимъ я высказалъ свое мнѣніе о томъ, что считаю воззванія „Воймы", доставленныя агентомъ изъ Куопіо, апокрифическими. На это Лявданскій возразилъ: сотрудникъ этотъ вѣрный человѣкъ, онъ даже денегъ беретъ мало, самъ онъ старофиннъ и такъ не любитъ революціонеровъ, что готовъ бороться съ ними „всѣми средствами"...

Нежеланіе Лявданскаго свести меня съ его агентомъ, доставлявшимъ сомнительныя прокламаціи, заставило меня отнестись къ этому дѣлу еще внимательнѣе, тѣмъ болѣе, что въ это же время обнаружилось одно обстоятельство, о которомъ Лявданскій мнѣ ничего не сказалъ. Въ качествѣ завѣдывающаго агентурой въ Финляндіи я получилъ, отъ Деп. Полиціи, для свѣдѣнія, копію, сдѣланную на почтѣ, одного письма, посланнаго 28-го февраля 1906 года изъ Гельсингфорса и адрессованнаго на имя Анатолія Антоновича Рейнбота, въ Петербургъ, по адресу: 1-я рота, 4, кв. 8. Съ подписи автора этого письма почтовой цензурой былъ сдѣланъ калькированный снимокъ, воспроизведенный и на имѣющейся у меня копіи. По начертанію подписи и содержанію корреспонденціи я сразу догадался, что авторомъ ея былъ Лявданскій. Это было нетрудно установить еще и потому, что адресатъ письма, писавшій, какъ мнѣ было извѣстно, статьи въ газетѣ „Новое Время", являлся отцомъ бывшаго нюландскаго ландсъ-секретаря Рейнбота, съ которымъ Лявданскій былъ особенно близокъ. Сходство почерка подписи, добытой перлюстраціей, съ подписью имѣвшагося у меня, упомянутаго выше, письма о Хегдалѣ, не составляло сомнѣнія въ томъ, что корреспонденція къ А. А. Рейн-

боту была писана ротмистромъ Лявданскимъ. Эта корреспонденція, къ тому же, касалась именно общества „Воймы“, противъ котораго ополчился Лявданскій; въ письмѣ сообщался текстъ, въ переводѣ съ финскаго языка, воззванія „Истинные друзья отечества“, о которомъ у меня рѣчь шла выше. Было очевидно, что ротмистръ Лявданскій не только дѣлалъ доклады своему начальству, но и освѣдомлялъ сотрудника газеты, занимавшейся спеціально травлей финляндцевъ и вообще русскихъ инородцевъ.

И дѣйствительно, въ „Новомъ Времени“ вскорѣ появилось мнимое воззваніе „Воймы“, полученное Рейнботомъ, что и послужило началомъ той агитаціи, которая привела къ процессу, свидѣтелемъ въ которомъ приходится быть и мнѣ.

Что ротмистръ Лявданскій былъ постояннымъ информаторомъ газеты „Новое Время“ видно изъ другихъ перлюстрацій писемъ къ тому-же А. А. Рейнботу. Чтобы понять характеръ этихъ информацій, я приведу здѣсь выписки изъ двухъ такихъ корреспонденцій. Въ одномъ письмѣ, отъ 12-го марта 1906 года, Лявданскій пишетъ: „Прошлую недѣлю красная гвардія точила шашки, но на руки онѣ пока не розданы. Приготовленія къ забастовкѣ идутъ во всю, но наружно все тихо; ожидаютъ забастовки въ Россіи и тогда Финляндія себя покажетъ. Необходимо, чтобы наше правительство опять не уснуло, а то дѣло будетъ плохо“.

Въ другомъ письмѣ, за подписью „В. Л.“, отъ 22-го марта того-же года, сообщается: „При семъ приложеніе. Посылаю Вамъ афишу, которая на-дняхъ была выставлена во многихъ магазинахъ и обѣщаетъ пренаглое издѣвательское представленіе надъ бѣдными людьми, которымъ такъ отъ финляндцевъ не поздоровится. Про общество „Сила“ могу сказать, что теперь у меня имѣется доказательство, что это общество существуетъ, такъ какъ имѣются вырѣзки изъ провинціальныхъ га-

вѣтъ, гдѣ это общество публикуетъ о своихъ собраніяхъ *). Вообще интереснаго матеріала для корреспонденціи есть много, но все это крайне неудобно пересылать по почтѣ. Изъ всего видно, что финляндцы крѣпко приготовляются къ недоброму. Выписка изъ приложенной афишки (переводъ со шведскаго): „Телеграмма. Всемірнаго мира и всеобщаго обезоруженія искренно желаетъ общество гимнастики и спорта „Геркулесъ", которое съ этой цѣлью приглашаетъ всѣхъ гельсингфорсскихъ жителей, отъ 16 — 40 лѣтъ, у которыхъ привита оспа, на собраніе въ Нюландскій домъ, въ субботу, 7-го апрѣля, въ 8 часовъ вечера. Марокскій вопросъ будетъ рѣшенъ актеромъ Э. Степманомъ". Подъ лицами, которымъ привита оспа, на здѣшнемъ жаргонѣ подразумѣваются лица, записавшіяся къ какимъ-либо кружкамъ народнаго возстанія".

Изъ приведенныхъ документовъ видно, что офицеры Финляндскаго Ж. Управленія, не ограничиваясь докладами о вооруженіи двухсотъ-тысячъ финляндцевъ, старались еще „будить" правительство при помощи услужливой черносотенной прессы, прибѣгая къ своимъ излюбленнымъ средствамъ запугиванія „отточенными шашками", предстоящими забастовками и т. п. Больное воображеніе Лявданскихъ до того привыкло къ фантасмагоріямъ, что въ собраніи людей, заявляющихъ себя друзьями мира и разоруженія оно заподазривало сборище повстанцевъ, въ полушутливомъ объявленіи усматривало чуть-ли не прокламацію, а въ прививкѣ оспы видѣло заразу революціи.

Сопоставленіе содержанія воззваній, приписанныхъ ротмистромъ Лявданскимъ „Воймѣ", съ данными, содержащимися въ донесеніяхъ Финляндскаго Ж. Управленія

*) Доказывать существованіе спортивнаго общества „Сила" и не было особой надобности, оно существовало открыто, а доказать принадлежность ему нелѣпыхъ воззваній слѣдовало, но этого Лявданскій сдѣлать, разумѣется, не могъ.

и другими обстоятельствами приводитъ тоже къ весьма интереснымъ выводамъ.

Случай съ оружейникомъ Маннерстамомъ, упоминаемый въ одномъ изъ фальсифицированныхъ воззваній, составляетъ матеріалъ донесенія Начальника Финляндскаго К. Управленія, за № 105. Упоминаніе о „русскихъ шпіонахъ, которые разыскиваютъ склады оружія“ (листокъ: „Къ свѣдѣнію окружнымъ начальникамъ“) находитъ себѣ основаніе въ докладѣ генерала Фрейберга, который 21-го января 1906 года писалъ, за № 60, Директору Департамента Полиціи: „Мѣстные сепаратисты-крамольники, дѣйствуя рука объ руку съ русскими революціонерами, изгнавъ изъ края жандармовъ, образовали изъ Финляндіи базу для русскаго и всего иногородческаго революціоннаго движенія въ Россіи... Въ настоящее время, финляндцы крайне недовольны и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по ихъ свѣдѣніямъ, въ Гельсингфорсѣ, а такъ-же и въ другихъ мѣстахъ края, оперируютъ какіе-то русскіе агенты тайной полиціи“... Въ тѣхъ-же воззваніяхъ отъ имени „Воймы“ содержится рядъ замаскированныхъ выпадовъ противъ Мехелина, Лангофа и Герарда — людей, имена которыхъ жандармы въ Финляндіи не могли произносить хладнокровно.

Наконецъ, сопоставленіе документовъ обнаруживаетъ еще одну внутреннюю связь между ними. Въ циркулярѣ „Къ свѣдѣнію окружнымъ начальникамъ“ говорится: „нашъ циркуляръ отъ марта мѣсяца, благодаря стараніямъ шпіоновъ суамиторіанцевъ, попалъ въ руки нашего злѣйшаго врага „Новаго Времени“... Какъ дошло до страницъ помянутой газеты мартовское воззваніе „Къ истиннымъ друзьямъ отечества“ — я уже документально разъяснилъ: текстъ листка былъ сообщенъ жандармскимъ ротмистромъ Лявданскимъ сотруднику „Новаго Времени“ Рейнботу. Полученъ этотъ листокъ былъ, дѣйствительно, отъ шпіона-суамитаріанца—сотрудника Лявданскаго изъ

Куопіо. Все это такъ. Возникаетъ лишь вопросъ: какимъ путемъ могли узнать объ этомъ закулисномъ путешествіи воззванія сами „сепаратисты-крамольники", составлявшіе, яко-бы, прокламацію „Къ свѣдѣнію окружнымъ начальникамъ"? Какъ это могло случиться?

Я думаю—очень просто: авторами воззванія и освѣдомителями „Новаго Времени" были одни и тѣ-же лица.

Въ заключеніе я долженъ сказать слѣдующее. Все, что я знаю о воззваніяхъ, приписываемыхъ обществу „Война", убѣждаетъ меня въ одномъ: *листки эти сочинялись не тѣми, кому надо было поднять финляндцевъ противъ русскихъ, а тѣми, кому хотѣлось возстановить русскихъ противъ финляндцевъ*".

Процессъ „Воймы" является типичнымъ дѣломъ изъ числа тѣхъ, которыя возникаютъ на почвѣ финнофобства. Обстановка, создавшая абосскій процессъ, ярко характеризуетъ провокаторское поведеніе русскихъ охранниковъ въ Финляндіи и гнусную роль ихъ вѣрныхъ союзниковъ изъ лагеря черносотенныхъ писакъ. Дѣло „Воймы" обнаруживаетъ ту подпольную атмосферу, въ міазматическомъ туманѣ которой передъ глазами представителей имперской власти вырастаютъ инсуррекціонные миражи и сепаратистскіе жупелы.

Но предвзятое, глубоко враждебное отношеніе русскаго правительства къ Великому Княжеству вызывается не только шовинизмомъ и мнимой „финляндской опасностью"; это отношеніе имѣетъ и другія, скрытыя причины. Трудолюбивая, трезвая Финляндія, съ ея завиднымъ экономическимъ благосостояніемъ, всеобщей грамотностью и образцовой гражданственностью, стоитъ живымъ укоромъ передъ лицомъ оффиціальной Россіи. Горемыкины и Дейтрихи хорошо понимаютъ, на какія мысли наводитъ русскаго обывателя примѣръ Финляндіи,

говорящій о томъ, какого процвѣтанія можетъ достигнуть страна, пользующаяся нѣкоторой свободой и самостоятельностью, избавленная хотя на время отъ тяжелаго гнета бюрократической опеки.

Нечего, конечно, надѣяться на то, что русское правительство образумится и постарается урегулировать свои отношенія къ Финляндіи въ духѣ правовыхъ конституціонныхъ гарантій. Правящая бюрократія будетъ постоянно твердить о грозящей инородческой опасности, такъ какъ ей крайне необходимо отвлекать вниманіе народа отъ единственно реальной опасности, которую представляетъ для Россіи и всѣхъ народностей, ею объединяемыхъ, само правительство Николая II-го. Несомнѣнно такъ же, что усилія реакціонеровъ будутъ направлены къ тому, чтобы вызвать финляндцевъ на какой-нибудь эксцессъ и получить такимъ образомъ внѣшній поводъ для вторженія въ страну „съ огнемъ и мечемъ“. Излишне говорить, что эти провокаціонныя упованія тщетны. Высокая степень культурности, истинный патріотизмъ и несомнѣнная лойяльность финляндцевъ дадутъ имъ силы перенести всѣ невзгоды; у нихъ навѣрное найдется достаточно терпѣнія и мужества для того, чтобы дождаться момента, когда русская демократія, въ союзѣ со всѣми искренними друзьями свободы, побѣдитъ своего исконнаго врага, когда государственная власть перейдетъ въ руки дѣйствительнаго народнаго представительства, которое и дастъ всѣмъ національностямъ, входящимъ въ составъ державы россійской, возможность самоопредѣлиться на основахъ права и справедливости.

Л. Меньщиковъ.

О неопубликованныхъ шпіонахъ.

Въ дни далекой юности, я былъ преданъ одновременно двумя „товарищами“, оказавшимися агентами охраны: тѣмъ, кто меня пропагандировалъ (Зубатовъ) и тѣмъ, кого я развивалъ (Крашенинниковъ). Я рѣшилъ тогда вступить въ лагерь охранниковъ, чтобы раскрыть пріемы ихъ дѣятельности и поставилъ себѣ ближайшей цѣлью выясненіе личностей шпіоновъ.

За все время своего пребыванія въ полиціи я самымъ тщательнымъ образомъ, насколько позволяли обстоятельства и физическая возможность, собиралъ всякія указанія на предателей: распрашивалъ свѣдущихъ людей, записывалъ слышанное, копался въ дѣлахъ, снималъ копіи съ документовъ, наводилъ справки и т. д. Многое и самое существенное, въ этомъ отношеніи, мнѣ дало пребываніе въ Департаментѣ Полиціи, куда я долго стремился и куда подъ конецъ проникъ; только въ Особомъ Отдѣлѣ этого департамента раскрылась передо мною общая картина системы политическаго розыска и наличныя силы охранной организаціи.

Разоблаченіе провокаціи я началъ съ извѣстнаго письма, посланнаго осенью 1905 года, партіи соціалистовъ-революціонеровъ съ указаніемъ на предательскую роль Татарова и Азефа, изъ которыхъ впослѣдствіи первый былъ убитъ, а второй скрылся. Къ полной реализаціи данныхъ о шпіонахъ я приступилъ послѣ того, какъ перебрался за границу. Здѣсь, прежде всего, я открылъ Бурцеву настоящее имя Гартинга (онъ-же провокаторъ Ландезенъ), оказавшагося его старымъ знакомымъ — Абрамомъ Гекельманомъ. За-

тѣмъ, черезъ Бурцева-же, я сообщилъ россійской с.-д. р. партіи о томъ, что въ ея заграничной средѣ находится предатель Батушанскій (онъ-же Баритъ). Одновременно я установилъ бундистамъ, что провокаторъ, котораго они старались выяснить, по указаніямъ Бакая, есть Каплинскій. Войдя потомъ въ непосредственныя сношенія съ представителями партіи соц.-революціонеровъ, я раскрылъ имъ провокаторскую роль Зинаиды Жученко и назвалъ имя одного изъ серьезнѣйшихъ и старѣйшихъ агентовъ охраны — Анны Егоровны Серебряковой, обслуживавшей различныя группы и организаціи. Осенью 1909 г. я передалъ спеціальнымъ делегатамъ партійныхъ центровъ списки лицъ, извѣстныхъ мнѣ въ качествѣ агентовъ охранной полиціи; такимъ путемъ я сообщилъ: россійской соц.-дем. р. партіи — 90 фамилій, Бунду — 20, польскимъ революціоннымъ партіямъ — 75, партіи соц.-революціонеровъ — 25, организаціямъ, дѣйствующимъ на Кавказѣ — 45 и финляндцамъ — 20.

Относительно нѣкоторыхъ указанныхъ мною революціоннымъ организаціямъ провокаторовъ возникли разслѣдованія въ особыхъ партійныхъ комитетахъ съ моимъ участіемъ, въ качествѣ свидѣтеля; всѣ эти дѣла закончились обвинительными резолюціями и такимъ образомъ были объявлены предателями: Жученко, Батушанскій, Каплинскій, Розенбергъ, Пуцято-Русановская, Спандарьянцъ (Константинъ) и Еваленко. (Комиссія, образовавшаяся весной 1910 года для разсмотрѣнія дѣла Серебряковой, не опубликовала, почему-то, своего рѣшенія до сего времени).

Изъ агентовъ охраны, указанныхъ мною партійнымъ центрамъ, были впослѣдствіи оглашены еще: 14 лицъ — Бундомъ (въ циркулярѣ Центральнаго Комитета, за № 39), три лица (Алакшина, Лялинъ и Осиповскій) — партіей соц.-революціонеровъ („Знамя Труда“, № 21—22), нѣсколько — польскими организаціями. Кромѣ того, на основаніи моихъ свѣдѣній, было опубликовано до 80-ти

шпіоновъ (партійная принадлежность которыхъ была неизвѣстна) въ журналахъ: „Общее Дѣло“ Бурцева (№№ 1—3) и „Революціонная Мысль“ (№ 6). Наконецъ, въ позднѣйшее время мною были разоблачены, въ легальной прессѣ, бывшій агентъ Судейкина — Владиміръ Дегаевъ, состоящій подъ фамиліей Полевого, секретаремъ русскаго консульства въ Нью-Іоркѣ и рядъ лицъ, причастныхъ къ почтовой перлюстраціи.

Разоблаченіе политическаго шпіонажа является, по моему мнѣнію, одинаково важнымъ для всѣхъ русскихъ оппозиціонныхъ партій. Въ Россіи отъ доносовъ одинаково можетъ страдать и революціонеръ, и кадетъ, и прогрессистъ. Поэтому имена предателей должны получать самую широкую огласку, — это одна изъ мѣръ общественной самообороны, безъ которой нельзя обойтись.

Къ сожалѣнію дѣло борьбы съ политическимъ шпіонажемъ съ самаго начала попало въ ненормальныя условія, — съ первыхъ же шаговъ оно сдѣлалось достояніемъ газетной шумихи, дутыхъ сенсацій и саморекламы. Благодаря этому разоблачительная кампанія не принесла желательнаго моральнаго оздоровленія, а породила много ошибокъ, перепуга, сплетенъ и лжи. Глубокій, наболѣвшій вопросъ о провокаціи не получилъ серьезнаго, коллективнаго обсужденія. Общій планъ систематической борьбы съ предательствомъ остался невыработаннымъ и важное, отвѣтственное дѣло было предоставлено партизанству и частной иниціативѣ добровольцевъ.

Три года тому назадъ я писалъ представителю Бунда: „Изобличеніе шпіоновъ должно быть прежде всего дѣломъ тѣхъ группъ и организацій, которыхъ предательство этихъ лицъ ближайшимъ образомъ касается. Частныя лица съ разоблаченіями шпіоновъ выступаютъ публично лишь послѣ того, какъ послѣдніе были указаны заинтересованнымъ организаціямъ и въ томъ случаѣ, если эти организаціи не сдѣлали, по какимъ-либо причинамъ,

того, что надлежало сдѣлать въ отношеніи предателей, виновность которыхъ несомнѣнна".

Такъ я думалъ тогда, того-же мнѣнія придерживаюсь и теперь. Однако, скоро минетъ пять лѣтъ съ того времени, какъ я сообщилъ списки шпіоновъ партійнымъ центрамъ — срокъ, достаточный, мнѣ кажется, для того, чтобы слѣдственныя коммиссіи организацій могли прійти къ тѣмъ или другимъ выводамъ по сообщеннымъ мною даннымъ. Нельзя, поэтому, не задаться вопросомъ: все ли предпринято партійными центрами изъ того, что надлежало предпринять на основаніи сообщенныхъ мною свѣдѣній?

Я знаю, какъ трудно дѣлать провѣрку обвиненій въ предательствѣ; она требуетъ много силъ, средствъ и времени. Мнѣ извѣстно, что масса такихъ разслѣдованій свалилась на голову партій въ такой моментъ, когда организаціонный аппаратъ ихъ былъ совершенно разбитъ. Дѣлу разслѣдованія мѣшалъ и цѣлый рядъ внутреннихъ, психологическихъ причинъ. Вопросъ о томъ, все ли сдѣлано на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ мною организаціямъ, для меня является лишь предпосылкой къ другому, болѣе меня занимающему и субъективно-важному вопросу, а именно: все ли *мною* сдѣлано для того, чтобы обезвредить лицъ, о принадлежности которыхъ къ охранѣ мнѣ доподлинно извѣстно?

Въ сообщеніи свѣдѣній о шпіонахъ партійнымъ центрамъ я видѣлъ не цѣль, а средство. Борьбу съ провокаціей я считаю дѣломъ не только общереволюціоннымъ, но и общественнымъ и своимъ собственнымъ. Для меня совсѣмъ не безразлично, въ какой именно мѣрѣ использованы мои свѣдѣнія о шпіонажѣ, доставшіяся мнѣ дорогой цѣной. Я не могу не чувствовать себя отвѣтственнымъ за то, что весьма важныя изъ этихъ свѣдѣній не дѣлаются общественнымъ достояніемъ, въ то время, какъ торжествующая реакція снова начинаетъ загонять все живое въ подполье, гдѣ старые предатели могутъ найти себѣ новыя жертвы.

Что именно сдѣлано на основаніи моихъ свѣдѣній партійными организаціями — неизвѣстно. Партіи, можетъ быть, имѣютъ свои основанія молчать по этому поводу. Но и я, въ этомъ случаѣ, имѣю право дѣйствовать такъ, какъ мнѣ подсказываютъ совѣсть и разумъ. И если я вижу, что изъ свыше 250-ти шпіоновъ, указанныхъ мною партійнымъ центрамъ, опубликовано лишь два десятка; если я увѣренъ, что относительно 99 % охранниковъ, оставшихся неопубликованными, свѣдѣнія вполнѣ достовѣрны; если я знаю, что среди нихъ есть немало такихъ, виновность которыхъ даже съ строго юридической точки зрѣнія не можетъ подлежать сомнѣнію — то я нахожу, что задачи, которыя я преслѣдую, далеко не достигнуты. Пусть даже среди этихъ 250-ти шпіоновъ большая часть уже не имѣетъ реальнаго значенія; но если среди нихъ можетъ найтись хотя нѣсколько лицъ, продолжающихъ съ успѣхомъ свое гнусное дѣло — молчать въ этомъ случаѣ было-бы преступленіемъ.

Въ настоящее время я составляю одинъ общій списокъ, въ который войдутъ имена шпіоновъ, уже сообщенныя партійнымъ центрамъ, а также нѣсколько новыхъ, выяснившихся въ позднѣйшее время. Этотъ списокъ будетъ сообщенъ центрамъ всѣхъ дѣйствующихъ революціонныхъ организацій. И если послѣднія и въ дальнѣйшемъ не найдутъ нужнымъ огласить имена предателей, опубликованіе которыхъ уже возможно и если препятствіемъ къ такому опубликованію не будутъ служить какія-либо спеціальныя, практическія, достаточно уважительныя причины, то я не сочту возможнымъ ждать еще длительные годы и буду вынужденъ назвать имена предателей публично за своей личной отвѣтственостью. Это мой долгъ и я его выполню.

Л. Меньщиковъ.

1-го мая 1914 г.

Оглавленіе.

стр.

1. Объ изданіи исторической библіотеки русскаго освободительнаго движенія «Минувшее» I—XVIII
2. Секретныя денесенія Рачковскаго, Ратаева и Гартинга, завѣдывавшихъ розыскной агентурой за границей:
   - I. «Справка»—донесенія Рачковскаго отъ 25-го іюня и 9-го іюля 1898 г. 21
   - II. Донесенія Рачковскаго о М. В. Лурія. . 31
   - III. Докладъ Рачковскаго отъ 10 іюня 1900 г. 36
   - IV. 12 іюня 1900 г. 59
   - V. 27 сент. 1900 г. 70
   - VI. 22 нояб. 1900 г. 94
   - VII. 2 авг. 1901 г. 123
   - VIII. „ „ 15 авг. 1901 г. 150
   - IX. Донесеніе Гартинга „ 8 іюля 1903 г. 158
   - X. Записка Ратаева отъ 28 іюля—10 авг. 1903 г. 162
   - XI. Донесеніе отъ 31 авг. 1903 г. 163
   - XII. » Гартинга 17 янв. 1904 г. 166
   - XIII. Докладъ Ратаева 22 окт. 1904 г. 182
3. Примѣчанія къ донесеніямъ. *Л. Меньщиковъ.* 198
4. Приложенія:
   - I. Русскіе охранники въ Финляндіи 219
   - II. О неопубликованныхъ шпіонахъ . 244